

ISSN 2072-9391

№ 2 (50) Июнь 2019
№ 2 (50) June 2019

ТРУДЫ

Академии управления
МВД России

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Научно-практическое издание
для руководителей и специалистов
правоохранительных органов

Scientific and practical publication
for managers and specialists
of law enforcement agencies

МОСКВА • 2019

Главный редактор
Конев Андрей Николаевич,
начальник Академии управления
МВД России, доктор технических наук,
кандидат юридических наук, доцент.
Москва. Российская Федерация.

Заместитель главного редактора
Павличенко Николай Владимирович,
заместитель начальника Академии управления
МВД России, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации.
Москва. Российская Федерация.

ТРУДЫ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

2019 № 2 (50)

ИЮНЬ

Журнал издается
с декабря 2006 г.

Редакционный совет

Аверьянова Татьяна Витальевна,
профессор кафедры судебных экспертиз
и криминалистики Российского
государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации.
Москва. Российская Федерация;

Беляева Лариса Ивановна,
профессор кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации.
Москва. Российская Федерация;

Капинус Оксана Сергеевна,
ректор Университета прокуратуры
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор.
Москва. Российская Федерация;

Майдыков Анатолий Федорович,
профессор кафедры управления органами
внутренних дел в особых условиях
центра командно-штабных учений
Академии управления МВД России, доктор
юридических наук, профессор, заслуженный
деятель науки Российской Федерации.
Москва. Российская Федерация;

Мацкевич Игорь Михайлович,
старший партнер юридической группы
«Юракадемия: Кутафин и партнеры»,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации.
Москва. Российская Федерация;

Россинская Елена Рафаиловна,
директор Института судебных экспертиз
Московского государственного
юридического университета имени
О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических
наук, профессор, академик РАЕН,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации.
Москва. Российская Федерация;

Сейтенов Калиолла Кабаевич,
директор Института судебной экспертизы
Казахского гуманитарно-юридического
университета, доктор юридических наук,
профессор.
Нур-Султан. Республика Казахстан.

Редакционная коллегия

Андреева Ирина Анатольевна, профессор кафедры теории
и методологии государственного управления Академии
управления МВД России, доктор юридических наук,
доцент. Москва. Российская Федерация;

Афанасьев Владимир Сергеевич, главный научный сотрудник
отдела по изучению проблем истории МВД России научно-
исследовательского центра Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской
Федерации. Москва. Российская Федерация;

Воронин Михаил Юрьевич, директор Института
международного права и правосудия Московского
государственного лингвистического университета,
доктор юридических наук, профессор.
Москва. Российская Федерация;

Гаврилов Борис Яковлевич, профессор кафедры
управления органами расследования преступлений
Академии управления МВД России, доктор юридических
наук, профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации.
Москва. Российская Федерация;

Джоробекова Арзыгуль Маманюевна, заместитель
начальника Академии МВД Кыргызской Республики
имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева по науке,
доктор юридических наук, профессор.
Бишкек. Кыргызская Республика;

Дильбарханова Жанат Рахимжановна, заместитель
начальника Алматинской академии МВД Республики
Казахстан имени Макана Есбутаева по научной работе,
доктор юридических наук, профессор.
Нур-Султан. Республика Казахстан;

Елагин Александр Георгиевич, профессор кафедры
управления деятельностью подразделений обеспечения
охраны общественного порядка центра командно-
штабных учений Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор.
Москва. Российская Федерация;

Киричек Евгений Владимирович, начальник управления
учебно-методической работы Академии управления
МВД России, доктор юридических наук, доцент.
Москва. Российская Федерация;

Кононов Анатолий Михайлович, референт Договorno-
правового департамента МВД России, доктор
юридических наук, профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации.
Москва. Российская Федерация;

Корякин Илья Петрович, заместитель начальника
Карагандинской академии МВД Республики Казахстан
имени Б. Бейсенова, доктор юридических наук.
Караганда. Республика Казахстан;

Лексин Иван Владимирович, заведующий кафедрой
правовых основ управления факультета
государственного управления Московского
государственного университета
имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук,
доцент. Москва. Российская Федерация;

Мазур Сергей Филиппович, профессор кафедры
гражданского права и гражданского процесса
Института международного права и экономики имени
А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, профессор.
Москва. Российская Федерация;

Мелехин Александр Владимирович, профессор
кафедры государственного строительства и права
Университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор.
Москва. Российская Федерация;

Миронов Анатолий Николаевич, профессор кафедры
управления деятельностью подразделений
обеспечения охраны общественного порядка
Академии управления МВД России, доктор
юридических наук, доцент.
Москва. Российская Федерация;

Можаева Ирина Павловна, главный научный сотрудник
отдела по исследованию проблем отраслевого
управления научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России, доктор юридических
наук. Москва. Российская Федерация;

Мулукаев Роланд Сергеевич, главный научный сотрудник
отдела по изучению проблем истории МВД России
научно-исследовательского центра Академии
управления МВД России, доктор юридических наук,
профессор. Москва. Российская Федерация;

Невский Сергей Александрович, главный научный
сотрудник ВНИИ МВД России, доктор юридических
наук, профессор. Москва. Российская Федерация;

Орлов Владислав Николаевич, профессор кафедры
уголовной политики Академии управления
МВД России, доктор юридических наук, доцент.
Москва. Российская Федерация;

Осокин Роман Борисович, начальник факультета
подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени
В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.
Москва. Российская Федерация;

Победкин Александр Викторович, профессор
кафедры управления органами расследования
преступлений Академии управления
МВД России, доктор юридических наук, профессор.
Москва. Российская Федерация;

Солдатов Александр Петрович, главный научный
сотрудник отдела по изучению проблем истории
МВД России научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор.
Москва. Российская Федерация;

Тарасов Анатолий Михайлович, главный советник
генерального директора по юридическим вопросам
АО «Лаборатория Касперского», доктор юридических
наук, профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации.
Москва. Российская Федерация;

Цепелев Валерий Филиппович, профессор кафедры
уголовного права Московского государственного
юридического университета имени О. Е. Кутафина
(МГЮА), доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации.
Москва. Российская Федерация;

Яковец Евгений Николаевич, профессор кафедры
оперативно-розыскной деятельности Института
правоохранительной деятельности Российской
таможенной академии, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.
Москва. Российская Федерация;

Мартыненко Наталья Эдуардовна (секретарь),
профессор кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор.
Москва. Российская Федерация.

Editor-in-Chief

Andrei N. KONEV,

Dr. of Technology, Candidate of Law, Associate Professor, Head of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation.

Deputy Editor-in-Chief

Nikolai V. PAVLICHENKO,

Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Deputy Head of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation.

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY

OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2019

№ 2 (50)

June

The Journal
has been published since
December 2006

Membership of the Editorial Council of the Journal

Tatyana V. AVERYANOVA,

Dr. of Law, Merited Research Worker of the Russian Federation, Professor at the Department of Forensics and Forensic Examination (Russian State University of Justice). Moscow. Russian Federation;

Larisa I. BELYAEVA,

Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of the Criminal Policy (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Oksana S. KAPINUS,

Dr. of Law, Professor, Head of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation. Moscow. Russian Federation;

Anatoly F. MAYDYKOV,

Dr. of Law, Merited Research Worker of the Russian Federation, Professor at the Department of Management of Bodies and Units of the Internal Affairs Bodies in Special Conditions of Center for Command Games (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Igor M. MATSKIEVICH,

Dr. of Law, Merited Research Worker of the Russian Federation, Senior Partner of the Law Firm 'Law Academy: Kutafin & Partners'. Moscow. Russian Federation;

Elena R. ROSSINSKAYA,

Dr. of Law, Professor, Merited Research Worker of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor, Director of the Institute of Forensic Examinations (O. E. Kutafin Moscow State Law Academy). Moscow. Russian Federation;

Kaliolla K. SEYTENOV,

Dr. of Law, Professor, Director of the Institute of Forensic Examinations (Kazakh University of the Humanities and Law). Nur-Sultan. Republic of Kazakhstan.

Editorial Board of the Journal

Irina A. ANDREYEVA, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Theory and Methodology of Government (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Vladimir S. AFANASYEV, Dr. of Law, Merited Law Expert of the Russian Federation, Chief Researcher at the Department of the History of the Interior Ministry of Russia Problems Studying at the Research Center (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Mikhail Yu. VORONIN, Dr. of Law, Professor, Head of the Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University. Moscow. Russian Federation;

Boris Ya. GAVRILOV, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Management of Bodies and Units Crimes' Investigation (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Arzygul' M. DZHOROBEKOVA, Dr. of Law, Professor, Deputy Head for Science at General Major E. A. Aliyev Academy of the Ministry of the Interior of the Kyrgyz Republic. Bishkek. Kyrgyz Republic;

Zhanat R. DILBARKHANOVA, Dr. of Law, Professor, Deputy Head for Scientific Work at Makan Yesbulatov Almaty Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan. Nur-Sultan. Republic of Kazakhstan;

Alexander G. YELAGIN, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of Management of Public Order Services (Center for Command Games, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Evgeniy V. KIRICHYOK, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Educational Methodical Work Management (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Anatoliy M. KONONOV, Dr. of Law, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor, Referent at the Law and Agreements Department of the Interior Ministry of Russia. Moscow. Russian Federation;

Ilya P. KORYAKIN, Dr. of Law, Deputy Head for Scientific Work at the Barimbek Beysenov Karaganda Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan. Karaganda. Republic of Kazakhstan;

Ivan V. LEK SIN, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Department of the Legal Foundations for Management at the Faculty of the State Management of the State Moscow University named after M. V. Lomonosov. Moscow. Russian Federation;

Sergey F. MAZUR, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of Civil Law and Civil Process of the Institute of the International Law and Economics named after A. S. Griboyedov. Moscow. Russian Federation;

Alexander V. MYELYOHIN, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the State Building and Law of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation. Moscow. Russian Federation;

Anatoliy N. MIRONOV, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Public Protection Bodies Management (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Irina P. MOZHAEVA, Dr. of Law, Chief Researcher at the Department of the Studying Branch Management Problems at the Research Center (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Roland S. MULUKAYEV, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher at the Department of the History of the Interior Ministry of Russia Problems Studying at the Research Center (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Sergei A. NEVSKY, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher at the All-Russia Scientific Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;

Vladislav N. ORLOV, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the Criminal Policy (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Roman B. OSOKIN, Dr. of Law, Professor, Head of the Faculty for Training Research and Teaching Staff Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Y. Kikot. Moscow. Russian Federation;

Alexander V. POBEDKIN, Dr. of Law, Professor, Department of Management of Bodies and Units Crimes' Investigation (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Alexander P. SOLDATOV, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher at the Department of the History of the Interior Ministry of Russia Problems Studying at the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;

Anatoliy M. TARASOV, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Chief Adviser of the General Director of the «Kaspersky Laboratory» for the Juridical Questions. Moscow. Russian Federation;

Valeriy F. TSEPELEV, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the Criminal Law of the State Moscow Juridical University named after O. Ye. Kutafin (SMJU), Merited Law Expert of the Russian Federation. Moscow. Russian Federation;

Yevgeniy N. YAKOVETS, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of the Operative Investigative Activity (Institute of Law Enforcement of Russian Customs Academy). Moscow. Russian Federation;

Natalia E. MARTYNYENKO (Secretary), Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the Criminal Policy (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation.

Над номером работали

Д. В. Алентьев
Е. В. Белик
В. И. Долинко
П. А. Роголёв

С. А. Романова
М. А. Фильчагина
В. А. Яровая

Техническая верстка: С. Х. Аминов

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75592 от 19 апреля 2019 г.

При использовании материалов ссылка на журнал «Труды Академии управления МВД России» обязательна.

Подписано в печать 28.06.2019.
Формат 60×84 1/8.

Объем 18,3 п. л. Тираж 500 экз.
Выходит 4 раза в год.
Цена свободная.

Адрес редакции и издателя:
125993, Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.
Тел.: 8 (499) 745-81-43.
Тел./факс: 8 (499) 745-82-23.
E-mail: ebelik3@mvd.ru
Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 15548.
Сайт: <https://a.mvd.rf/folder/6891081>.

Отпечатано
в отделении полиграфической
и оперативной печати РИО
Академии управления
МВД России.
125171, Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.
Тел.: 8 (499) 745-81-43.

Решением Высшей
аттестационной комиссии
Министерства науки
и высшего образования
Российской Федерации
журнал «Труды Академии
управления МВД России»
включен в Перечень
рецензируемых научных
изданий, в которых
должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание
ученых степеней доктора
и кандидата наук по научным
специальностям: 12.00.01, 12.00.02,
12.00.08, 12.00.09, 12.00.11,
12.00.12, 12.00.14.

© Академия управления МВД России, 2019.

ТРУДЫ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

2019
№ 2 (50)

ИЮНЬ

Журнал издается
с декабря 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НА АКТУАЛЬНУЮ ТЕМУ

Конев А. Н. Состязательная идеология в уголовном судопроизводстве: путь к сущности через «образ врага»..... 8

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Мартынов А. Н., Кравец Е. Г., Шувалов Н. В. Методика выработки у обучающегося навыка использования видео-конференц-связи при производстве предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего 15
Попов В. В. Соотношение правового регулирования и правового воздействия: методологические ошибки 22

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ:

МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Афанасьев В. С., Примак Т. К. Конституция Российской Федерации: история создания и перспективы развития..... 32

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Кузнецов В. В., Горбатенко Д. С. Особенности учета происшествий при эксплуатации автомобильного транспорта 39
Трофимов Д. А. Отдельные вопросы организационного проектирования территориальных органов МВД России на транспорте..... 45

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Гирько С. И. Практика ускоренного дознания: организационные и теоретические проблемы..... 50

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Принцип конспирации в оперативно-розыскной деятельности: концептуальность VS декларативность 58
Яковец Е. Н. Формирование социально-психологического портрета лица, участвующего в осуществлении оперативно-розыскных мероприятий..... 64

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Антонов И. А., Победкин А. В. Презумпция доверия полиции в сфере уголовного судопроизводства (зарубежный опыт) 74
Исерепова А. К. Пробационная деятельность по законодательству Республики Казахстан и значение ее результатов в сфере уголовного процесса 80
Лаппо Е. А. Об уточнении значения минимальной поражающей способности ручного стрелкового огнестрельного оружия 87
Рустамзода З. Р. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан: проблемы и пути решения 97
Шарифзода Ф. Р., Ульянов А. Д., Шарифзода М. С. Кадровый потенциал органов внутренних дел как стратегический ресурс противодействия внутренним угрозам национальной безопасности Республики Таджикистан 105

Уважаемые авторы!

Журнал «Труды Академии управления МВД России» размещает материалы, имеющие научное и практическое значение, отличающиеся актуальностью и новизной.

Общие требования к представляемым для опубликования статьям размещены на официальном сайте Академии управления МВД России по адресу: <https://a.mvd.rf> в разделе «Наука».

Просим вас вместе со статьями предоставлять аннотации к ним объемом от 300 печатных знаков (200 – 250 слов), ключевые слова (5–7), пристатейные библиографические списки (не менее 10 и не более 25 ссылок на источники). Материалы подаются на электронных носителях в виде текстового файла Microsoft Word вместе с распечаткой на бумаге через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman 14 размера.

Объем статьи не должен превышать 24 страницы машинописного текста, включая таблицы, список литературы и рисунки.

Все статьи проходят двойное «слепое» рецензирование. В случае возвращения автору рукописи статьи для исправления или доработки к ней будет прилагаться рецензия.

Редакционная коллегия, главный редактор и редакция научного журнала в своей деятельности придерживаются этических норм, позволяющих повысить качество публикуемых статей.

Журнал находится в открытом доступе в сети Интернет. При передаче в журнал рукописи статьи автор дает согласие на размещение текста статьи в сети Интернет.

Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей. Журнал публикует только подлинные высококачественные научные работы. К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях, имеющие процент оригинальности ниже 70 %, в которых присутствует плагиат.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

- Андреева О. А., Фисаков М. Ю.** Реформирование российских следственных органов в XIX в.: динамика смены моделей деятельности 112
- Варенцова Л. Ю.** Борьба милиции со спекуляцией в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) 119
- Мулукаев Р. С.** Эволюция системы пресечения и раскрытия преступлений в полиции Российской империи (статья вторая) 125

Трибуна молодого ученого

- Жолдаскалиев С. М.** Организационно-правовые аспекты реализации досудебной пробации в Республике Казахстан: проблемы и пути решения 132
- Крымов В. А.** Начало производства по уголовному делу и уголовно-процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов его участников 144
- Чумичкин А. С.** Некоторые вопросы реализации виктимологической профилактики преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел 151

Worked with issue

D. V. Alentyev
E. V. Belik
V. I. Dolinko
P. A. Rogulyov

S. A. Romanova
M. A. Filchagina
V. A. Yarovaya

Technical layout: S. H. Aminov

The journal «Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia» is registered with the Federal service for supervision of communications, information technology and mass media. Certificate of Registration ПИ № ФС77–75592 on April 19, 2019.

Using materials reference to the journal «Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia» is required.

Print is signed 28.06.2019
Format 60×84 1/8

Capacity, printed sheet 18,3 p. s.
Circulation 500 copies.
Published 4 times a year.
Negotiable price.

Address of the Editorial Office
and Publisher:

125993, Zoi i Alexandra
Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.
Tel.: 8 (499) 745-81-43.
Tel/fax: 8 (499) 745-82-23.
E-mail: ebelik3@mvd.ru
Subscription index
at the General catalogue
«The Press of Russia»: 15548.
Website: <https://a.mvd.pf/folder/6891081>.

Printed by the Unit for Typographic and
Operative Printing
of the Publishing Department
of the Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia.
125171, Zoi i Alexandra
Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.
Tel.: 8 (499) 745-81-43.

By the decision of the Higher
Attestation Commission
of the Ministry of Science and High
Education the Russian Federation
journal «Proceedings
of the Management Academy
of the Ministry of the Interior
of Russia» is included in the list
of reviewed scientific journals,
in which major scientific results
of dissertations for the degree
of doctor and candidate of sciences
should be published
by scientific specialties: 12.00.01,
12.00.02, 12.00.08, 12.00.09,
12.00.11, 12.00.12, 12.00.14.

© Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia, 2019.

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2019

№ 2 (50)

June

The Journal
has been published since
December 2006

CONTENT

TOPICAL ISSUES

Konev A. N. Adversarial Ideology in Criminal Proceedings:
the Way to the Entity Through the «Image of the Enemy» 8

SCIENTIFIC METHODOLOGICAL PROBLEMS

Martynov A. N., Kravets E. G., Shuvalov N. V. The Method of Developing
the Student's Skill of Using Videoconferencing in Production
of Identification Parade in Conditions that Exclude Visual Observation
of the Identifying 15
Popov V. V. Correlation of Legal Regulation and Legal Impact:
Methodological Errors 22

STATE MANAGEMENT: METHODOLOGY, LEGAL ENFORCEMENT

Afanasyev V. S., Primak T. K. The Constitution of the Russian Federation:
History and Prospects of Development 32

MANAGEMENT OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Kuznetsov V. V., Gorbatenko D. S. Features of the Accounting of Accidents
During the Operation of the Automobile Transport 39
Trofimov D. A. Some Issues of Organizational Design of Territorial Bodies
of the Interior Ministry of Russia in Transport 45

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

Girko S. I. Accelerated Inquiry: the Organizational
and Theoretical Problems 50

DETECTION, CLEARANCE AND INVESTIGATION OF CRIMES

Pavlichenko N. V., Tambovtsev A. I. The Principle of Conspiracy
in the Operational-Search Activities: Conceptuality VS Declarative 58
Yakovets E. N. Formation of a Socio-Psychological Portrait of a Person
Involved in the Implementation of Operational-Search Measures 64

FOREIGN EXPERIENCE, INTERNATIONAL COOPERATION

Antonov I. A., Pobedkin A. V. Presumption of the Police Confidence
in a Sphere of the Criminal Proceedings (the Foreign Experience) 74
Isergepova A. K. Testing Activities Under the Legislation of the Republic
of Kazakhstan and the Importance of Its Results in the Field
of Criminal Procedure 80
Lappo E. A. Clarifying the Value of Hand-Held Small Arms' Minimum
Damaging Ability 87
Rustamzoda Z. R. Illicit Trafficking in Narcotic Drugs
and Psychotropic Substances in the Republic of Tajikistan:
Problems and Solutions 97
Sharifzoda F. R., Ul'janov A. D., Sharifzoda M. S. Personnel Potential
of the Internal Affairs Bodies as a Strategic Resource to Counter
the Internal Threats to the National Security of the Republic of Tajikistan 105

For attention of the authors

The journal «Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia» publishes original material of topical significance, scientific value and practical importance.

General requirements for submitted for publication of articles posted on the official website of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia at <https://a.mvd.ru> in the «Science» section.

The text of your paper should come together with a list of references (not less than 10 and not more than 25 references), 5 to 7 keywords and an abstract of 300 typed characters (200 – 250 words).

The material is expected to be delivered to the Journal as a Microsoft Word text file and a hard copy (spaced 1.5 intervals, font Times New Roman, size 14).

Your paper cannot be bigger than 24 typewritten pages (references, tables and pictures included).

All the articles are double «blind» peer reviewed. If it is sent back to you for revision or improvement, a copy or copies of the relevant review(s) will be enclosed.

The Editorial Board, the Editor-in-Chief and the Editorial Department of the research Journal espouse certain ethical principles, which also makes for a high quality and intellectual continuity of the publishing articles.

This Journal is an open-access in the Internet. When transferring to the journal the manuscript the author agrees to the placement of articles in Internet. The edition do not charge any fees for publication of the articles.

The Journal publishes only original high quality scientific works. Articles published in other scientific journal with the percentage of originality below 70 %, in which there is plagiarism, are not accepted for consideration.

LAW ENFORCEMENT RETROSPECTIVE

- Andreeva O. A., Fisakov M. Yu.** Reform of the Russian Investigative Bodies of the XIX Century: Dynamics of Change of Models of Activity 112
- Varentsova L. Yu.** Police Struggle Against Speculation in the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945) 119
- Mulukaev R. S.** Evolution of the system of suppression and disclosure of crimes in the Russian Empire police (Article Two) 125

THE TRIBUNE OF A YOUNG SCIENTIST

- Zholdaskaliyev S. M.** Organizational and Legal Implementation Aspects of the Pre-Trial Probation in the Republic of Kazakhstan: Problems and Solutions..... 132
- Krymov V. A.** Initiation of Criminal Case and Criminal Procedural Guarantees of Ensuring the Rights and Legitimate Interests of Its Participants..... 144
- Chumichkin A. S.** Some Issues of Implementation of Victimological Crime Prevention Committed Against Employees of the Internal Affairs Bodies 151

НА АКТУАЛЬНУЮ ТЕМУ

А. Н. КОНЕВ,
начальник Академии управления МВД России,
доктор технических наук,
кандидат юридических наук, доцент
Российская Федерация, 125993,
г. Москва, ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8
E-mail: akonev@mvd.gov.ru
Научная специальность:
12.00.09 – уголовный процесс.

A. N. KONEV,
Doctor of Technology, Candidate of Law,
Associate Professor,
Head of Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Russian Federation, 125993, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: akonev@mvd.gov.ru
Scientific speciality:
12.00.09 – Criminal Procedure.

УДК 316.75

Дата поступления статьи: 2 апреля 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Состязательная идеология в уголовном судопроизводстве: путь к сущности через «образ врага»

Adversarial Ideology in Criminal Proceedings: The Way to the Entity Through the «Image of the Enemy»

Аннотация

Актуальность: формула «состязательная идеология» используется в юридической литературе довольно обыденно, без разъяснения и уточнения ее содержания, однако объективный научный интерес требует обращения к подлинной сути явления, скрывающегося за этими уже ставшими привычными словами. Как правило, вслед за заявлениями о приметах этой идеологии идет перечисление преимуществ технологических правил процедурного соревнования, вытекающих из разделения процессуальных функций, самостоятельности суда, широты права на защиту, и т. д. Все это, несомненно, имеет отношение к состязательности как таковой, но не раскрывает ее идеологических основ, не предьявляет тех ключевых идей, на которых и строится состязательная идеология.

Цель исследования: постижение сущности состязательной идеологии по имеющимся сегодня юридическим источникам; поиск источника, в котором бы четко и внятно сформулиро-

Annotation

The relevance: the formula «adversarial ideology» is used in the legal literature quite ordinary without explanation and clarification of its content, but objective scientific interest requires an appeal to the true essence of the phenomenon behind these familiar words. As a rule, statements about the signs of this ideology are followed by a list of the advantages of technological rules of procedural competition arising from the separation of procedural functions, the independence of the court, the breadth of the right to protection etc. All this, of course, is relevant to competitiveness as such, but it does not reveal its ideological foundations and does not present the key ideas on which the competitive ideology is built.

The study purpose: comprehension of the essence of competitive ideology according to the available legal sources today; search for a source in which the postulates of competitive ideology would be clearly and distinctly formulated, its basic concepts were positively stated.

вались постулаты состязательной идеологии, позитивно излагались ее основные концепты.

Методы: в исследовании использованы общенаучные методы: анализ, синтез, дедукция, индукция, концептуально-ретроспективный и концептуально-идеологический анализы исторических документов.

В процессе исследования делается вывод о том, что идеологами состязательности последовательно создается учение о так называемом «образе врага», которого обязана победить или ослабить состязательность. Активное формирование этого образа есть уже сложившаяся историческая традиция. В статье синтезирован вывод о том, что активность в создании «образа врага» не приносит весомых практических результатов в поддержку расширения состязательности. Законодательство и правоприменительная практика складываются таким образом, что современное уголовное судопроизводство не видит своего будущего в этой идеологии. Да и сами идеологи состязательности все чаще констатируют провалы своей идеологии.

Ключевые слова: *состязательная идеология; состязательность; уголовный процесс; образ врага.*

The methods: the study used general scientific methods: analysis, synthesis, deduction, induction, conceptual-retrospective and conceptual-ideological analysis of historical documents.

The study concludes that the ideologists of competitiveness consistently create the doctrine of the so-called «image of the enemy», which is obliged to be defeated or weakened by the competitiveness. The active formation of this image is already an established historical tradition. The article synthesizes the conclusion that the activity in creating the «image of the enemy» does not bring significant practical results in support of the expansion of competition. Legislation and law enforcement practice develop in such a way that modern criminal proceedings do not see their future in this ideology. The ideologists themselves of competition are increasingly stating the failures of their ideology.

Key words: *adversarial ideology; adversary system; criminal procedure; image of the enemy.*

Формула «состязательная идеология» используется в юридической литературе как общеизвестное правило без уточнения данного понятия. Ученые полагают, что она и не требует пояснений. Похожее отношение к этой формуле сложилось и у нас, пока объективный научный интерес не потребовал обращения к подлинной сути явления, скрывающегося за этими уже ставшими привычными словами.

Однако постижение сущности состязательной идеологии, по имеющимся сегодня источникам, оказалось делом далеко не простым. Сложность состояла не только в том, что в описании состязательности идеологическая аргументация обычно подавляет беспристрастное научное обоснование. Основные трудности обусловлены тем, что в рамках сложившейся научной традиции исследователи не особо разграничивают идеологические и технологические аспекты в интерпретации состязательности. Тем не менее нам так и не удалось отыскать источник, в котором бы четко и внятно формулировались постулаты состязательной идеологии, позитивно излагались ее основные концепты.

Как правило, вслед за заявлениями о приметах этой идеологии идет перечисление преимуществ технологических правил процедурного соревнования, вытекающих из разделения про-

цессуальных функций, самостоятельности суда, широты права на защиту, и т. д. Все это, несомненно, имеет отношение к состязательности как таковой, но не раскрывает ее идеологических основ, не предьявляет тех ключевых идей, на которых и строится состязательная идеология.

Подобной схемы, утаивающей смысл идеи состязательности, на наш взгляд, придерживается и законодатель. Законодательная формулировка уводит этот вопрос в зону размежевания уголовно-процессуальных функций, а ч. 1 ст. 15 «Состязательность сторон» Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) никак ее не разъясняет. Это простая констатация: «уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон». Едва ли данное нормативное пожелание можно трактовать как идеологическое основание состязательности.

Для объяснения этого факта (сокрытия ключевых идей) вполне уместна была бы гипотеза, согласно которой термин «состязательная идеология» используется скорее для красоты и пафоса, чем для сути, которая в конечном итоге упирается всего лишь в процедурные особенности, вытекающие из принципа конкуренции, присущего всем сферам человеческого бытия. Однако гипотеза эта не подтверждается по той

простой причине, что в тех текстах, которые, по нашим оценкам, не содержат внятного повествования о сути состязательной идеологии, все приметы идеологии присутствовали. Основная примета этого присутствия — неизменное обращение авторов к формированию «образа врага», которого призвана победить или как минимум ослабить состязательность.

Непременное наличие «образа врага» — важнейшая примета идеологического мышления. Так, А. А. Зиновьев, к трудам которого мы относимся с особым уважением, указывает: «В содержание идеологии должна входить апологетика существующего строя, создание образа врагов как носителей зла...» [5, с. 314]. Поэтому наше обращение к этой смысловой составляющей состязательной идеологии оправданно с чисто методологической точки зрения. Мы не собираемся недружественный образ примерять к представителям состязательной идеологии. Интерес наш сугубо научный.

Анализ публикаций, посвященных проблемам состязательности, позволяет с полной ответственностью утверждать о том, что идеологами состязательности последовательно создается учение о явлениях, составляющих соответствующий вражеский образ. Активное формирование этого образа есть уже сложившаяся историческая традиция. Первая эпопея выявления врагов состязательности была предпринята еще во времена судебной реформы второй половины XIX в. И. Я. Фойницкий, С. В. Познышев, Н. Н. Розин и другие русские процессуалисты со всем свойственным им научным изяществом формулировали основные черты недружественных состязательности явлений. Так, И. Я. Фойницкий писал: «Следственный порядок усиливался по мере политического угнетения личности, а торжество принципа о личной свободе везде приводило к его ограничению» [9, с. 62].

Вторая мощная волна изгнания неугодных состязательности концептов пришлась на конец прошлого века. Не закончилась она и сегодня. Более того, можно говорить о том, что идеологическая кампания в поддержку состязательности усиливается. Где бы сегодня ни начинались разговоры о состязательности как процессуальной панацее, всюду призывают «образ врага», препятствующего учреждению справедливого правосудия.

Тот факт, что объекты для критики тщательно и детально разработаны, указывает на то, что состязательность, действительно, является прежде всего идеологией и лишь потом методологией. Ведь идеология — это априорное знание (учение) о благе, базовым блоком которого непременно выступает опять же преимущественно спекулятивное знание о том, что препятствует и вредит достижению этого блага. Несмотря

на то что о состязательности как о благе говорят преимущественно в технологическом ключе, идеологические вкрапления здесь тоже встречаются. В то же время «образ врага» состязательности формируется исключительно на идеологических доводах (на лозунгах, антипатиях, спекулятивных обобщениях).

Список современных идеологов состязательности весьма обширен. Однако концептуально эти идеологи едины. Их лозунг прост и понятен: «Ничего лучше, чем состязательность, человечество не изобрело». Различия наблюдаются лишь в градусе эмоциональности, уровне категоричности и проценте бескомпромиссности. Так, профессор А. В. Смирнов при всем нескрываемом уважении к состязательности склонен к компромиссу разных процессуальных идей и явно не ратует за абсолютизацию идеи состязательности. Профессор А. С. Александров является настоящим апологетом состязательной идеологии и последовательным борцом с инквизиционными началами современного уголовного процесса в малейших их проявлениях. Последовательным обличителем юридических и социальных явлений, препятствующих состязательному судопроизводству, можно назвать и Е. Б. Мизулину.

Мы с большим уважением относимся к вышеуказанному ученым и преследуемой ими первоначальной цели критической оценки идеологических констатаций и соответствующих этим констатациям способов аргументации. Наша первоочередная задача — показать инструменты, с помощью которых этот образ формируется, и выявить главный идеологический посыл, который питает состязательность. Нам необходимо это, как ни парадоксально, для создания беспристрастного «портрета» состязательности. «Образ врага» мы исследуем для того, чтобы рассмотреть сущность состязательной идеологии, следуя известному методу рассуждения — от противного. Заметим, что этот научный метод был весьма востребован в советское время. С его помощью искусные ученые пытались знакомить читателей с буржуазными процессуальными институтами. Формально речь шла о критике, но для понимающего читателя это была вполне позитивная информация о явлении.

Начнем приближение к искомому образу с работ А. В. Смирнова, который среди теоретиков состязательности занимает ведущие позиции. По его мнению, состязательность является инструментом, который даруется индивиду для борьбы ни с кем-нибудь, а именно с самим государством. «Состязательность как ничто иное отражает характер индустриальной цивилизации, предпринимательского общества и демократического государства, дух свободной конкуренции и противоборства, где каждому пре-

доставлен его шанс, в том числе и в судебной борьбе с самим государством» [8, с. 128].

Из приведенной цитаты следует, что автор пытается объективировать потребность в состязательности, вывести ее из общих независимых цивилизационных предпосылок, из самой идеи социального прогресса. При этом позитивный образ состязательности усиливается разного рода метафорами. «Сегодня, — пишет А.В. Смирнов, — в общественном сознании на звание вершины эволюции уголовного судопроизводства претендует прежде всего состязательный тип уголовного процесса. Действительно, что может быть лучше полного равенства в споре, а также беспристрастного и объективного суда. Только здесь индивид может на равных противостоять государству-Левифану» [8, с. 128].

Таким образом, в качестве средств идеологической аргументации состязательности (как блага) используются такие формулировки, как «вершина эволюции», «что может быть лучше состязательности». Эти формулировки используются в качестве аксиом. Причем такие качества, как «полное равенство в споре, беспристрастность и объективность суда» также приписываются состязательности умозрительно. В то же время все это делается на фоне «образа врага» — государство позиционируется не иначе как чудовище [6], как монстр, не оставляющий гражданину ни малейшего шанса уклониться от несправедливого правосудия.

При этом А.В. Смирнов в этом плане отнюдь не является новатором. В 1991 г. основной идеолог судебной реформы и человек, внесший существенный «состязательный» вклад в подготовку Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, — Е.Б. Мизулина защитила докторскую диссертацию, которая была направлена на создание недружественного образа государства в контексте уголовно-процессуальной деятельности. Само название работы красноречиво подтверждает это: «Уголовный процесс: концепция самоограничения государства».

Поимо презентации государства в качестве недруга личности, что особенно проявляется в сфере судопроизводства, Е.Б. Мизулина пытается создать ореол опасности для уголовного процесса, исповедующего примат объективной истины. В качестве одной из ключевых идей этой работы выступает установка, согласно которой «истинным может быть только способ, а не результат уголовно-процессуальной деятельности» [7].

Таким образом, внедрение идеологии состязательности непременно связано с переосмыслением цели уголовного процесса. Однако очевидно, что всякая ревизия и деконструк-

ция цели преследует намерение выбить из-под объекта, преследующего эту критикуемую цель, важнейшие идеологические подпорки. А такими подпорками для уголовного судопроизводства как вида государственной деятельности является телеологическая установка на обретение истинного знания. Нет необходимости доказывать, что объективная истина как цель уголовного процесса — это в первую очередь есть феномен идеологический и только потом методологический.

Именно поэтому идеологи состязательности стремятся нивелировать идею истины, лишить ее оснований, по которым она закономерно занимает статус цели уголовного судопроизводства и одновременно выполняет функцию ключевого уголовно-процессуального принципа. По сути, объективная истина в рамках судопроизводства тоже объявляется «врагом» человечества. Чтобы подчеркнуть это, истину пытаются непременно увязать с одиозными именами и событиями, до сих пор не получившими адекватной беспристрастной оценки. Именно объективную истину выставляют идеологической основой судебного и следственного производства.

Е.Б. Мизулина в своих рассуждениях демонстрирует типичный стиль идеологической аргументации. «Теория объективной истины, — пишет она, — оправдывает, ни много, ни мало, презумпцию виновности и не может служить теоретическим источником доказательства необходимости построения уголовно-процессуальной деятельности на основе презумпции невиновности. Не случайно именно этой теории придерживался один из авторов советской инквизиции — А.Я. Вышинский. Действительно, с помощью идеи об истине как цели уголовно-процессуальной деятельности можно объяснить и оправдать все: и необходимость применения пытки к обвиняемому, и бесправию потерпевшего, и произвол суда» [7].

При этом даже беспристрастный научный взгляд позволяет заметить, что в идеологическом противоборстве с объективной истиной (как целью уголовного процесса) используются софистические приемы. С одной стороны, об объективной истине в уголовном процессе рассуждать уместно (если рассуждать научно) исключительно в информационном контексте, трактуемом истину как адекватное знание об исследуемом объекте. По сути, это и есть классическая концепция истины, восходящая к Аристотелю. Однако в дискуссиях об объективной истине идеологами состязательности в сферу аргументации привлекается все, что когда-то было высказано об истине в разных сферах интеллектуальной деятельности. Для аргументации призываются и философские,

и религиозные трактовки (например, семантическая, прагматическая трактовка истины). В итоге выясняется, что все это обилие подходов бывает задействовано лишь с одной целью – усложнить понятие объективной истины в уголовном процессе, вынести на второстепенный план познавательную сущность процесса, затушевать реальные возможности уголовно-процессуальных средств достижения этой цели. Главный идеологический довод – «объективная истина недостижима в масштабах вселенной, следовательно, недостижима она и в уголовном процессе».

На идеологическом фоне, отрицающем истинный результат уголовно-процессуальной деятельности, вдруг появляется такая формула, как «истинный метод». Это вообще очень спорная формулировка. Сам по себе метод не может быть истинным, если в конечном итоге не подразумевать под истиной все знания об этом методе и о результатах, добываемых с его помощью. Если же и принять мысль о существовании истинного метода, то метод этот неизменно должен приводить к истине. Именно его истинная результативность и должна оправдывать имя. Однако идеологи состязательности не смущаются парадокса, в который заводят их рассуждения, и полагают возможным отрицание истины как результат применения истинного метода.

Таким образом, за истину принимается сам ритуал, само уголовно-процессуальное действие. Однако подобный подход был применим к судебному поединку, но мало подходит к современной форме уголовного судопроизводства. Складывается впечатление, что идеология состязательности до сих пор черпает энергетику из забытых древних судебных культов, не нуждающихся в рациональных доводах и руководимых свободно организованным обществом, сложившимся по законам человеколюбия.

Это свободное общество неизменно присутствует и в современной методологии формирования «образа врага» состязательности. Так, А. В. Смирнов, задаваясь вопросом о том, почему «стиль судебных отношений личности и государства в современном мире явно недоброжелательный», отвечает: «Гражданское общество все еще опасается государства, не доверяя ему до конца, и поэтому рассматривает уголовный процесс как гарантию защиты своих прав против бюрократического произвола» [8, с. 128–129].

По сути, мечта по гражданскому обществу есть в некотором смысле мечта по обществу, не знавшему государства и организованного аппарата принуждения. Идеологи состязательности вряд ли согласятся с этим, но вся их идеология имеет очень древние корни и древние же устремления. В основе своей состязательная

идеология – это идеология, зовущая уголовный процесс в сферу нерациональных доказательств, в сферу судебного поединка. И совсем не случайно сегодня появляются высказывания о том, что состязательный тип уголовного процесса деградирует в «выигрышно-проигрышный тип» [4, с. 10].

Автор этого подхода А. П. Блинков подчеркивает, что постепенно и неотвратно (и теперь уже не только на технологическом, но и на идеологическом уровне) нынешняя состязательность, действительно, «трансформируется в сугубо игровую субстанцию, пытается опереться на древние идеалы “процессуальных единоборств”» [4, с. 26].

Лучшим доказательством подобного положения вещей служит мнение самих идеологов состязательности. Так, А. С. Александров и В. В. Терехин открыто ставят под сомнение как объективную истину, так и научные методы ее достижения. «Нет диктату „методологии“... Все гуманитарные истины субъективны, ибо мерилом их является человек... Концепция объективной истины – явление зла, порожденное инквизиционной (а значит, тоталитарной) юридической традицией. Мы не принимаем распространенную метафору „отражения“, служащую методологическим базисом для теории объективной истины» [3, с. 8–14].

Причем А. С. Александров в продвижении состязательной идеологии весьма последователен в методике подчеркнутого отказа от научной методологии и ее достижений. Это видно в присущей ему критике теории доказательств в советском уголовном процессе, да и постсоветском тоже. А. С. Александров называет отечественную теорию доказательств не иначе как убогой теорией. Именно здесь, по его мнению, царит «засилье предрассудков и влияние авторитарных традиций и инструментов», обслуживающих следственный заказ. Аргументация же этого тезиса сводится к идеологической констатации: «Нет нужды специально разъяснять, что «советская теория доказательств» обслуживала тоталитарный режим, маскируя рассуждениями об объективности расследования отсутствие состязательности, без которой в свою очередь теория судебных доказательств невозможна» [1, с. 93].

Далее А. С. Александров заявляет, что теории судебных доказательств следует опереть на два концепта – «смысл» и «понимание», отказавшись от информационной (научной) трактовки доказательств в пользу бытового их толкования, опирающегося на идею гуманизма.

Попытка выдать за прогрессивную идею стремление воскресить забытые концепции и методики представляется идеологам состязательности как благо. «Новая состязательная

теория судебных доказательств, — пишут они, — это хорошо забытая софистика, которую мы намерены оправдать в виде риторической стратегии аргументации» [3, с. 12].

Уголовный процесс их интересует как игра, не более. «Правосудие — это игра, его значимость и социальная ценность в самой игре, ее организации... Судебная истина является вероятным знанием. „Истинными“ должны порядок, форма, процедура судебного познания, а не цель, результат. Суду надо стремиться не к тому, чтобы познать „объективную истину“, а соблюсти справедливый порядок судебного процесса, это стабилизирует...» [3, с. 12–13].

На наш взгляд, это и есть главное идеологическое откровение, ключевая идеологема состязательности — «значимость и ценность уголовного судопроизводства в самой игре». Из этой идеологемы нетрудно вывести следствие: все, что мешает игре, признается ненужным и вредным; все это аккумулируется в «образе врага». А это в первую очередь государство (в лице органов предварительного расследования) и объективная истина.

Сформированный «образ врага» в виде государства и объективной истины, а вслед за ними и всякой уголовно-процессуальной методологии, опирающейся на научный метод, позволяет идеологам состязательности развернуть критику ключевых государственных институтов в уголовном судопроизводстве. Вредным феноменом объявляется предварительное расследование вместе со всеми субъектами, его ведущими. В противники состязательности зачисляются прокурор

и даже суд, равно как и всякий орган, который пытается встроиться в русло государственного интереса в уголовном процессе, преследующего полноценную защиту всех участников процесса, а не только тех, кто жаждет избежать справедливого возмездия, выиграв у суда оправдание, — всякий орган помещается в «образ врага». И если Конституционный Суд РФ выносит постановление, которое не вписывается в игровую парадигму идеологии состязательности, то он тут же погружается в атмосферу глубокой критики [2, с. 9–26].

К сожалению, нам не удалось удержать себя в русле беспристрастности. На это есть причина, поскольку изучение идеологических основ уголовного судопроизводства предоставило нам аргументы, не всегда свидетельствующие в пользу идеологии состязательности. При всем уважении к ученым, труды которых мы цитировали выше, при бесспорном признании права на существование их позиции мы должны сделать вывод о том, что активность в создании «образа врага» не приносит весомых практических результатов в поддержку расширения состязательности. Законодательство и правоприменительная практика складываются таким образом, что современное уголовное судопроизводство не видит своего будущего в этой идеологии. Да и сами идеологи состязательности все чаще констатируют провалы своей идеологии. Очень жаль, что видят они в этом лишь происки врагов и козни недоброжелателей, а не слабость основных концептов самой состязательной идеологии.

Список литературы:

1. Александров А. С. Духless русского уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство: в 3 т. / под ред. Н. А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. 1.
2. Александров А. С., Лапатников М. В., Терехин В. В. Этапы «большого пути» русского уголовно-процессуального права от полусостязательности — к инквизиции // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса: сборник матер. Всерос. заочной науч.-практ. конф. с международным участием (Уфа, 17–18 апреля 2014 г.). Уфа, 2014.
3. Александров А. С., Терехин В. В. Пять тезисов из манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права // Вестник Волгоградского государственного университета. 2015. № 1 (26).
4. Блинков А. П. Принципы состязательного и объективно-истинного уголовного процесса в деятельности следователя: сравнитель-

References:

1. Aleksandrov A. S. Duhless russkogo ugovolno-processual'nogo prava // Ugolovnoe sudoproizvodstvo: v 3 t. / pod red. N. A. Kolokolova. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2019. T. 1.
2. Aleksandrov A. S., Lapatnikov M. V., Terehin V. V. 'Etapu «bol'shogo puti» russkogo ugovolno-processual'nogo prava ot polusostjazatel'nosti — k inkvizicii // Aktual'nye problemy vzaimosvjazi ugovolnogo prava i processa: sbornik mater. Vseros. zaochnoj nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem (Ufa, 17–18 aprelja 2014 g.). Ufa, 2014.
3. Aleksandrov A. S., Terehin V. V. Pjat' tezisov iz manifesta kriticheskikh pravovykh issledovanij russkogo ugovolno-processual'nogo prava // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 1 (26).
4. Blinkov A. P. Principy sostjazatel'nogo i ob'ektivno-istinnogo ugovolnogo processa v dejatel'nosti sledovatelja: sravnitel'nyj analiz: dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2018.

- ный анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018.
5. *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. М., 2006.
 6. «Левиафан – морское чудовище, упоминаемое в Ветхом Завете». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Левиафан> (дата обращения: 02.04.2019).
 7. *Мизулина Е. Б.* Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. URL: https://www.yabloko.ru/Persons/Mizul/Miz_book2.htm (дата обращения: 02.04.2019).
 8. *Смирнов А. В.* Состязательность в процессе: сегодня и завтра // Теория уголовного процесса: состязательность: монография / под ред. Н. А. Колоколова. 2013. Ч. 1.
 9. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1.
 5. *Zinov'ev A. A.* Faktor ponimaniya. M., 2006.
 6. «Leviafan – morskoje chudovishche, upominaemoe v Vethom Zavete». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Leviafan> (data obrashchenija: 02.04.2019).
 7. *Mizulina E. B.* Ugolovnyj process: koncepcija samoogranichenija gosudarstva. URL: https://www.yabloko.ru/Persons/Mizul/Miz_book2.htm (data obrashchenija: 02.04.2019).
 8. *Smirnov A. V.* Sostjazatel'nost' v processe: segodnja i zavtra // Teorija ugovnogo procesa: sostjazatel'nost': monografija / pod red. N. A. Kolokolova. 2013. Ch. 1.
 9. *Fojnickij I. Ja.* Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. SPb., 1996. T. 1.

Для цитирования:

Конеv А. Н. Состязательная идеология в уголовном судопроизводстве: путь к сущности через «образ врага» // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 8–14.

For citation:

Konev A. N. Adversarial ideology in criminal proceedings: the way to the entity through the «image of the enemy» // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia 2019. № 2 (50). P. 8–14.

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ проблемы

А. Н. МАРТЫНОВ,
начальник кафедры государственно-правовых
дисциплин
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125993, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: alemaksin34@gmail.com

A. N. MARTYNOV,
Head of the Department of State Law Disciplines
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125993, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: alemaksin34@gmail.com

Е. Г. КРАВЕЦ,
доцент кафедры предварительного расследования
учебно-научного комплекса по предварительному
следствию в органах внутренних дел,
кандидат юридических наук
Волгоградская академия МВД России
Российская Федерация,
400089, г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130
E-mail: 80kravez@gmail.com

E. G. KRAVETS,
Candidate of Law,
Associate Professor at the Department
of Preliminary Investigation of the Educational
Scientific Complex for the Preliminary Investigation
in the Law Enforcement Bodies
Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 400089, Volgograd,
Istoricheskaya St., 130
E-mail: 80kravez@gmail.com

Н. В. ШУВАЛОВ,
профессор кафедры предварительного
расследования учебно-научного комплекса
по предварительному следствию в органах
внутренних дел,
кандидат юридических наук, доцент
Волгоградская академия МВД России
Российская Федерация, 400089, г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130
E-mail: marilin-87@mail.ru
Научная специальность:
12.00.09 – уголовный процесс.

N. V. SHUVALOV,
Candidate of Law, Associate Professor,
Professor at the Department of Preliminary
Investigation of the Educational Scientific Complex
for the Preliminary Investigation in the Law
Enforcement Bodies
Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 400089, Volgograd,
Istoricheskaya St., 130
E-mail: marilin-87@mail.ru
Scientific speciality:
12.00.09 – Criminal Procedure.

УДК 343.985

Дата поступления статьи: 15 апреля 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

**Методика выработки у обучающегося навыка
использования видео-конференц-связи при производстве
предъявления для опознания в условиях, исключающих
визуальное наблюдение опознающего**

**The Method of Developing the Student's Skill of Using
Videoconferencing in Production of Identification Parade
in Conditions that Exclude Visual Observation of the Identifying**

Аннотация

Постановка проблемы: В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации прямо не установлена возможность дистанционного производства следственных действий. Однако в нем не содержится и прямых запретов на внедрение этой прогрессивной процессуальной формы. Тем не менее практика использования в работе следователя информационно-коммуникационных технологий неизбежно приведет к необходимости подробной регламентации таких усовершенствований. Факторы развития технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений на современном этапе предопределили возможность дистанционного проведения отдельных следственных действий. Предпочтительной является форма видео-конференц-связи применительно прежде всего к таким следственным действиям, как допрос, очная ставка, предъявление для опознания и освидетельствование. Ограничиться четырьмя следственными действиями разумнее всего именно на современном этапе, отталкиваясь от представлений о реалистичности научного прогнозирования и постановки производственных задач. Перечисленные следственные действия имеют высокий коэффициент повторяемости в правоприменительной практике. Для проведения допроса, очной ставки, предъявления для опознания и освидетельствования достаточно стационарных помещений для видео-конференц-связи со стандартными техническими настройками и требованиями к связи.

Предмет исследования: закономерности познавательной деятельности обучающихся, приобретающих навыки по производству следственных действий.

Цель работы: подготовка научно-обоснованных рекомендаций для эффективного обучения следователей применению информационно-коммуникационных технологий при производстве следственных действий.

Результаты и выводы работы: решение законодателя о полноценной правовой регламентации данной проблемы назревает. Считаем необходимым дополнить содержание подготовки должностных лиц, в производстве которых будут находиться уголовные дела, за счет выработки навыка использовать по мере надобности системы видео-конференц-связи при проведении ряда следственных действий.

Ключевые слова: видео-конференц-связь; расследование преступлений; профессиональная подготовка следователей.

Annotation

The problem statement: the Criminal procedure codex of the Russian Federation does not directly establish the possibility of remote investigation. However, it does not contain any direct prohibitions on introduction of this progressive procedural form. Nevertheless, the practice of using information and communication technologies in the work of an investigator will inevitably lead to the need for detailed regulation of such improvements. The factors in the development of technical criminalistics maintenance of crimes' investigation at the present stage determined the remote possibility of carrying out the certain investigative actions. It is preferable to form the videoconferencing first of all, with regard to such investigations as questioning, confrontation, submission for identification and examination. It is most reasonable to limit the four investigative actions at the present stage, starting from the ideas of the scientific forecasting realism and production tasks. These investigative actions have a high rate of repetition in law enforcement practice. For interrogation, confrontation, presentation for identification and examination, there are enough stationary premises for video conferencing with standard technical settings and communication requirements.

The research subject: patterns of cognitive activity of students who acquire skills in production of the investigative actions.

The purpose of the work: preparation of scientific evidence-based recommendations for effective training of the investigators in the use of information and communication technologies in production of the investigative actions.

The results and conclusions of the work: the decision of a legislator on the full legal regulation of this problem is brewing. We believe it is necessary to supplement the content of the training of officials in production of which criminal cases will be held, and also use videoconferencing systems when it is necessary for a number of the investigative actions through developing skills.

Key words: videoconferencing; crime investigation; professional investigators' training.

Использование для фиксации и изъятия значимой информации научно-технических средств в процессе собирания доказательств чрезвычайно важно [4, с. 24]. Фиксация (отражение, закрепление) доказательств строго имманентна судопроизводству, является его обязательным атрибутом. Инициатива о применении того или иного научно-технического средства может исходить от любого участника судопроизводства. Это правомочие следует признать фундаментальным, и лишь руководствуясь информационным подходом, можно оценить его по достоинству. Здесь согласимся с С. А. Шейфером, что поисковая природа следственных действий предопределяет невключение следователем в протокол не относящихся к делу сведений, второстепенных деталей, повторений, непонятных и неясных выражений; при этом может содержаться в тексте протокола информация, заключенная в контексте устного сообщения, но не выраженная вербально [9, с. 115].

Усиливая высказанную мысль, отметим, что не всегда протокол следственного действия способен отразить все, что происходит в его пространстве, на момент его составления многие обстоятельства могут быть еще не выясненными следователем, а видеосъемка создает условия для тотальной фиксации всего, что окажется в объективе камеры [1, с. 72]. При условии полного составления протокола, отражения всей необходимой совокупности содержащихся в нем данных, а также при обладании видеозаписью (в разных ракурсах и с вариативным фокусированием) следователь получает наиболее правильную оценку добытой информации, точное восприятие исследуемого события.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) прямо не установлена возможность дистанционного производства следственных действий. Однако в нем не содержится и прямых запретов на внедрение этой прогрессивной процессуальной формы. Нам известно о случаях использования в практической деятельности локальных сетей, состоящих из двух последовательно соединенных персональных компьютеров, при производстве предъявления лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего [5, с. 32–35]. В этой форме уместнее всего проводить практическое занятие, направленное на приобретение будущими следователями навыков производства такого следственного действия, как предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего.

В начале занятия необходимо произвести краткий теоретический опрос о сущности предъявления для опознания, процессуальном порядке и правилах производства данного следственного действия.

Подготовка к производству предъявления лица для опознания начинается с тщательного изучения материалов уголовного дела, по результатам которого определяется содержание всего подготовительного этапа производства следственного действия: время начала следственного действия; место его производства; его участники (проводятся мероприятия по обеспечению их явки); уместные тактические приемы; определение набора подлежащих применению технических средств [7, с. 71].

Подготовка к предъявлению для опознания включает следующие этапы:

- психологическая подготовка опознающего к следственному действию;
- подбор соответствующих объектов;
- определение времени и места проведения следственного действия;
- подготовка технических средств;
- выбор тактики предъявления для опознания.

Необходимо тщательно относиться к подбору статистов, т. е. лиц, предъявляемых для опознания одновременно с опознаваемым. По возможности они не должны иметь различий с опознаваемым по расовой принадлежности, возрасту, росту, телосложению, причёске, цвету волос, глаз. Цвет и фасон одежды, степень ее изношенности также должны быть по возможности сходными [10, с. 140–145]. Следует исключить наличие признаков содержания в пенитенциарном учреждении у опознаваемого (спецодежда, средства ограничения движения).

Согласно ч. 4 ст. 193 УПК РФ общее число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех.

При выполнении упражнения необходимо обратить внимание слушателей на целесообразность участия в следственном действии специалиста, а также применения дополнительных средств фиксации доказательственной информации, используемых при производстве следственных действий, их значение для уголовного дела, а также на вопросы оформления в протоколе участия специалиста.

Участие специалиста в предъявлении для опознания обусловлено необходимостью дополнительной фиксации процесса опознания. Основным средством фиксации в уголовном процессе является протокол следственного действия, однако при проведении такого рода следственных действий, как предъявление для опознания, желательны визуальное закрепление хода и результатов опознания, подтверждающее соблюдение

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

прав всех участвующих лиц. При оспаривании результатов опознания в суде видеосъемка данного следственного действия, надлежащим образом приобщенная к материалам уголовного дела и признанная вещественным доказательством, будет являться дополнительным доказательством.

В протоколе следственного действия обязательно указание на технические средства, применяемые специалистом с описанием их марки и модели. По ходатайству опознаваемого или его защитника следователем должна быть предоставлена возможность ознакомиться с видеозаписью следственного действия с указанием данного факта в протоколе опознания.

При выполнении упражнения обучающимся необходимо уяснить содержание предъявления для опознания, его цели и задачи, для достижения которых следователь разрабатывает тактику и план следственного действия. В ходе подготовки к производству следственного действия определяются время начала следственного действия, место его производства, его участники (способ обеспечения их явки), содержание следственного действия (традиционно — с составлением плана), набор подлежащих применению технических средств. Все эти вопросы решаются на основании тщательного изучения материалов уголовного дела [3, с. 48].

Порядок предъявления для опознания включает в себя следующие этапы:

1. Приглашение понятых.
2. Приглашение лиц, среди которых будет предъявляться опознаваемый.
3. Приглашение (доставление) опознаваемого, предложение опознаваемому самому выбрать место среди других опознаваемых лиц (статистов).
4. Разъяснение всем участвующим лицам цели и порядка проведения следственного действия, их прав и обязанностей.
5. Приглашение опознающего, разъяснение ему цели и порядка проведения следственного действия, его прав и обязанностей; предупреждение опознающего об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний.
6. Предложение опознающему осмотреть предъявляемых лиц и сообщить, опознает ли он кого-либо, если да, то кого именно и по каким признакам лицо было опознано.
7. При условии опознания лица предложение опознанному назвать свои фамилию, имя, отчество.
8. Фиксация хода и результатов предъявления для опознания (может осуществляться с самого начала следственного действия по мере получения соответствующей информации).

Результаты опознания фиксируются в протоколе следственного действия всеми участвующими лицами путем подписания протокола и указа-

ния в нем каких-либо замечаний или заявлений (при их наличии).

При выполнении упражнения необходимо обратить внимание курсантов (слушателей) на то, что перед началом опознания следователь должен обеспечить соблюдение прав подозреваемого (обвиняемого) и безопасность участников следственного действия [2, с. 90–96].

Перед началом опознания основной задачей следователя является исключение визуального контакта опознаваемого с опознающим. Процесс опознания начинается лишь после разъяснения прав и обязанностей всем участвующим в следственном действии лицам.

Общее количество предъявляемых лиц не может быть менее трех. Опознаваемому должно быть предложено занять любое место среди предъявляемых лиц. Об этом делается отметка в протоколе следственного действия.

Если опознающим является свидетель или потерпевший, они предупреждаются об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, что отмечается в протоколе. Кроме того, данным лицам разъясняются права, предусмотренные ст. 51 Конституции Российской Федерации.

В ходе предъявления для опознания исключены наводящие вопросы к опознающему и оглашение данных его предварительного допроса. Опознающий должен перечислить признаки, по которым он узнал лицо. Понятые располагаются в месте, наиболее подходящем для полного обозрения процесса опознания. Защитник располагается около опознающего. При этом следователь должен предупредить защитника опознаваемого о недопущении какого-либо воздействия на опознающего и обеспечить выполнение этого требования. Опознающего наиболее целесообразно вызывать на опознание по телефону.

При необходимости обеспечения безопасности опознающего и его близких родственников целесообразно проводить опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение (опознающий видит опознаваемого, а опознаваемый не видит опознающего). При этом опознаваемый и опознающий могут находиться в одном или разных помещениях, опознающий опознает лицо через тонированное стекло или стекло, исключающее двустороннее наблюдение. В данном случае понятые и защитник опознаваемого находятся рядом с опознающим. Опознаваемый и статисты располагаются в месте, исключающем их визуальное наблюдение опознающего.

Учащимся предлагается принять участие в *деловой игре* по производству предъявления лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего.

В ходе деловой игры опознающий и опознаваемый будут находиться в разных помещениях,

в каждом из которых установлены персональные компьютеры с установленной автоматизированной системой «Следственные действия в режиме видео-конференц-связи» (свидетельство о государственной регистрации № 2013613650 от 11 апреля 2013 г.), соединенные между собой локальной компьютерной сетью. Программные средства устанавливаются на персональный компьютер, ноутбук или мобильное устройство. В качестве периферии для захвата и воспроизведения видео и звука могут использоваться как встроенные в устройство камера, микрофон или динамик, так и внешние устройства, такие как веб-камера, головная гарнитура или спикерфон.

Кроме следователей, с обеих сторон обязательно участие специалистов по обеспечению сеанса связи. Они будут ответственны за сохранение и передачу данных, работу компьютерной техники и видеоборудования. Непосредственно следственное действие должен предварять технический сеанс связи посредством информационно-коммуникационной сети, целью которого будет координация действий служб технической поддержки [8, с. 11–15]. Перед началом следственного действия следователь обязан удостовериться в компетентности привлекаемого специалиста, убедиться, что он знаком с программным обеспечением, осведомлен о содержании его предстоящей работы. Следует его дополнительно проинструктировать, а также одновременно осведомиться о возможных проблемах технического характера.

Технические характеристики применяемых средств обуславливают необходимость детально продумать пространственное расположение участников следственного действия. Естественно, все они по возможности должны находиться в поле зрения, в объективе видеокамеры. Программное обеспечение должно реализовывать функцию одновременного нахождения в картинке изображений из обоих пунктов соединения, чтобы при воспроизведении действия участников не выглядели разрозненно.

В необходимых случаях анкетные данные допрашиваемого лица, который в последующем будет участвовать в предъявлении для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение, могут быть засекречены, т. е. обеспечено сохранение в тайне данных о личности, предусмотренное ч. 3 ст. 11 и ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

Для деловой игры определяются слушатели, кто будет выполнять роли следователей, специалистов, опознаваемого и опознающего, статистов. Кроме того, преподаватель присваивает нескольким слушателям функции арбитров — они должны будут следить за действиями следователя и определять допускаемые им ошибки. Работа арбитров и следователя оцени-

вается. Все участники деловой игры подробно инструктируются преподавателем.

Перед началом следственного действия опознающий должен быть допрошен о приметах опознаваемого. В рамках деловой игры можно предложить слушателю, исполняющему роль опознающего, по правилам составления словесного портрета описать одного из учащихся группы, который впоследствии будет исполнять роль опознаваемого.

Далее участники деловой игры размещаются в двух помещениях: опознаваемый со статистами и вторым преподавателем переходят в заранее подготовленную аудиторию, подготовленную для производства дистанционного опознания, а основная часть группы, включающая оставшихся участников деловой игры — следователя, опознающего (который непосредственно перед началом аудиторию покидает), специалиста, арбитров, — остается в исходной аудитории, также технически подготовленной для нужд проводимого занятия.

В современных условиях ключевой составляющей процесса фиксации доказательственной информации в ходе следственных действий являются компьютерные средства программного обеспечения [6, с. 109]. Здесь следует подробнее остановиться на возможностях используемого программного обеспечения — автоматизированной системы «Следственные действия в режиме видео-конференц-связи». Оно реализует возможность взаимного наблюдения участников в обоих пунктах соединения. При этом наличие функции «распознавание лиц», а также опция, предусматривающая возможность отключения изображения в одной из точек с сохранением голосовой связи, позволяют проводить предъявления лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего. Все процессы в обоих пунктах связи синхронизируются. Следователь в то же время имеет возможность в текстовом редакторе составлять протокол производимого следственного действия, который по его решению в любой момент может быть доступен для прочтения в периферическом пункте связи.

При этом решаются следующие задачи (рис. 1):

- получение видеоизображения с веб-камеры;
- передача потокового аудио- и видеосигнала по сети;
- передача протокола следственного действия и других документов;
- шифрование передаваемого трафика — из соображений безопасности и представлений об обеспечении тайны предварительного следствия;
- распознавание и сокрытие лица участника следствия при необходимости.

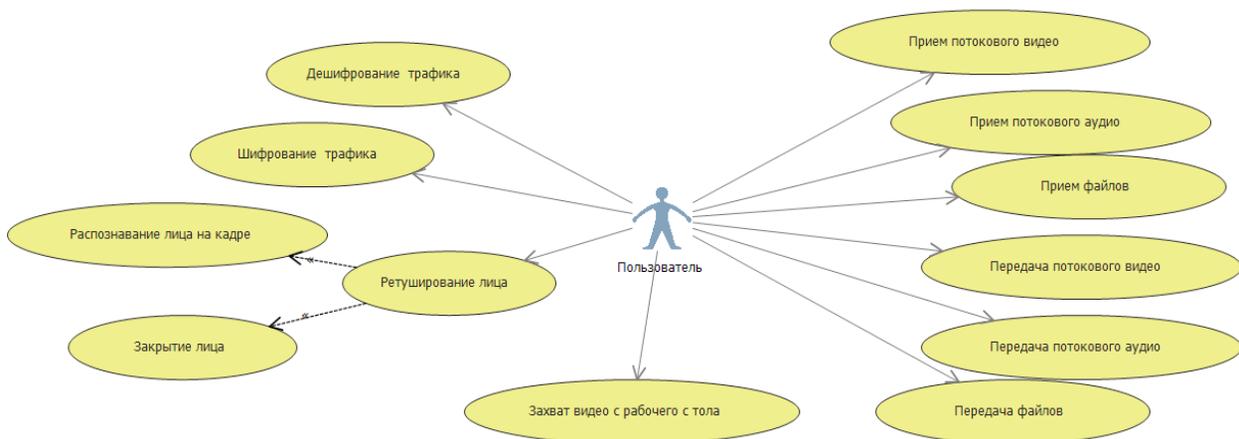

Рисунок 1.

Диаграмма использования системы.

После установления соединения следователь приступает к разъяснению особенностей правового статуса участников расследования. Все обязанности, возлагаемые на следователя в соответствии с требованиями ст. 161, 164 УПК РФ, должны быть им выполнены и в отношении участников следственного действия, находящихся и в основном, и в периферическом пунктах коммуникации.

Разъяснив особенности правового положения участникам, завершив все процедурные мероприятия, следователь просит специалиста ограничить передачу видеопотока в удаленное помещение либо, используя программную функцию «распознавания лица», скрыть внешность опознаваемого от лиц, находящихся в периферийном пункте. Далее следователь переходит к рабочему этапу опознания. Опознаваемому предлагается выбрать любое место среди статистов. Затем по просьбе следователя один из понятых приглашает в помещение опознающего, которому также разъясняются особенности его процессуального статуса и предлагается внимательно посмотреть на предъявленных ему лиц, чтобы определить, кого из них он ранее видел и при каких обстоятельствах. Его пояснения вносятся в протокол, там же фиксируется результат опознания.

В завершающей части следственного действия следователь выясняет у участников, имеются ли у них заявления по ходу проведенного след-

ственного действия. При поступлении таковых они вносятся в протокол. После этого следственное действие объявляется оконченным, изготавливается протокол и предъявляется для ознакомления всем участникам, возможные замечания к протоколу следователь также фиксирует. По ходатайству участников воспроизводится видеозапись следственного действия.

Лазерный диск с записанным файлом, содержащим видеозапись, также приобщается к материалам уголовного дела.

По окончании деловой игры происходит обсуждение с вовлечением максимального количества учащихся группы. Первыми своими наблюдениями делятся слушатели, выполнявшие роли арбитров, им можно предложить зафиксировать замечания в письменном виде и сдать преподавателю. Преподаватель комментирует выступления учащихся, подводит итоги проведенного занятия, выставляет оценки.

В завершение хотелось отметить следующее: мы убеждены, что в будущем технология видеоконференц-связи может составить научно-техническую основу дистанционного проведения ряда следственных действий (допроса, очной ставки, предъявления для опознания, освидетельствования). По мере формирования соответствующей правовой базы вышеприведенные методические наработки могут быть расширены для приобретения следственных навыков большего спектра.

Список литературы:

1. Горин Ю. А., Леви А. А. Звукозапись и видеозапись в уголовном судопроизводстве. М., 1983.
2. Замылин Е. И. Предъявление для опознания: к вопросу о безопасности добросовестных

References:

1. Gorinov Yu. A., Levi A. A. Zvukozapis' i videozapis' v ugovolnom sudoproizvodstve. M., 1983.
2. Zamylin E. I. Submission for identification: safety of innocent participants of criminal pro-

- участников уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 2.
3. *Зотчев В. А., Ищенко Е. П., Ищенко П. П.* Криминалистическая фотография и видеозапись. М., 1999.
 4. *Кравец Е. Г.* Информационно-коммуникационные технологии как элемент технико-криминалистического обеспечения расследования преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2016.
 5. *Литвишко П. А.* Применение систем видеоконференц-связи при оказании международной правовой помощи по уголовным делам // Законность. 2007. № 7.
 6. *Михайлова Ю. Н.* Информационная сущность предъявления для опознания и его тактические основы: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.
 7. *Моисеев Н. А.* Криминалистическое обеспечение предъявления личности для опознания при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
 8. *Решетняк В. И.* Видео-конференц-связь в судебных стадиях уголовного судопроизводства // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики: матер. II междунар.-практ. конф. (Москва, 11–12 апреля 2012 г.). М., 2012.
 9. *Шейфер С. А.* Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М., 1972.
 10. *Экишева С. В.* Реконструкция как метод в криминалистике и как метод познания при расследовании преступлений // Вестник криминалистики. 2013. № 4.
- ceedings // Journal of the Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2011. № 2.
3. *Zotchev V. A., Ishchenko E. P., Ishchenko P. P.* Kriminalisticheskaya fotografiya i videozapis'. M., 1999.
 4. *Kravec E. G.* Informacionno-kommunikacionnye tekhnologii kak element tekhniko-kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya prestupleniya: dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2016.
 5. *Litvishko P. A.* Primenenie sistem videokonferenc-svyazi pri okazanii mezhdunarodnoj pravovoj pomoshchi po ugovolnym delam // Zakonnost'. 2007. № 7.
 6. *Mihajlova Yu. N.* Informacionnaya sushchnost' pred'yavleniya dlya opoznaniya i ego takticheskie osnovy: dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2000.
 7. *Moiseev N. A.* Kriminalisticheskoe obespechenie pred'yavleniya lichnosti dlya opoznaniya pri rassledovanii prestuplenij: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006.
 8. *Reshetnyak V. I.* Videokonferencsvyaz' v sudebnyh stadiyah ugovolnogo sudoproizvodstva // Perspektivy razvitiya ugovolno-processual'nogo prava i kriminalistiki: mater. II mezhdunar.-prakt. konf. (Moskva, 11–12 aprelya 2012). M., 2012.
 9. *Shejfer S. A.* Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom processe. M., 1972.
 10. *Ekisheva S. V.* Rekonstrukciya kak metod v kriminalistike i kak metod poznaniya pri rassledovanii prestuplenij // Vestnik kriminalistiki. 2013. № 4.

Для цитирования:

Мартынов А. Н., Кравец Е. Г., Шувалов Н. В. Методика выработки у обучающегося навыка использования видео-конференц-связи при производстве предъявления для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 15–21.

For citation:

Martynov A. N., Kravets E. G., Shuvalov N. V. The method of developing the student's skill of using videoconferencing in production of identification parade in conditions that exclude visual observation of the identifying // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 15–21.

В. В. ПОПОВ,
доцент кафедры теории
и истории права и государства,
кандидат юридических наук, доцент
Волгоградская академия МВД России
Российская Федерация, 400089, г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130
E-mail: lkj5@mail.ru
Научная специальность:
12.00.01 — теория и история права и государства;
история правовых учений.

УДК 340.132

V. V. POPOV,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Theory and History
of Law and State,
Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 400089, Volgograd,
Istoricheskaya St., 130
E-mail: lkj5@mail.ru
Scientific speciality:
12.00.01 — Theory and History of Law and State;
History of Doctrines about Law and State.

Дата поступления статьи: 18 апреля 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Соотношение правового регулирования и правового воздействия: методологические ошибки

Correlation of Legal Regulation and Legal Impact: Methodological Errors

Аннотация

Актуальность исследования проявляется в том, что сообразная объективной реальности теоретическая реконструкция правового регулирования позволяет создать полноценную теоретическую основу для формирования государственного управления.

Постановка проблемы: в настоящее время можно констатировать наличие весьма серьезных ошибок в научной и образовательной сферах, касающихся построения средствами метаязыка права теоретических моделей правового регулирования. Это предполагает исследование таких понятий, как «правовое регулирование» и «правовое воздействие».

Цель исследования: выявление формально-логических ошибок при исчислении объемов понятий «правовое регулирование» и «правовое воздействие», а также ошибок в определении идентифицирующих признаков, конституирующих смысл данных понятий.

Методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование, формализация.

Результаты и ключевые выводы: в юридической науке формулируется один родовый термин («правовое воздействие» либо же «правовое регулирование в широком смысле») и также лишь один, но теперь уже видовой термин («правовое регулирование в узком смысле»

Annotation

The relevance of the study is manifested in the fact that the theoretical reconstruction of legal regulation, consistent with the objective reality, allows to create a full theoretical basis for the formation of public administration.

The problem statement: at present, it can be stated that there are very serious errors in the scientific and educational spheres concerning the construction of theoretical models of legal regulation by means of the metalanguage of law. This involves the study of concepts such as «legal regulation» and «legal impact».

The purpose of the study: to identify formal and logical errors in the calculation of the scope of the concepts of «legal regulation» and «legal impact», as well as errors in the definition of identifying features that constitute the meaning of these concepts.

The research methods: analysis, synthesis, induction, deduction, modeling, formalization.

The results and key conclusions: in legal science formulated one generic term («legal impact» or «legal regulation in the broad sense») and also only one, but now the specific term («legal regulation in the narrow sense» or simply «legal regulation»), which is a mistake. An attempt to attribute rigidity, authority, effectiveness and controllability to the distinctive features of normative legal regu-

либо просто «правовое регулирование»), что является ошибкой. Попытка отнесения к отличительным признакам нормативного правового регулирования жесткости, властности, результативности и контролируемости также является ошибкой. Во всех рассматриваемых теоретических моделях с различием правового регулирования и правового воздействия было бы правильно использовать не два, а как минимум три термина. Родовой – «правовое регулирование», видовые – «предписывающее правовое регулирование» и «непредписывающее правовое регулирование». Кроме того, в предписывающем регулировании следует выделять два подвида – нормативное и индивидуализированное правовое регулирование.

Ключевые слова: правовое регулирование; правовое воздействие; правовое влияние; предписывающее правовое регулирование; управление; средства управления; непредписывающее правовое регулирование; нормативное правовое регулирование.

lation is also a mistake. In all the theoretical models under consideration with a distinction between legal regulation and legal impact, it would be correct to use at least three terms instead of two. Generic – «legal regulation», species – «prescriptive legal regulation» and «non-prescriptive legal regulation». In addition, prescriptive regulation should identify two subspecies – normative and individualized legal regulation.

Key words: legal regulation and legal influence; legal influence; legal regulation prescribing; management; management tools; not prescriptive legal regulation; normative legal regulation.

Ошибки в построении понятийного аппарата теории управления (в том числе теории государства и права) вполне могут рассматриваться как устойчивые предпосылки весьма серьезного системного управленческого кризиса, признаки которого в наше время проявляются особенно отчетливо, причем не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Подмечаемая некоторыми учеными реификация понятий юридической науки [20, с. 166] обусловлена, в числе прочего, не всегда явно признаваемым фактическим изгнанием теории управления из юриспруденции (при том, что, например, теорию государства и права было бы правильно рассматривать как частный случай теории управления).

В связи с этим целью настоящей работы является анализ ошибок в построении терминологического аппарата, описывающего «правовое регулирование», «правовое воздействие». Данная цель конкретизируется в задачах выявления формально-логических ошибок исчисления объемов указанных понятий, ошибок в атрибутировании данным понятиям собственных признаков и определения путей устранения выявленных ошибок.

Проблематика правового регулирования привлекала пристальное внимание отечественных ученых как в советский, так и в постсоветский периоды жизни нашего общества [1]. Важно отметить, что в ходе проводимых исследований было сформулировано понятие «правового воздействия», которое принято отличать от по-

нятия «правовое регулирование», хотя можно сделать оговорку о том, что некоторые ученые считают такой подход лишь одной из трех тенденций в характеристике правового регулирования [19, с. 15].

Данную идею принято выражать с учетом того, что правовое регулирование идет по различным критериям. В частности, по линии разграничения предметов (А. В. Малько и другие), средств (В. В. Лазарев и другие), инструментов, механизмов (С. С. Алексеев и другие) правового регулирования/воздействия, а также управляемости и самоуправляемости определенных процессов в социальных системах (В. К. Бабаев, В. М. Баранов и другие).

Представляется, что существенных противоречий между данными подходами нет, поскольку все эти подходы скорее выражают различие в выборе аспекта исследования, обусловленное особенностями постановки исследовательских целей и задач, нежели различия в понимании качественного состава предмета (объекта), субъектов, средств и иных характеристик правового регулирования и воздействия.

В связи с этим заметим, что, например, идея А. В. Малько о том, что предмет правового воздействия включает в себя также общественные отношения, не входящие в предмет правового регулирования [11, с. 15], представляется правильной. Вместе с тем столь же правильным представляется и различие в средствах правового воздействия и правового регулирования, поскольку в любом управлении особенности функциониро-

вания объекта управления (в числе прочих факторов) определяют особенности избираемых (субъектом управления) средств управления. Однако такой подход не затрагивает вопрос о средствах правового воздействия именно на те общественные отношения, которые составляют предмет правового регулирования (как объект управленческого воздействия), при том, что это существенно в рамках настоящей статьи.

Подход, избранный В. К. Бабаевым и В. М. Барановым [4, с. 171], носит фундаментальный, методологический характер, поскольку основан на определенном понимании того, в какой мере общество в целом либо отдельные его подсистемы управляемы, а в какой и самоуправляемы.

По нашему мнению, в имеющих «марксистские корни» представлениях о мере самоуправления в существующих обществах в настоящий исторический период данная мера необоснованно завышена [3]. Впрочем, из этого не следует релевантной целям и задачам данной статьи необходимости вдаваться в дискуссию относительно подобной меры, а потому представляется вполне достаточным признавать саму возможность процессов управления и самоуправления в обществе при том, что оба этих процесса вполне допускают вариативность инструментария реализации.

Таким образом, особо отметим тот факт, что, несмотря на разнообразие теоретических моделей соотношения правового регулирования и правового воздействия, доминирующее влияние имеет мысль о том, что правовое воздействие может иметь более широкие границы, нежели правовое регулирование, и охватывать влияния права на социальную жизнь, сознание и поведение людей [17, с. 622].

При этом практически все ученые обращают внимание на различие средств (инструментов) правового регулирования и правового воздействия, полагая при этом, что правовое воздействие включает в себя гораздо больше таких средств. Например, С. А. Комаров подчеркивает, что при рассмотрении механизма правового воздействия в статическом состоянии в его компонентный состав можно включить всю «правовую надстройку», под которой он понимает всю совокупность юридических явлений, вырастающих над экономическим базисом [9, с. 382].

В общем и целом такой ход мысли, когда выделяется целый спектр правового регулирования/воздействия, представляется довольно верным. Вместе с тем конструктивный потенциал отмеченных идей ослабляется существенной неточностью, присущей практически всем рассуждениям о соотношении правового регулирования и правового воздействия. И эта неточность является более чем терминологической некорректностью.

В частности, как уже отмечалось, значительная часть ученых рассуждает так, что под правовым воздействием понимает родовый термин, включающий в себя содержание термина «правовое регулирование». В числе прочих терминологических форм эту мысль выражают так, что говорят о правовом регулировании в широком смысле, то есть о родовом термине и о правовом регулировании в узком смысле, то есть о видовом термине. Либо ту же мысль выражают несколько иначе, говоря о том, что правовое регулирование есть одна из форм, один из видов правового воздействия и т. д.

Однако в этом и заключается проблема. В данной теоретической конструкции используется неполное родовидовое деление. В частности, формулируется один родовый термин («правовое воздействие» либо же «правовое регулирование в широком смысле»), что само по себе вполне корректно. Однако далее допускается ошибка, когда предлагается также лишь один, но теперь уже видовой термин («правовое регулирование в узком смысле» либо просто «правовое регулирование»). Это не верно для родовидового деления. Становится очевидно, что в таком делении должно быть как минимум два видовых термина (объединяемых родовым), так как предметная область второго видового термина будет дополнять предметную область первого (видового) до полноты предметной области родового термина.

Это означает, что во всех рассматриваемых теоретических моделях с различием правового регулирования и правового воздействия (либо правового регулирования в узком и широком смысле) было бы правильно использовать не два, а как минимум три термина. Один термин будет родовым, например, «правовое воздействие» (либо «правовое регулирование в широком смысле»), два других — видовыми. Однако в настоящее время мы видим, что в науке фактически используется лишь один термин — «правовое регулирование» (либо термин «правовое регулирование в узком смысле»), который представлен как видовой.

Думается, что данная проблема вполне может быть решена и наиболее очевидной предпосылкой для такого решения является то, что, по сути, все авторы фактически признают факт наличия предписывающего (через правовые нормы, индивидуальные правовые предписания) и непредписывающего влияния (регулирования, воздействия) права, поскольку фактически все они признают в качестве средств правового регулирования/воздействия, с одной стороны, правовые нормы (предписания общего характера), индивидуальные правовые предписания, а с другой — все остальные (т. е. непредписывающие) средства регулирования.

В таком случае мы легко получаем три минимально необходимых для родовидового деления термина. Например, если родовым термином будет «правовое воздействие», то двумя видовыми — «предписывающее правовое воздействие» и «непредписывающее правовое воздействие».

Если родовым термином будет «правовое регулирование», то двумя видовыми — «предписывающее правовое регулирование» и «непредписывающее правовое регулирование».

Представляется допустимым утверждать, что такие качественные определители особенностей различных видов правового регулирования, как «предписывающее» и «непредписывающее» основаны на качественном различии прескриптивных и иных видов высказываний и при этом вполне достаточны для адекватной реконструкции социально-правовой действительности. Данное замечание связано с тем, что правовое предписывающее регулирование нередко характеризуется несколько иначе, например, через «властность», «жесткость» государственного нормирования (Н. И. Матузов).

Думается, что попытка использования такого признака, как «жесткость», весьма уязвима перед общеизвестностью целого ряда социально-правовых реалий. Речь идет об уязвимости не только перед аргументами сугубо идеологического характера, связанными с дискуссиями о том, что норма права — это не столько возведенная в закон воля некой социальной группы, сколько выражение компромисса воли социальных групп.

Кроме того, речь может идти о более прозаических аргументах, например, о правоприменительном усмотрении, существенно смягчающие (особенно в семье общего права) жесткость и властность государственного волеизъявления, не говоря даже о проблематике более общего усмотрения, сопровождающего реализацию императивных норм и тем более диспозитивных правовых норм в любых национальных правовых системах.

Именно поэтому думается, что даже в сугубо психологическом контексте термины «жесткость» и «властность» — не самый лучший методологический выбор для теоретической реконструкции социально-правовых реалий, поскольку избранная терминология далеко не всегда может претендовать на описание приемлемой общности субъективного восприятия. Очевидно, что нарушение, например, чиновниками запрета на хищение и мздоимство во многом красноречиво выражает их жизненную позицию на данный запрет и санкции за его нарушение, не кажущиеся такими уж суровыми. Гораздо жестче и властнее такому субъекту видятся личные потребности, побуждающие его

систематически нарушать законодательные предписания.

При этом думается, что вопрос о выборе базового, т. е. родового термина («правовое регулирование» либо «правовое воздействие») представляется вопросом терминологического предпочтения. Поясним.

Сам термин «регулирование» не тождествен «нормативному регулированию», равно как термин «норма» не тождествен термину «регулятор», т. е. термин «нормативное регулирование» не является плеоназмом. Иными словами, не всякое регулирование является нормативным.

Латинское существительное «Norma» имеет следующий смысл: 1) наугольник (*anguli ad normam respondents Vtr*); 2) норма, руководящее начало, правило и образец [7, с. 515]. Латинское существительное «Regula» — в русском переводе определяется как: 1) брусок, планка; 2) линейка; 3) норма, критерий, правило, принцип [7, с. 659]. Латинский глагол «Regulo» принято переводить так — «направлять, упорядочивать (*sive dirigere aliquid*)». Можно также отметить связь термина «Regulo» с существительными «regulus» — царь небольшого государства, царек [7, с. 659] и «rex, regis» — царь [7, с. 672].

Как видно, имеющие латинское происхождение термины «норма» и «регулирование» употребляются в схожих смысловых контекстах. Однако как в силу вероятного различия в словообразовании и особенностей словоупотребления в среде латинского языка, так и в силу сложившихся в обиходной, профессиональной и академической среде обыкновений словоупотребления современного русского языка, представляется допустимым все же различать данные термины.

В частности, общеизвестно, что в юридической науке социальные нормы считаются одним из регуляторов поведения людей. В силу этого понятие «нормативное регулирование» можно рассматривать как видовое (более узкое, подчиненное) по отношению к родовому (более широкому, подчиняющему) понятию — «регулирование».

Таким образом, в самой терминологии отражен тот факт, что регулирование не всегда является нормативным и вполне можно различать нормативное и ненормативное (правовое) регулирование. Соответственно, термин «нормативное регулирование» не является избыточным словоупотреблением (плеоназмом).

Кроме того, заметим, что термин «норма» не тождествен не только термину «регулятор», но также и термину «предписание». Это следует из того, что предписывающее (прескриптивное) регулирование делится на два подвида — индивидуальное и нормативное предписывающее регулирование. Таким образом, понятие «нор-

ма» является видовым по отношению к понятию «предписание», т. е. понятие «предписание» является более широким, нежели понятие «норма» (однако не в том смысле, как об этом говорит, например, М. Л. Давыдова [6]). В связи с этим нельзя согласиться с С. С. Алексеевым в том, что термин «предписание» является аналогом термина «норма» [2, с. 59].

Впрочем, уточним – в некоторых случаях с правовым регулированием, а именно в ситуации с применением права, есть смысл говорить скорее не об индивидуальном, а об индивидуализирующем предписании и, соответственно, об индивидуализирующем предписывающем регулировании. Соответственно, общее (нормативное) правовое предписание и индивидуализирующее правоприменительное предписание в определенном аспекте можно рассматривать не как координационно равнопорядковые, а как алгоритмически зависимые (в этом смысле Г. Кельзен говорит об индивидуальных нормах права [8, с. 437]). Однако в контексте нашего рассуждения достаточно констатировать тот факт, что нормативное регулирование является подвидом предписывающего регулирования.

Среди ученых о нормативном и ненормативном предписании имеются различные мнения. Например, Ю. В. Блохин выделяет так называемые нетипичные правовые предписания (формулы, графики, рисунки и т. д.), но при этом отмечает, что ряд этих предписаний может не иметь «традиционной обязывающей регламентации установленного поведения и по форме напоминают справочный материал» [5, с. 13–14].

Думается, что такой подход ошибочен, поскольку сам Ю. В. Блохин, придерживаясь устойчивой для отечественной юридической науки точки зрения, определяет признаки нормативности предписания как «направленность на регулирование вида общественных отношений, постоянный характер действия и неперсонифицированность адресата» [5, с. 6].

Иными словами, из трех признаков нормативности (обязывающий характер, постоянный характер действия, неперсонифицированность адресата) Ю. В. Блохин лишает так называемые нетипичное предписание именно обязывающего характера. Следовательно, эти «нетипичные предписания» (формулы, графики, рисунки и т. п.) являются (по мысли Ю. В. Блохина) предписаниями в том смысле, что они (1) неперсонифицированы и (2) обладают постоянным характером действия. Но при этом Ю. В. Блохин относит их к нетипичным (предписаниям) на том основании, что они лишены третьего признака нормативности – обязательности. В этом и состоит противоречие – если лишать так называемые нетипичные правовые предписания правовой связывающей силы,

т. е. лишать их обязательности, то неясно, почему их вообще допустимо относить к предписаниям. Фактически мы получаем абсурдное (т. е. внутренне противоречивое) понятие – «необязательное предписание».

Думается, что в приведенном примере Ю. В. Блохин несколько недооценивает богатство формального определения нормы права в соответствующей знаковой репрезентации (экспонентах права) [5]. Таким образом, то, что Ю. В. Блохин отнес к «нетипичным правовым предписаниям», может быть отнесено, например, к элементам текста соответствующих нормативных правовых предписаний. В частности, речь может идти не только о буквенно-цифровой, но и о картографической (дополнительной) формализации норм права при установлении, например, правового режима определенного участка территории государства.

Таковыми же аргументами можно возразить на утверждение, например, Н. Н. Вопленко в том, что к правовым предписаниям можно относить (наряду с нормами права) также декларации, определения [13, с. 51]. На самом деле подобные законодательные формулировки (например, правовые дефиниции) являются либо элементами, т. е. частями, фрагментами текстов норм права, либо вообще не являются самостоятельными правовыми предписаниями (частями предписаний).

Таким образом, если нормативное регулирование является подвидом предписывающего регулирования, то можно увидеть следующую связь явлений объективной реальности: регулирование является более объемлющим явлением, нежели предписание. Предписание же является более объемлющим явлением, чем нормы.

Понятие «регулирование» отражает такую реальность и является родовым по отношению к понятию «предписывающее регулирование». Иными словами, видами регулирования можно считать предписывающее и непредписывающее регулирование, т. е. предписание – это вид социального регулятора. Можно сказать и так – любое предписание является регулятором (соответствующего вида), но не каждый регулятор является предписанием.

Таким образом, допустимо говорить не только о ненормативном регулировании, но и о непредписывающем (непрескриптивном) социальном регулировании. Думается, что в силу фундаментальности социального регулирования по отношению к регулированию правовому сказанное в полной мере относится и к правовой сфере, т. е. следует различать предписывающее и непредписывающее правовое регулирование как подвиды правового регулирования.

Далее уточним, что обращение к правовой сфере требует выделения не только видо-

вых (как минимум двух), но также и подвидовых (как минимум двух) терминов, что отражало бы наличие нормативных и ненормативных (индивидуальных, индивидуализированных) правовых предписаний. Иными словами, правильно было бы различать не только нормативное правовое, но и ненормативное правовое предписывающее регулирование.

Таким образом, с нашей точки зрения, правовое регулирование (родовое понятие) включает в себя:

А) предписывающее правовое регулирование (видовое понятие);

Б) непредписывающее правовое регулирование.

В свою очередь, предписывающее правовое регулирование включает в себя:

А-1) (предписывающее) нормативное правовое регулирование. Уточняя терминологию, подчеркнем, что поскольку понятия «норма» и «нормативность» не всегда понимаются исключительно в предписывающей интерпретации, то если не делать соответствующих оговорок заранее, точнее было бы данный вид регулирования именовать полным (в данном случае полнота отражает избранный вариант интерпретации нормативности) набором терминов — «нормативное предписывающее правовое регулирование»;

А-2) предписывающее индивидуальное правовое регулирование, которое также можно было бы назвать «ненормативное предписывающее правовое регулирование» (которые некоторые ученые, например В. В. Лазарев, относят к правовому воздействию [10, с. 40]).

Иными словами, правильно было бы различать правовое предписывающее регулирование, включающее в себя не только нормативное правовое, но и ненормативное правовое предписывающее регулирование.

Кроме того, как отмечалось ранее, индивидуальное правовое регулирование следует отличать от индивидуализированного правового регулирования, которое выражено в актах применения права и лишь в некоторых случаях дополняет механизм реализации нормативного правового регулирования (А-1).

Что же касается идеи о введении или выведении из научного оборота термина «(правовое) воздействие» вместо термина «(правовое) регулирование», то как введение термина «воздействие», так и выведение его из такого оборота, она является вполне корректной, но выражает скорее терминологические предпочтения соответствующих ученых.

Подчеркнем особо, что такие качественные определители особенностей различных видов правового регулирования, как «предписывающее» и «непредписывающее», основаны на ка-

чественном различии прескриптивных и иных видов высказываний и при этом вполне достаточны для адекватной реконструкции социально-правовой действительности. Более того, понятие «непредписывающее правовое регулирование» является более точным и емким, нежели характеристика этого специфического правового регулирования как некоего неконтролируемого влияния [17, с. 696], из чего следует, что правовое регулирование (называемое в данной работе предписывающим правовым регулированием) является контролируемым правовым влиянием. Думается, что это очень неточная и малопродуктивная формулировка, хотя она базируется на идеях Н. Г. Александрова, С. С. Алексеева и других ученых о том, что механизм правового регулирования включает в себя средства результативного воздействия права на общественные отношения [1].

Можно предположить, что указанные ученые пытаются описать различаемые ими реальные проблемы управления. Но, как видно, используемая ими терминология мало пригодна для этого. Например, М. Н. Козюк отмечает: «Так, посредством воздействия можно достичь результата обратного от задуманного» [18, с. 696]. По мысли цитируемого автора, такое высказывание призвано прояснить различия между правовым регулированием (контролируемым влиянием) и правовым воздействием (неконтролируемым влиянием). Однако на такую характеристику можно с легкостью возразить словами известного управленца (бывшего председателя Правительства Российской Федерации) В. С. Черномырдина — «хотели как лучше, а получилось как всегда». Это яркая характеристика некачественного государственного управления (т. е. правового регулирования), результаты которого в недавнем прошлом ощутили на себе множество людей не только в нашей стране. Проще говоря, достичь результата, обратного от задуманного, можно как путем правового воздействия (говоря словами М. Н. Козюка — неконтролируемого влияния [18, с. 696]), так и путем правового регулирования (путем так называемого контролируемого влияния).

Возможно, что разработанная С. С. Алексеевым теория механизма правового регулирования действительно сыграла большую роль в развитии юридической науки [18, с. 697]. Однако, думается, что юридическая (хотя и не только она) наука не часто играла ожидаемую от нее роль в социальной практике. В связи с этим можно вспомнить, например, слова Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова, сказанные им еще на июньском Пленуме ЦК КПСС в далеком 1983 г.: «Между тем, если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором жи-

вем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок» [12]. Учитывая, что данные слова были высказаны за семь лет до распада СССР, то их вполне можно рассматривать как справедливый упрек всем гуманитарным наукам, в том числе в части их описывающей, объясняющей и прогностической немощности.

Как уже отмечалось, одной из предпосылок многочисленных дефектов юридической науки является изгнание теории управления из юриспруденции и из иных наук. Не имея возможности решить данную проблему в рамках настоящей работы, попытаемся все же отчасти исправить это в затронутом контексте.

«Воздействовать — оказав влияние, добиться необходимого результата» [14]. Иными словами, воздействие — это влияние. Воздействие нацелено на изменение чего-либо, на подталкивание объекта в нужную сторону. Результативного воздействия не бывает. Результат есть всегда. Результат можно интерпретировать как достижение цели (как достигнутую цель). Совершенно прав В. М. Сырых, когда отмечает, что «юридическая практика, как и любая предметно-практическая деятельность людей, их коллективов, носит осознанный характер и осуществляется с определенными целями» [16, с. 120]. Строго говоря, с целеполаганием (более или менее явно выраженным) связана любая деятельность. При этом ее можно интерпретировать как управление (самоуправление).

Отталкиваясь от подобной интерпретации, следует помнить, что в любой теории управления выделяется субъект и объект управления. Субъект при этом может управлять с помощью каких-либо средств, т. е. управляет посредством чего-либо. В частности, можно управлять посредством некой информации.

В этом смысле высказывания типа «правовое регулирование», «правовое воздействие» и т. п. могут подталкивать к не вполне точному восприятию реальности, поскольку построены так, как будто право само по себе является субъектом управления. Очевидно, что это не так. Право — это не субъект управления. Равно как и любое иное средство правового влияния — это не субъект управления. Право — это средство управления (в рассматриваемом нами контексте) в руках соответствующего субъекта.

Важно отметить, что некая (интерпретируемая как управленческая) деятельность может быть включена в управленческий процесс как его составная часть (например, как деятельность исполнительного модуля). В таком случае не будет ничего удивительного в том, что цель расходится с результатом и управленец (воздей-

ствующий субъект) оказывается совсем не в той ситуации, которую он прогнозировал и к которой стремился. В некоторых случаях (например, при серьезной управленческой некомпетентности управленца) с реальностью конфликтует даже не прогноз наиболее вероятного, а вообще осознание некоего результата как вероятностно достижимого.

Поскольку сам термин «управление» предполагает деятельность умышленно-сознательную (управление) и волевою (управление), то управление — это сознательно-волевая деятельность. Так как в предмет правового регулирования входит лишь сознательно-волевая деятельность, то высказывание о том, что управленческая деятельность является сознательно-волевой, походит на тривиальность. Однако в управленческом контексте это весьма важное замечание, поскольку позволяет довольно отчетливо увидеть те важные обстоятельства, которые и позволяют выяснить, в каком случае деятельность некоего субъекта является собственно управленческой, т. е. он сам есть субъект управления, а в каком — она лишь включена в объемлющее управление, т. е. сам субъект управления вовсе и не управляет, но является лишь инструментом в руках управленца более высокого ранга. В самом общем виде схема включения кого-либо в число инструментов исполнительного модуля обусловлена конкуренцией управления (несколько субъектов претендуют на управление одним объектом). При этом какой-либо субъект управления сталкивается лишь с двумя объективно возможными вариантами деятельности: 1) создать свою управляющую структуру; 2) использовать имеющуюся, настроив ее под свое целеполагание и требования к качеству управления. Применительно к проблематике правового регулирования это замечание позволяет увидеть, в каком случае некий субъект (осуществляющий правовое регулирование) сам является управленцем, а в каком — лишь используется (управленцем более высокого ранга) как инструмент (при том, что этот «инструмент» сам использует инструмент — правовые средства).

В основании деления управленца и его исполнительного модуля лежит иерархия контуров циркуляции и преобразования информации в процессе осуществления целевых функций управления. Именно поэтому определить, кто перед нами (управленец или исполнительный модуль, инструмент) можно как раз исходя из анализа иерархии контуров информационного обмена о целеполагании и, соответственно, эффективности достижения целей управления, т. е. эффективности деятельности, релевантной целеполаганию. В самом общем виде схема выявления управленца выглядит так — тот, кто ста-

вит цели, а затем их достигает — и есть управленец, даже если этот субъект управлял, образно говоря, используя чужие руки. Причем, принимая во внимание взаимосвязь социальных процессов, можно заметить, что субъект управления всегда ситуативно контекстуален.

Вместе с тем следует понимать, что социальная жизнь как совокупность взаимно связанных процессов с неизбежностью предполагает наличие не отдельных разрозненных связей событий, а наличие цепочек подобных связей, причем цепочек весьма длинных. В нашем случае это означает «ступенчатость» пути к цели («лестница к цели», этапы достижения цели). В таком случае то, что было следствием по отношению к одному фактору, будет являться причиной по отношению к другому. При этом каждый этап многогранен и характеризуется набором двух видов параметров — контрольных и свободных. Контрольные параметры, служащие индикаторами достижения цели (или ее этапа), могут быть также названы целевыми показателями. Свободными являются те параметры, любое значение которых признается допустимым. Очень важно то, что свободные и контрольные параметры (в конкретной ситуации) связаны так, что изменяются через воздействие на управляемые параметры.

Помимо этого, социальная жизнь как совокупность взаимно вложенных процессов предполагает наличие субъективно устанавливаемых порядков (рангов) целей: цель первого порядка, цель второго порядка, цель третьего порядка и т. д. В случае с государственно-правовым управлением такие цели будут представлены через определенные параметры функционирования общества: экономические, медико-биологические, психологические, демографические и т. д. При этом следует отличать субъективно устанавливаемую иерархию целей от объективно существующей информационно-алгоритмической связи: 1) этапов достижения цели, 2) параметров (контрольных, управляемых, свободных), характеризующих и цель, и этапы ее достижения.

Соответственно, при выявлении субъекта управления социальным процессом речь следует вести: а) о точности идентификации данным субъектом целей некой деятельности (через точность характеристической идентификации ее параметров); б) об алгоритмически верной и полной идентификации данным субъектом всех этапов достижения целей (через точность характеристической идентификации их параметров); в) о точности идентификации данным субъектом иерархии целей.

Важно то, что отмеченные характеристики целеполагания не только различаются у разных субъектов (различие глубины идентичности целей), но и не всегда адекватно осознаются как

субъектом-управленцем, так и субъектом-инструментом. Используя познавательный потенциал характеристики различных форм вины (как элемента/подэлемента состава правонарушения) в интеллектуально-волевом аспекте, можно сказать следующее. По отношению к одним этапам (промежуточным результатам) достижения цели («этап-1») некий субъект (используемый как инструмент, исполнительный модуль) мог действовать, например, с прямым умыслом (предвидя наступление результата, т. е. «этапа-1» и деятельно желая этого). И в этом аспекте он не отличался от реального управленца. Но по отношению к «этапу-2» он уже мог действовать с косвенным умыслом (предвидя наступление результата, т. е. «этапа-2», но не желая этого, а сознательно допуская). К конечной же цели (непосредственно порождаемой «этапом-2») субъект-инструмент действовал, условно говоря, с неосторожностью (не предвидел, а значит и не желал наступления данного результата, хотя мог и должен был это предвидеть).

В тех ситуациях, когда существует упомянутая ранее конкуренция управления, может иметь место специфическая ситуация, которую можно условно назвать «перехватом управления». В таких случаях объективная управленческая ошибка одного субъекта может являться целью управленческой деятельности конкурирующего субъекта. Образно говоря, в таких случаях один субъект управления подталкивает конкурента к тому, чтобы тот «пил ли сук, на котором сидит» («рыл сам себе яму» и т. п.), и превращает конкурента в свой инструмент. В случае же когда у субъекта-инструмента целенаправленно сформирован нужный (субъекту управления) набор предсказуемых (для субъекта управления) стереотипов распознавания и оценки ситуаций, а также поведенческих реакций на данные ситуации (в виде принятия соответствующих решений), то субъект-инструмент будет выполнять чужую волю, достигая чужие цели, оставаясь убежденным в свободе своего волеизъявления. Как видно, в этом случае может иметь место ситуация (фактически описываемая М. Н. Козюком) — «мы хотели достичь одной цели, а нашими руками (и средствами нормативного правового регулирования), но за пределами нашего понимания, т. е. неожиданно, непрогнозируемо для нас была достигнута иная, нежелательная для нас цель». Следует также учитывать, что цели бывают не только объективными (реальными), но и декларируемыми. И в этом случае вновь может быть аналогичная ситуация.

Так вот, тот из двух субъектов управляющего воздействия (влияния), кто имеет (в контексте изменения соответствующих контрольных па-

раметров конкретного процесса) более низкую глубину идентификации (распознавания) контрольных параметров этапов достижения целей (являющихся причинно-следственными цепочками), тот фактически и будет являться инструментом (исполнительным модулем) в ходе управления, организуемого вторым субъектом. Иными словами, деятельность одного субъекта будет включена (как управленчески целесообразная) в деятельность другого субъекта.

Если некая цель (например, государственный переворот и гражданская война) не ставилась субъектом-инструментом («косвенный умысел», «самонадеянность»), либо ее достижение им даже не прогнозировалось («небрежность»), то в определенном смысле субъект-инструмент (исполнительный модуль) и не контролировал получение результата, хотя объективно работал именно на него, не осознавая в должной мере того, что его деятельность повышает вероятность достижения этого результата (объективной цели, поставленной управленцем более высокого ранга). При этом в определенном смысле процесс достижения цели контролировался иным субъектом (управленцем более высокого ранга), хотя такой контроль вполне может находиться за пределами осознания субъекта-инструмента какой бы официальной властной статус он не имел. Это замечание относительно высоты статуса в бюрократической иерархии является особенно важным, поскольку такой статус может включать в себя полномочия издавать нормы права, т. е. осуществлять правовое регулирование. Из чего следует вполне определенный вывод — нет никаких оснований говорить, что при управлении посредством нормативного правового влияния

(т. е. когда средствами управления являются нормы права) происходит так называемое контролируемое/результативное влияние, а при использовании иных средств данное влияние является неконтролируемым/нерезультативным.

Но даже если и не рассматривать ситуацию с взаимной вложенностью деятельности, а рассматривать изолированно лишь деятельность одного субъекта при том, что он, например, «хотел как лучше» и не осознавал того, что «получится как всегда», то очевидно — такая ситуация есть результат низкой управленческой компетентности субъекта управления, но не использования иных, нежели нормы права, средств правового влияния.

Таким образом, контролируемость/результативность влияния детерминирована как первопричина тем, что средством влияния избраны нормы права. И, соответственно, «неконтролируемым», «нерезультативным» может оказаться влияние посредством как норм права, так и иных средств, т. е. неправильно отличать влияние посредством норм права от других видов правового влияния через такие признаки, как результативность и контролируемость.

Именно поэтому гораздо точнее называть то, что принято именовать правовым воздействием — непредписывающим правовым регулированием, но не приписывать такому регулированию свойство нерезультативности, неконтролируемости. В свою очередь, введение в научный оборот подобного понятия позволит рассматривать целый спектр правовых средств, не относящихся к правовым предписаниям, как результативные средства контролируемого правового влияния, что довольно существенно изменит представления о государственном управлении.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
2. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. 1989.
3. Астахова И. А., Попов В. В. Система права и система законодательства: проблемы толкования объективности системы права // Вестник Волгоградской академии МВД России. № 4. 2016.
4. Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права: Краткая энциклопедия. Н. Новгород, 1997.
5. Блохин Ю. В. Критерии отграничения нормативно-правовых предписаний от ненормативных в советском законодательстве: на примере нетипичных предписаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991.

References:

1. Alekseev S. S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve. M., 1966.
2. Alekseev S. S. Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave. M. 1989.
3. Astakhova I. A., Popov V. V. The system of law and the system of legislation: the problem of interpretation of objectivity of the system of law // Journal of the Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia. № 4. 2016.
4. Babaev V. K., Baranov V. M. Obshchaya teoriya prava: Kratkaya enciklopediya. N. Novgorod, 1997.
5. Blohin Yu. V. Kriterii otgranicheniya normativno-pravovyh predpisaniy ot nenormativnyh v sovetskom zakonodatel'stve: na primere netipichnyh predpisaniy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1991.

6. Давыдова М. Л. Нормативно-правовое предписание как начальный уровень правовой нормативности // Конфликтология. 2011. № 4.
7. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 10-е изд., стереотип. М., 2006.
8. Кельзен Г. Чистое учение о праве и аналитическая юриспруденция // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2.
9. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
10. Лазарев В. В. Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. 1970. № 11.
11. Малько А. В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 6.
12. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14–15 июня 1983 г. М., 1983.
13. О понимании советского права // Советское государство и право. 1979. № 8.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2006.
15. Попов В. В. Соотношение права и законодательства: предпосылки рассмотрения через призму семиотического треугольника // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 2.
16. Сырых В. М. Логические основания общей теории права: в 2-х т. М., 2000. Т. 1.
17. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997.
18. Теория государства и права: учебник / отв. ред. Н. И. Грачев. Волгоград, М., 2018.
19. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010.
20. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012.
6. Davydova M. L. Normativno-pravovoe predpisanie kak nachal'nyj uroven' pravovoj normativnosti // Konfliktologiya. 2011. № 4.
7. Dvoreckij I. H. Latinsko-russkij slovar'. 10-e izd., stereotip. M., 2006.
8. Kel'zen G. Chistoe uchenie o prave i analiticheskaya yurisprudenciya // Rossijskij ezhegodnik teorii prava. 2009. № 2.
9. Komarov S. A. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. M., 1997.
10. Lazarev V. V. Sfera i predely pravovogo regulirovaniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1970. № 11.
11. Mal'ko A. V. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya // Pravovedenie. 1996. № 6.
12. Materialy Plenuma Central'nogo Komiteta KPSS 14–15 iyunya 1983 g. M., 1983.
13. O ponimanii sovetskogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1979. № 8.
14. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. 4-e izd., dop. M., 2006.
15. Popov V. V. Correlation of law and legislation: prerequisites for examination in the light of the semiotic triangle // Journal of the Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2017. № 2.
16. Syryh V. M. Logicheskie osnovaniya obshchej teorii prava: v 2-h t. M., 2000. T. 1.
17. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lekcij / pod red. N. I. Matuzova, A. V. Mal'ko. M., 1997.
18. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / отв. red. N. I. Grachev. Volgograd, M., 2018.
19. Tihomirov Yu. A. Pravovoe regulirovanie: teoriya i praktika. M., 2010.
20. Chestnov I. L. Postklassicheskaya teoriya prava. Spb., 2012.

Для цитирования:

Попов В. В. Соотношение правового регулирования и правового воздействия: методологические ошибки теории // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 22–31.

For citation:

Popov V. V. Correlation of legal regulation and legal impact: methodological errors // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 22–31.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: методология, правовое обеспечение

В. С. АФАНАСЬЕВ,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
доктор юридических наук, профессор
Академия управления МВД России
Российская Федерация,
125993, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: 1595467@mail.ru

V. S. AFANASYEV,
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher at the Research Center
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125993, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: 1595467@mail.ru

Т. К. ПРИМАК,
профессор кафедры гражданского права
и процесса,
доктор юридических наук, доцент
Юридический институт Балтийского
федерального университета
имени Иммануила Канта
Российская Федерация, 236016,
г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14
E-mail: primaktk@mail.ru
Научная специальность: 12.00.01 – теория
и история права и государства;
история учений о праве и государстве.
12.00.02 – конституционное право;
конституционный судебный процесс;
муниципальное право.

T. K. PRIMAK,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor at the Department of the Civil Law
and Process
Juridical Institute of Baltiyskiy Federal University
named after Immanuel Kant
Russian Federation, 236016, Kaliningrad,
A. Nevskogo St., 14
E-mail: primaktk@mail.ru

Scientific speciality: 12.00.01 – Theory and History
of Law and State;
History of Doctrines about Law and State.
12.00.02 – Constitutional Law;
Constitutional Lawsuit; Municipal Law.

УДК 340.130.53

Дата поступления статьи: 29 января 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Конституция Российской Федерации: история создания и перспективы развития

The Constitution of the Russian Federation: History and Prospects of Development

Аннотация

Предмет/тема: Конституция Российской Федерации: история создания и перспективы развития.

Цели/задачи: Конституция Российской Федерации 1993 г. была принята в условиях непростой социально-экономической ситуации, глубочайшего политического кризиса, что отразилось на ее содержании и порядке принятия. На основании

Annotation

The subject/topic: the Constitution of the Russian Federation: history and prospects of development.

The goals/objectives: the Constitution of the Russian Federation of 1993 was adopted in a difficult social economic situation, the deepest political crisis, which affected its content and order of adoption. Based on the data of sociological

данных социологических опросов делается вывод, что население страны признает легитимность политической власти и нормативных положений Конституции Российской Федерации, поэтому спор о том, легитимна ли Конституция Российской Федерации, носит теоретический характер. При этом большинство граждан считают, что Конституцию Российской Федерации необходимо периодически пересматривать, что связано с запросом на социальную справедливость, повышение уровня жизни, соблюдение государством прав граждан. Юристы также обсуждают вопрос о необходимости, неизбежности конституционной реформы: одни настаивают на внесении изменений в действующую Конституцию, другие призывают к принятию новой. Основным аргументом в пользу сохранения нынешней Конституции Российской Федерации является относительная политическая стабильность в обществе, но нужны точечные изменения. Юристы обращают внимание на поправки, связанные с обеспечением баланса законодательной, исполнительной, судебной власти в системе сдержек и противовесов, ограничения президентской и исполнительной власти, граждане – на поправки, направленные на повышение уровня жизни, улучшение социальной политики, доступное жилье, контроль над ценами.

Методы: анализ, синтез, сравнение, постановка проблемы, построение гипотез.

Вывод: авторы приходят к выводу, что сегодня в Российской Федерации нужны точечные изменения конституционных положений, связанные с реализацией принципа социальной справедливости. Учитывая, что государство должно гарантировать всем гражданам обеспечение определенного социального минимума, приоритетными задачами выступают формирование доктрины социальной справедливости, законодательное закрепление принципа социальной справедливости на основе разработок и внедрения базовых индикаторов, создание компенсационных механизмов, обеспечивающих равенство стартовых возможностей в реализации социальных прав граждан.

Ключевые слова: Конституция; президент; общенародное голосование; принцип социальной справедливости; «живая Конституция»; Конституционный Суд Российской Федерации; легитимность.

surveys it is concluded that the population of the country recognizes the legitimacy of the political power and normative provisions of the Constitution of the Russian Federation, so the dispute about whether the Constitution of the Russian Federation is legitimate is theoretical. At the same time, the majority of citizens believe that the Constitution of the Russian Federation should be periodically reviewed, which is associated with the request for social justice, improving the standard of living, and the state's observance of the citizens' rights. The lawyers also discuss the necessity and inevitability of constitutional reform: some insist on amendments to the current Constitution, the others call for adoption of a new one. The main argument in favor of preserving the current Constitution of the Russian Federation is the relative political stability in society, but the point changes are needed. Lawyers pay attention to the amendments related to ensuring the balance of legislative, executive, judicial power in a system of the checks and balances, restrictions of the presidential and executive power, the citizens – to the amendments aimed at improving the standard of living, improving social policy, affordable housing, price control.

The methods: analysis, synthesis, comparison, problem statement, hypothesis building.

The conclusion: the authors conclude that nowadays there is a need in the Russian Federation for the point changes in the constitutional provisions related to the implementation of the principle of social justice. Bearing in mind that the state must guarantee to the all citizens the provision of a certain social minimum, the priorities are: formation of a doctrine of social justice, legislative consolidation of the principle of social justice through the development and implementation of the basic indicators, creation of compensation mechanisms that ensure equality of starting opportunities in implementation of the social rights of the citizens.

Key words: Constitution; President; popular vote; principle of social justice; «alive Constitution»; Constitutional Court of the Russian Federation; legitimacy.

Конституция Российской Федерации 1993 г. (далее – Конституция) принималась в непростых политических, социально-экономических условиях. Были разрушены прежние экономические и политические отношения, взаимосвязи, структуры, а новые еще не появились по вполне объективным причинам. Коренным образом из-

менилось отношение государства к оценке поведения граждан: то, что в советские годы считалось противоправным (предпринимательская деятельность, обмен валюты, спекуляция), стало приветствоваться с позиций рыночной экономики. В такого рода вакууме основная роль отводилась законодательству. С его помощью закреплялись

основы нового политического и экономического порядка (отказ от коммунистической идеологии, тотальной государственной собственности, плановой экономики), который не был результатом естественного исторического эволюционного процесса, а представлял собой выбранный политической властью путь развития (демократия, рыночная экономика, свобода предпринимательской деятельности). С учетом изменения социально-политического и экономического устройства страны принятие нового Основного закона не вызывало возражений. Более того, этот шаг было необходимо сделать с целью закрепления новых реальностей.

Другое дело, что Конституция 1993 г. была принята в условиях глубочайшего политического кризиса, что выразилось в противостоянии двух политических сил (президента РФ и Верховного Совета РФ, Съезда народных депутатов), обострении проблем взаимоотношений центра и регионов, Российской Федерации и бывших республик СССР. К сентябрю 1993 г. было разработано два проекта Конституции — проект Верховного Совета РФ, который был представлен Конституционной комиссией, и проект Президента РФ, который был представлен Конституционным совещанием. Принципиальные отличия заключались в том, что первый проект предусматривал создание парламентско-президентской республики, второй — «суперпрезидентской» республики, с широкими полномочиями президента [7, с. 364—382].

21 сентября 1993 г. был издан Указ Президента РФ «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», в соответствии с которым в целях сохранения единства и целостности страны, вывода ее из кризиса, обеспечения безопасности Президент РФ Б. Н. Ельцин постановил: «1. Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации. До начала работы нового двухпалатного парламента Российской Федерации — Федерального Собрания Российской Федерации и принятия им на себя соответствующих полномочий руководствоваться указами Президента и постановлениями Правительства Российской Федерации. Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации продолжают действовать в части, не противоречащей настоящему Указу»¹.

В этот же день Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председате-

ля В. Д. Зорькина, заместителя Председателя Н. В. Витрука, секретаря Ю. Д. Рудкина, судей Э. М. Аметистова, Н. Т. Ведерникова, Г. А. Гаджиева, А. Л. Кононова, В. О. Лучина, Т. Г. Морщаковой, В. И. Олейника, Н. В. Селезнёва, О. И. Тиунова, Б. С. Эбзеева дал заключение № 3-2 «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, связанных с его Указом „О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации“ от 21 сентября 1993 года и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года»².

В указанном заключении Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что Указ Президента РФ Б. Н. Ельцина и его Обращение к гражданам России 21 сентября 1993 г. не соответствуют части второй статьи 1, части второй статьи 2, статье 3, части второй статьи 4, частям первой и третьей статьи 104, абзацу третьему пункта 11 статьи 121.5, статье 121.6, части второй статьи 121.8, статьям 165.1, 177 Конституции Российской Федерации.

Разработкой рекомендаций для проекта Конституции занялись определенные структуры. По этому поводу С. А. Авакьян пишет, что особой результативности в работе этих формирований не было. По существу, доработка проекта Конституции велась узким кругом лиц из президентского окружения и отдельными учеными-экспертами. По спорным вопросам решения принимал сам президент, некоторые окончательные положения вошли в текст в его формулировках [1, с. 179].

В октябре 1993 г. было принято решение проводить голосование по проекту Конституции одновременно с выборами. Эта идея была озвучена французским правоведом, специалистом по России М. Лиссажем и поддержана разработчиками Конституции [9, 11]. Однако действовавший Закон РСФСР «О референдуме РСФСР» не предусматривал право Президента РФ инициировать референдум для принятия решения по вопросам Конституции (принятия, внесения изменений, дополнений), требовались голоса более половины граждан РСФСР, внесенных в списки для участия в референдуме (ст. 35).

В связи с этим Б. Н. Ельцин издает Указ от 15 октября 1993 г. № 1633 «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции РФ», утверждает Положение о всенародном го-

¹ О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400. URL: <http://base.garant.ru/5137070/#ixzz5dneZcf7>. (дата обращения: 11.01.2019).

² О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, связанных с его Указом «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года: заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 сентября 1993 г. № 3-2 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/5137070/#ixzz5dneZcf7>. (дата обращения: 10.01.2019).

лосовании по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г. Главные новеллы — в оборот вводится термин «всенародное голосование», термин «референдум» не используется (референдум мог быть назначен Съездом народных депутатов или Верховным Советом Российской Федерации, которые на тот момент были распущены), снижена квота для принятия новой Конституции. На наш взгляд, проведение всенародного голосования должно было в какой-то мере продемонстрировать миру, что Российская Федерация придерживается демократических принципов, пришедшая к власти политическая сила поддерживается населением страны, принимается народом и выражает волю народа.

Что касается отношения россиян к принятию Конституции, то надо согласиться с тем, что это событие прошло для них незаметно. Однако вопрос не в том, что они не успели с ней ознакомиться, так как этот важнейший документ разрабатывался и принимался в спешке [7, с. 375]. Проблема заключается в традиционном подчинении россиян не праву, а власти. Для них была важна демонстрация силы политической власти, а не текст нормативного документа.

По итогам анализа исторического аспекта принятия Конституции 1993 г. возникает немаловажный вопрос о ее легитимности. Здесь мнения разделились. Например, Е. А. Лукьянова пишет, что есть желание порвать паутину политико-юридической лжи, суть которой сводится к одному короткому юридическому термину — «нелегитимно». Однако она не призывает отменить и разрушить все, говорит о необходимости исправить ошибки Конституции, приведя ее в соответствие с истинным значением слова «демократия» — власть народа [7, с. 375]. В. В. Яценко считает, что нужна новая Конституция, основанная на общественном согласии, иначе в перспективе в стране возможен такой же политический кризис, который был в начале 90-х гг. XX в. Последствия такого кризиса могут быть самыми непредсказуемыми. То, что стабильность в стране держится только на личности президента, не только не нормально, но и опасно [13, с. 87].

На наш взгляд, спор о том, легитимна ли Конституция Российской Федерации, носит скорее теоретический характер, так как население страны признает как легитимность политической власти и ее авторитарный характер, так и нормативные положения Конституции Российской Федерации, но при этом не особо верит в реальную силу последней, о чем свидетельствуют данные социологических опросов. Так, социологи фонда «Общественное мнение» (далее — ФОМ) изучили отношение россиян к Конституции. 20–21 октября 2018 г. был проведен опрос в 104 населенных пунктах 53 ре-

гионов среди 1 500 респондентов. По данным опроса, 53 % россиян считают Конституцию хорошей, 21 % — плохой. Только 8 % участников опроса думают, что Конституция сегодня не нарушается, 69 % видят нарушения в ущемлении прав человека, медобслуживании, запрете на высказывание своего мнения без одобрения властей и т. д. Иными словами, с точки зрения населения страны, Конституция легитимна, но малопригодна для реальной защиты прав.

В то же время ФОМ фиксирует рекордный запрос на реформу Конституции: 66 % респондентов считают, что основной документ надо пересмотреть и внести в него поправки (пять лет назад так считали только 44 %). Наиболее популярными пунктами были поправки, направленные на повышение уровня жизни людей. Среди желаемых изменений респонденты называли отмену закона о повышении пенсионного возраста, улучшение социальной политики, доступное жилье, контроль над ценами, введение смертной казни, улучшение медицины, образования, защиту прав простых людей, гарантии равенства всех граждан перед законом, обеспечение права на труд, расширение прав на свободу собраний, свободу слова, усиление борьбы с коррупцией и ответственности властей [6].

Усиление интереса россиян к конституционным изменениям связано с запросом на социальную справедливость, повышение уровня жизни, соблюдение государством прав граждан. Однако россияне по-прежнему больше доверяют Президенту РФ, чем праву, хотя, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, в последнее время рейтинг Президента РФ снижается: социальная и экономическая политика властей не устраивает большинство опрошенных респондентов [5].

Статистика судов отражает социально-экономическую ситуацию в стране. Нагрузка на суды продолжает расти, к числу массовых категорий споров относятся взыскание долгов по зарплате, кредитным обязательствам, платы за жилплощадь и коммунальные услуги, обязательных платежей и санкций с физических лиц, в основном налогов и пеней [3]. Возросло и количество жалоб в Конституционный суд Российской Федерации (в 2017 г. — 14 638, 2018 г. — 15 149), касающихся личных, социальных прав, договорных обязательств, и т. д. [8].

Таким образом, главным источником напряженности в российском обществе является не система сдержек и противовесов властных институтов, доминирование исполнительной власти, а нерешенность социальных и экономических проблем. На первый план выходят требования социальной справедливости. Непродуктивный путь — пытаться в очередной раз решить проблемы путем принятия новой Кон-

ституции или нормативных правовых актов. Вероятно, политическая власть также не готова к радикальному пересмотру конституционных положений. Так, не принят закон о Конституционном Собрании, а ему отводится основная роль в деле модернизации Основного Закона. Однако определенные точечные изменения необходимы.

Как правило, при обсуждении поправок юристы обращают внимание на обеспечение принципа разделения властей, ограничения президентской и исполнительной власти, отношения центра и регионов. В частности, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин в начале октября 2018 г. в «Российской газете» отнес к числу недостатков Конституции Российской Федерации: отсутствие должного баланса в системе сдержек и противовесов; крен в пользу исполнительной ветви власти; недостаточную четкость в распределении полномочий между президентом и правительством, определении статуса администрации президента и полномочий прокуратуры; положение органов местного самоуправления, которые по своей природе являются локальным, а не самостоятельным звеном публичной власти; разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами. По его мнению, подобные недостатки исправимы путем точечных изменений, применения к социально-правовой реальности доктрины «живой Конституции» [2].

Теория «живой Конституции» (Конституция развивается, изменяется с течением времени, адаптируется к новым обстоятельствам, не будучи формально изменена) используется многими государствами, прежде всего США. Безусловно, она применяется и при толковании Конституции Российской Федерации Конституционным Судом Российской Федерации. Но в международной практике теория «живой Конституции» не является единственной и используется наряду с другими — теорией нормативизма, теорией интеграции, аксиологической теорией и неоконституционализмом, либеральной теорией, теорией страха, онтологической теорией, теорией конституционного идеала [12, с. 124–141].

На наш взгляд, теория «живой Конституции» не в полной мере применима к российским условиям, так как ей присущ судебный активизм, суть которого заключается в активной «правотворческой» позиции суда и расширительном толковании Конституции, когда суд подменяет законодателя, активно вмешиваясь в политику [12, с. 129]. Российская реальность свидетельствует о том, что в вопросах определения необходимости и содержания вносимых конституционных изменений определяющая роль принадлежит Президенту РФ. В частности, Президентом РФ были

инициированы практически все принимавшиеся поправки к Конституции, которые по большей части были рассмотрены и приняты в ускоренном порядке. Более того, желаемое политическое решение можно получить и без ее изменения, например, учреждение института полномочных представителей президента в федеральных округах, разграничение полномочий между федерацией и ее субъектами и т. д. Поэтому «живая Конституция», или подход, базирующийся на гармонизации конституционных положений с реальными процессами, протекающими в обществе, вполне приемлем, но он не может рассматриваться в качестве основного.

Учитывая изложенное, основным аргументом в пользу сохранения нынешней Конституции является относительная политическая стабильность в обществе. Однако необходимо учитывать и запросы, потребности общества, прежде всего в социально-экономической сфере. Их неудовлетворенность может привести к катастрофическим последствиям, на что обратил внимания В.Д. Зорькин, напомнив — революционные события 1917 г. были вызваны глубоким социально-экономическим расколом внутри российского общества [2].

Поэтому целесообразно признать особое значение принципа социальной справедливости — одновременно сущего (на достигнутом уровне развития страны) и должного (целеполагание). Его привлекательность состоит в том, что можно определить индикаторы, практическое использование которых позволяет оценить уровень социальной справедливости. К базовым критериям относятся: перераспределение доходов бюджета в пользу социальных нужд, регулирование труда и справедливая его оплата, социализация частной собственности, государственное пенсионное обеспечение, бесплатное в определенной части государственное образование и медицинское обслуживание, социальная защита незащищенных слоев населения (детей, многодетных семей, инвалидов, пенсионеров, малоимущих, безработных и других) [4].

Также одним из основных показателей социальной справедливости являются данные об уровне жизни различных групп населения. В.Е. Чиркин справедливо указывает, что если в стране все живут хотя бы приблизительно одинаково — бедно или одинаково богато (чего не бывает), социальная справедливость может хотя бы внешне соблюдаться. В какой-то мере так было в СССР, но другие стороны жизни при этом имели крайне негативный характер и перечеркивали элементы социальной справедливости. Социальная справедливость явно нарушается, когда существует огромный разрыв, в частности, в материальном положении индивидов и разных групп населения (с материаль-

ными возможностями связан доступ к культуре, образованию, медицинскому обслуживанию, отдыху и другим условиям жизни) [10, с. 5–12].

Это подтверждается данными официальной статистики – в России один из самых высоких в мире децильный коэффициент (отношение доходов 10 % наиболее богатых к доходам 10 % наиболее бедных). Он приближается к 17 единицам. По неофициальным авторитетным оценкам, масштабы социального расслоения в стране еще выше. За чертой бедности находятся свыше 20 млн россиян. В целом социологи и юристы признают, что по многим принятым в мире показателям налицо разрыв между правовыми предписаниями, характеризующими социальное государство, социальную справедливость, и фактическими показателями (уровень жизни, прожиточный минимум, минимальный размер оплаты труда, индекс развития человеческого потенциала) [2].

В Российской Федерации должен реализовываться принцип социальной справедливости, поэтому надо провести анализ законодательства на предмет соответствия ему и внести соответствующие корректировки. Например, ключевым моментом для оценки справедливого регулирования труда и справедливой оплаты труда является оформление работника по трудовому договору в соответствии с законом. Поскольку значительная часть российских работодателей уходит от налогов и сборов путем оформления трудовых отношений – гражданско-правовыми договорами, надо использовать экономико-правовые

средства, делать экономически привлекательным вариант оформления работников не по гражданско-правовым, а по трудовым договорам.

В целом государство должно гарантировать всем гражданам обеспечение определенного социального минимума, но активные и предприимчивые люди имеют возможность получить больший объем благ в результате своей деятельности. Одной из приоритетных задач выступает формирование доктрины социальной справедливости, под которой понимается не государственная благотворительность, а реализация конституционных положений о России как социальном государстве. В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации должен способствовать созданию таких компенсационных механизмов, которые будут обеспечивать членам общества равенство стартовых возможностей в реализации ими своих основных прав и свобод [2].

Таким образом, необходимость принятия новой Конституции Российской Федерации была очевидна, однако в тех условиях политической и социальной нестабильности этот факт был принят и оценен неоднозначно, поэтому вопрос о ее легитимности продолжает оставаться открытым. Между тем, население страны не ставит под сомнение ее легитимность. Соответственно, споры по этому вопросу постепенно уйдут в прошлое. Сегодня следует обсуждать практическую реализацию заложенных в ней положений, в том числе принцип социальной справедливости.

Список литературы:

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М., 2000.
2. Буква и дух Конституции. Валерий Зорькин – о тревожных призывах к кардинальным конституционным реформам // Рос. газ. 2018. 9 окт. № 7689 (226).
3. Верховный суд подвел итоги работы судов за 2017 год. URL: <https://pravo.ru/story/200608/> (дата обращения: 11.01.2019).
4. Гаганов А.А. Российская Конституция и право о социальной справедливости. URL: <https://rusrand.ru/docconf/rossiyskaya-konstituciya-i-pravo-o-socialnoy-spravedlivosti> (дата обращения: 11.01.2019).
5. Доверие политикам. Оценка властей. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=180> (дата обращения: 27.01.2019).
6. Конституция. Знание и оценка российской Конституции, представления о том, можно ли и нужно ли ее пересматривать. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14144> (дата обращения: 27.01.2019).

References:

1. Avak'jan S.A. Konstitucija Rossii: priroda, 'evoljucija, sovremennost'. 2-e izd. M., 2000.
2. Bukva i duh Konstitucii. Valerij Zor'kin – o trevozhnyh prizyvah k kardinal'nym konstitucionnym reformam // Ros. gaz. 2018. 9 okt. № 7689 (226).
3. Verhovnyj sud podvel itogi raboty sudov za 2017 god. URL: <https://pravo.ru/story/200608/> (data obrashchenija: 11.01.2019).
4. Gaganov A.A. Rossijskaja Konstitucija i pravo o social'noj spravedlivosti. URL: <https://rusrand.ru/docconf/rossiyskaya-konstituciya-i-pravo-o-socialnoy-spravedlivosti> (data obrashchenija: 11.01.2019).
5. Doverie politikam. Ocenka vlastej. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=180> (data obrashchenija: 27.01.2019).
6. Konstitucija. Znanie i ocenka rossijskoj Konstitucii, predstavlenija o tom, možno li i nužno li ee peresmatrivat'. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14144> (data obrashchenija: 27.01.2019).

7. Тарасова Е.А. Разработка и принятие Конституции России в сентябре – декабре 1993 г. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 21.
8. Тематика обращений в Конституционный суд Российской Федерации. URL: www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/Statistic.aspx (дата обращения: 11.01. 2019).
9. Филатов С.А. Совершенно не секретно. М., 2000.
10. Чиркин В.Е. Социальная справедливость в Конституционном праве // Журнал российского права. 2016. № 7 (235).
11. Шейнис В.Л. Конституция-93: взгляд сквозь годы // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. (10 кн.) / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М., 2010. Т. 6
12. Шустров Д.Г. *Essentia Constitutionis*: Конституция Российской Федерации в фокусе теорий конституции XX–XXI веков // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. Ч. 2. № 4 (119), 5 (120).
13. Яценко В.В. Нужно ли реформировать Конституцию РФ // Права человека: история, теория, практика: сб. науч. ст. / ответ. ред. В.В. Коровин. Курск, 2018.
7. Tarasova E.A. Razrabotka i prinjatie Konstitucii Rossii v sentjabre – dekabre 1993 g. // Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2015. № 21.
8. Tematika obrashchenij v Konstitucionnyj sud Rossijskoj Federacii. URL: www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/Statistic.aspx (data obrashchenija: 11.01. 2019).
9. Filatov S.A. Sovershenno nesekretno. M., 2000.
10. Chirkin V.E. Social'naja spravedlivost' v Konstitucionnom prave // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 7 (235).
11. Shejnis V.L. Konstitucija-93: vzgljad skvoz' gody // Iz istorii sozdanija Konstitucii Rossijskoj Federacii. Konstitucionnaja komissija: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993 gg.): v 6 t. (10 kn.) / pod obshch. red. O.G. Rumjanceva. M., 2010. T. 6
12. Shustrov D.G. *Essentia Constitutionis*: Konstitucija Rossijskoj Federacii v fokuse teorij konstitucii XX–XXI vekov // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2017. Ch. 2. № 4 (119), 5 (120).
13. Jacenko V.V. Nuzhno li reformirovat' Konstituciju RF // Prava cheloveka: istorija, teorija, praktika: sb. nauch. st. / otvet. red. V.V. Korovin. Kursk, 2018.

Для цитирования:

Афанасьев В. С., Примак Т. К. Конституция Российской Федерации: история создания и перспективы развития // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 32–38.

For citation:

Afanasyev V. S., Primak T. K. The Constitution of the Russian Federation: history and prospects of development // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 32–38.

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ органов внутренних дел

В. В. КУЗНЕЦОВ,
заместитель начальника полиции —
начальник Управления ГИБДД
ГУ МВД России по Московской области
Российская Федерация, 129110, г. Москва,
Слесарный пер., д. 1
E-mail: ugibddmo.kuznetsov@yandex.ru;

V. V. KUZNETSOV,
Deputy Chief of Police-Head of the Traffic Police
Directorate
Russian Ministry of Internal Affairs
for the Moscow region
Russian Federation, 129110, Moscow,
Slesarnji per., 1
E-mail: ugibddmo.kuznetsov@yandex.ru;

Д. С. ГОРБАТЕНКО,
старший научный сотрудник кафедры
системного анализа и управления
Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет),
Российская Федерация, 125993, г. Москва,
А-80, ГСП-3, Волоколамское ш., д. 4
E-mail: mai_kaf604@mail.ru

D. S. GORBATENKO,
Senior Researcher Department System Analysis
and Management
Moscow Aviation Institute (National Research
University)
Russian Federation, 125993, Moscow, A-80,
GSP-3, Volokolamskoe shosse, 4
E-mail: mai_kaf604@mail.ru

Научная специальность: 12.00.11 — судебная
деятельность; прокурорская деятельность;
правозащитная
и правоохранительная деятельность.

Scientific speciality: 12.00.11 — Judicial Activity;
Prosecutor's Activity;
Human Rights and Law Enforcement.

УДК 34.06

Дата поступления статьи: 12 апреля 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Особенности учета происшествий при эксплуатации автомобильного транспорта

Features of the Accounting of Accidents During the Operation of the Automobile Transport

Аннотация

Актуальность необходимости корректировки существующего механизма государственного учета дорожно-транспортных происшествий (ДТП) обусловлена тем, что при эксплуатации автотранспорта возникают происшествия, в том числе с пострадавшими, происходящие в местах, не предназначенных для движения автомобилей (поля, леса и т.п.). В настоящее время в подразделениях ГИБДД МВД России такие происшествия трактуются как ДТП и включаются в государственную статистическую отчетность наряду с «классическими» ДТП.

Annotation

The relevance of the need to adjust the existing mechanism of state registration of road traffic accidents (RTA) is due to the fact that during the operation of vehicles there are accidents, including injuries, occurring in places not intended for the movement of vehicles (fields, forests and etc.). At present, in the units of the State Traffic Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia, such incidents are treated as RTA and are included in the state statistical reporting along with «classic» RTA.

Постановка проблемы: поскольку такие места происшествий не являются автодорогами общего пользования, учет происшествий на них сопряжен с рядом проблем, а именно: невозможностью определения наличия нарушений правил дорожного движения, затруднениями в процессуальном оформлении и невозможностью профилактики со стороны организаций, устанавливающих организацию движения на улично-дорожной сети. Для разработки региональных программ по повышению безопасности движения применяются методы статистического моделирования и прогнозирования, поэтому включение таких происшествий вместе с «классическими» ДТП в общий массив данных создает разнородную совокупность, использование которой приводит к получению математического описания, не адекватного реальному процессу.

Цель исследования: обозначение проблемы необходимости корректировки практикуемого применения термина «ДТП» для происшествий, возникших при эксплуатации автомобильного транспорта в местах, не предназначенных для движения автомобилей.

Методы исследования: группировки, системный анализ, комбинаторный анализ, регрессионный анализ.

Результаты и ключевые выводы: получен вывод, что к происшествиям, возникшим при эксплуатации автомобильного транспорта в местах, не предназначенных для движения, не должен применяться термин «ДТП», а учет таких происшествий должен осуществляться другим, в отличие от учета ДТП на улично-дорожной сети, образом. Теоретически возможными направлениями необходимой корректировки учета таких происшествий может являться: либо их квалификация не как ДТП, и, соответственно, исключение из компетенции ГИБДД; либо классификация их как «ДТП, не включаемые в государственный учет».

Ключевые слова: правоохранительная деятельность; дорожно-транспортное происшествие; эксплуатация автомобильного транспорта; государственный учет; улично-дорожная сеть; происшествия; квалификация происшествий.

The problem statement: since such places of accidents are not public roads, taking into account the incidents on them is associated with a number of problems, namely: the impossibility of determining whether there are violations of traffic rules, difficulties in procedural clearance, and the impossibility of prevention by organizations that establish traffic organization on the road network. For the development of regional programs to improve the safety of movement, statistical modeling and forecasting methods are used, therefore the inclusion of such incidents along with «classic» accidents in the total data set creates a heterogeneous set, the use of which leads to a mathematical description that is not adequate to the real process.

The study purpose: the designation of the problem of the need to adjust the practical application of the term «RTA» for accidents arising from the operation of road transport in places not intended for the movement of vehicles.

The research methods: grouping, system analysis, combinatorial analysis, regression analysis.

The results and key findings: All this suggests that for the events arising from the operation of road transport in places not intended for movement, the term «RTA» should not be used, and such accidents should be taken into account by others way, as opposed to accounting for RTA on road network. Theoretical possible directions for the necessary adjustments to account for such incidents may be: either their qualification is not as an RTA, and, accordingly, the exclusion from the traffic police competence; or classifying them as «RTA that are not included in state accounting».

Key words: law enforcement; traffic accidents; operation of road transport; public accounting; street and road network; accidents; qualification of incidents.

Введение

Без использования автомобильного транспорта невозможно функционирование всех отраслей народного хозяйства, а также частного хозяйствования. При этом, к сожалению, недобросовестная эксплуатация автомобильного транспорта приводит к весьма печальным последствиям, возникновению происшествий,

в результате которых происходит ранение и гибель людей.

Важнейшей общественной задачей является создание условий, минимизирующих такую недобросовестную и общественно опасную эксплуатацию автотранспорта. Эти условия выражаются в виде комплекса практических мероприятий, проводимых с целью предотвращения

возможных происшествий. Первым важнейшим шагом к теоретическому определению этих мероприятий является подробный анализ происшествий, связанных с эксплуатацией автотранспорта, произошедших за определенный период времени на определенной территории [4, 7, 10].

Используемые в настоящее время автоматизированные системы позволяют проводить такой анализ. В них представлен широкий спектр информации, характеризующей сведения об автотранспорте, об участниках движения, о нарушениях, допущенных участниками движения, о месте, времени происшествия, режиме движения и многое другое [9].

Однако возникает проблема с квалификацией происшествий, связанных с эксплуатацией автомобильного транспорта.

Формирование проблемы и пути решения.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил учета дорожно-транспортных происшествий»¹ «дорожно-транспортное происшествие» — это событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, груз, сооружения, а «дорога» — это обустроенная или приспособленная и используемая для движения транспортных средств полоса земли либо поверхность искусственного сооружения. Дорога включает в себя одну или несколько проезжих частей, а также трамвайные пути, тротуары, обочины и разделительные полосы при их наличии.

Данная терминология дублирует положения, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации «О Правилах дорожного движения»².

Участки земли признаются обустроенными или приспособленными для движения транспортных средств соответствующими владельцами этих участков. Применительно к Московской области владельцами выступают управления дорог Федерального дорожного агентства, ГК «Росавтодор», Мосавтодор, администрации муниципальных образований области, предприятия различных форм собственности. Ими же принимается решение об открытии движения на данных участках в виде соответствующего постановления.

После выполнения этих процедур участки земли становятся используемыми для организованного движения автотранспорта и объединяются в понятие «улично-дорожная сеть», включающая

в себя улицы в населенных пунктах и автомобильные дороги общего пользования, оборудованные дорожными информационными указателями и дорожными знаками 5.1-2, 5.3-4 [1, 4, 7].

Происшествия при эксплуатации автомобильного транспорта, произошедшие на улично-дорожной сети городов, округов, районов субъектов Российской Федерации, являются дорожно-транспортными происшествиями и подлежат государственному учету, осуществляемому подразделениями Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее — ГИБДД) МВД России [9].

Правилами дорожного движения (далее — ПДД) Российской Федерации также определены следующие территории и зоны, на которых они действуют: «прилегающая территория» — территория, непосредственно прилегающая к дороге и не предназначенная для сквозного движения транспортных средств (дворы, жилые массивы, автостоянки, АЗС, предприятия и т. п.), и «жилая зона» — территория, въезды на которую и выезды с которой обозначены знаками 5.21 и 5.22. На иные территории ПДД РФ свое действие не распространяют, следовательно, событие, возникшее в процессе движения транспортного средства и с его участием, при котором погибли или были ранены люди, повреждены транспортные средства, груз, сооружения на иных территориях, под термин «дорожно-транспортное происшествие» не подпадает.

Несмотря на это, приказом Федеральной службы государственной статистики от 21 мая 2014 г. № 402 «Об утверждении статистического инструментария для организации Министерством внутренних дел Российской Федерации федерального статистического наблюдения о дорожно-транспортных происшествиях»³ утверждена форма федерального статистического наблюдения «Раздел 6. Дорожно-транспортные происшествия и пострадавшие по местам совершения за отчетный период», где в 15 строке определен показатель «ДТП и пострадавшие в других местах». Под другим местом понимается место совершения происшествия не на дороге и вне населенного пункта (в карьере, на аэродроме, пристани, на производственной, технологической, служебной, складской или иной хозяйственной территории, на используемой для проезда дамбе, на просеке, в лесу, в поле, на льду замерзшего водоема, на отделенной от проезжей части автостоянке, в многоэтажном паркинге, в надземном или подземном сооружении и т. д.), а также на участке строящейся

¹ Об утверждении Правил учета дорожно-транспортных происшествий: постановление Правительства Российской Федерации от 29 июня 1995 г. № 647 // СЗ РФ. 1995. № 28. Ст. 2681.

² О правилах дорожного движения: постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 // Российские вести. 1993. № 227.

³ Об утверждении статистического инструментария для организации Министерством внутренних дел Российской Федерации федерального статистического наблюдения о дорожно-транспортных происшествиях: приказ Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации от 21 мая 2014 г. № 402.

дороги (не принятой в эксплуатацию) либо любым другим строительном объекте.

Вот из-за такого различного толкования на местном, региональном и федеральном уровнях термина «дорожно-транспортное происшествие» на практике существуют происшествия, оформляемые подразделениями ГИБДД как ДТП, которые, по сути, таковыми не являются. В них приспособленность места для движения определяет сам человек, управляющий автомобилем, как правило, находящийся в алкогольном или наркотическом опьянении.

Рассмотрим несколько примеров таких происшествий, произошедших на территории Московской области.

Так, в 2016 г. два родных брата 43 и 39 лет выехали покататься на принадлежащем младшему брату внедорожнике на замершую пашню. Посадили за руль 12-летнего сына старшего брата, разрешили ему самостоятельно управлять автомобилем, отойдя в сторону. Не справившись с управлением, ребенок совершил смертельный наезд на собственного дядю.

В том же 2016 г. гастарбайтер погрузил на квадроцикл шестиметровые доски и решил поехать с ними по лесной тропинке. В результате зацепился ими за деревья, совершил опрокидывание, итог — переломы и стационарное лечение.

В 2017 г. при движении по полю к водоему автомобиль совершил наезд на заросший травой пенёк, в результате водитель и пассажир получили ранения.

В 2018 г. при движении автомобиля по полю во время сельскохозяйственных работ произошло столкновение с комбайном. Результат — 1 человек получил ранения, сельскохозяйственной технике причинен материальный ущерб.

В том же 2018 г. участник компании молодых людей в возрасте 25–30 лет, отдыхавший на водоеме в состоянии алкогольного опьянения, с неизвестными целями решил привести в движение свой автомобиль. При движении задним ходом совершил смертельный наезд на другую участницу компании.

Таких происшествий, в частности, на территории Московской области, происходит немало, все они классифицируются как ДТП и вносятся в государственный учет [9].

На наш взгляд, классифицировать такие происшествия в качестве дорожно-транспортных и включать их в государственный учет наряду с ДТП на УДС не правильно. Это объясняется следующими причинами.

1. Отсутствует понимание места происшествия.
2. Невозможность оценивания организации движения и транспортно-эксплуатационного состояния дороги.
3. Невозможность определения нарушений ПДД, которые привели к происшествию.

Необходимо помнить, что статистическая совокупность — это совокупность социально-экономических объектов или явлений общественной жизни, объединенных определенной качественной основой, общей связью. Совокупности могут быть однородными и разнородными. Совокупность называется однородной, если изучаемые существенные признаки ее объектов являются общими для всех единиц. Она оказывается однородной именно с точки зрения этих признаков.

Математической базой статистики является теория вероятностей, применение которой корректно только для однородных и представительных выборок. Однородность обеспечивается тем, что выборка формируется в результате наблюдения за группой однотипных объектов, находящихся в однотипных условиях.

Совокупность, в которую входят явления разного типа, считается разнородной, при этом разнородность — зло, которое снижает точность анализа.

Поэтому, включение таких происшествий в государственный учет наряду с классическими ДТП на улицах и автодорогах приводит к получению разнородного массива данных, не пригодного для статистического анализа.

Для проведения статистического анализа, имеющего цель определение реальных закономерностей и формирование адекватных решений, направленных на повышение уровня безопасности движения, необходимо исключать из рассмотрения такие происшествия как аномальные [2–3, 6].

Также необходимо понимать, что набор мероприятий, предотвращающих возникновение ДТП на улицах и автодорогах, в общем известен и включает в себя главным образом организационно-технические решения, а именно: создание технических сооружений, разделяющих транспортные потоки; разделение транспортных и пешеходных потоков в разных уровнях; внедрение светофорного регулирования на перекрестках и наземных пешеходных переходах; искусственное освещение проезжей части; внедрение дорожных и пешеходных ограждений; упорядочивание строительства объектов притяжения людей и транспорта вдоль проезжих частей; а также средства надзора и контроля за движением [6]. Внедрение этих мероприятий в лесах и полях в принципе невозможно, поэтому рассматриваемые происшествия в лесах и полях не являются профилактируемыми.

Оформление таких происшествий также имеет ряд трудностей [1, 5, 8]:

- отсутствует возможность точного определения геопозиции происшествия и отражения места происшествия в процессуальных бланках;
- при составлении схемы происшествия нет возможности привязки места происшествия к какому-либо стационарному объектам;

– в случае отсутствия видеоборудования возникает проблема с привлечением к оформлению происшествия понятых.

Результаты

В связи с вышеизложенным считаем, что учет таких происшествий не должен включаться в государственный учет наряду с ДТП, произошедшими на улицах и автомобильных дорогах.

Учет таких происшествий возможен в следующих двух вариантах.

1. Происшествия исключаются из компетенции ГИБДД и квалифицируются как несчастный случай, несчастный случай на производстве, убийство, убийство по неосторожности и т. п., но не как ДТП.

2. Происшествия признаются как дорожно-транспортные, но в государственный учет не включаются, а фиксируются в автоматизи-

рованных системах ГИБДД как неучтенные с пострадавшими. Автоматизированная информационно-управляющая система учета ДТП (АИУС), используемая в подразделениях ГИБДД, это позволяет.

Заключение

Применение любого из предложенных нами вариантов даст возможность следующего:

– проводить более качественный анализ дорожно-транспортной аварийности как на муниципальном, так и на региональном уровнях;

– определять реальные взаимосвязи между транспортно-эксплуатационным состоянием улично-дорожной сети и уровнем аварийности;

– формировать адресный набор мероприятий, направленных на предотвращение возникновения дорожно-транспортных происшествий.

Список литературы:

1. Артёмов А. Ю., Кораблёв Р. А., Денисов Г. А., Сподарев Р. А. Введение в профессиональную деятельность по расследованию и экспертизе ДТП. Воронеж, 2014.
2. Горбатенко Д. С., Кузнецов В. В., Порташников О. М. Применение математико-статистических методов для прогнозирования уровня дорожно-транспортной аварийности. М., 2016. Вып. № 69.
3. Капитанов В. Т., Молина О. Ю., Чубуков А. Б. Прикладные математические методы для анализа аварийности: метод. рекомендации. М., 2014.
4. Клиновштейн Г. И., Афанасьев М. Б. Организация дорожного движения. М., 2001.
5. Корчагин А. Г. Некоторые преступления в области использования техники: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Владивосток, 2007.
6. Кузнецов В. В., Горбатенко Д. С., Порташников О. М. Адекватность применения методики математического моделирования в целях разработки программ, направленных на повышение уровня безопасности движения на региональных автодорогах на территории Московской области // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 4.
7. Лукьянов В. В. Безопасность дорожного движения. М., 2008.
8. Молодцов В. А., Гуськов А. А., Анохин С. А. Расследование и экспертиза ДТП: учеб. пособ. Тамбов, 2016.
9. Порташников О. М., Кузнецов В. В., Горбатенко Д. С. Государственный учет показателей безопасности дорожного движения в ГИБДД Московской области: состояние, проблемы, взгляд в будущее // Вестник Московского Университета МВД России. 2017. № 6.

References:

1. Artyomov A. Yu., Korablyov R. A., Denisov G. A., Spodarev R. A. Vvedenie v professional'nuyu deyatel'nost' po rassledovaniyu i ekspertize DTP. Voronezh, 2014.
2. Gorbatenko D. S., Kuznetsov V. V., Portashnikov O. M. Primenenie matematiko-statisticheskikh metodov dlya prognozirovaniya urovnya dorozhno-transportnoj avarijnosti. M., 2016. Vyp. № 69.
3. Kapitanov V. T., Monina O. Yu., Chubukov A. B. Prikladnye matematicheskie metody dlya analiza avarijnosti: metod. rekomendacii. M., 2014.
4. Klinkovshitejn G. I., Afanas'ev M. B. Organizaciya dorozhnogo dvizheniya. M., 2001.
5. Korchagin A. G. Nekotorye prestupleniya v oblasti ispol'zovaniya tekhniki: ugovovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty. Vladivostok, 2007.
6. Kuznetsov V. V., Gorbatenko D. S., Portashnikov O. M. The adequacy of the application of mathematical modeling techniques for the development of programs aimed to improve the level of traffic safety on regional roads in the Moscow region // The bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4.
7. Luk'yanov V. V. Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. M., 2008.
8. Molodcov V. A., Gus'kov A. A., Anohin S. A. Rassledovanie i ekspertiza DTP: ucheb. posob. Tambov, 2016.
9. Portashnikov O. M., Kuznetsov V. V., Gorbatenko D. S. State registration of road safety indicators in the State Traffic Safety Inspectorate of the Moscow Region: state, problems, look to the future // Vestnik Moskovskogo Universiteta MVD Rossii. 2017. № 6.

10. *Рябчинский А. И., Токарев А. А., Русаков В. З.* Динамика автомобиля и безопасность дорожного движения: учеб. пособ. / МАДИ (ГТУ). М., 2002.
10. *Ryabchinskij A. I., Tokarev A. A., Rusakov V. Z.* Dinamika avtomobilya i bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya: ucheb. posob. / MADI (GTU). M., 2002.

Для цитирования:

Кузнецов В. В., Горбатенко Д. С. Особенности учета происшествий при эксплуатации автомобильного транспорта // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 39–44.

For citation:

Kuznetsov V. V., Gorbatenko D. S. Features of the accounting of accidents during the operation of the automobile transport // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 39–44.

Д. А. ТРОФИМОВ,
старший преподаватель кафедры организации
деятельности органов внутренних дел центра
командно-штабных учений,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125993, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: dm.trofimov@bk.ru
Научная специальность: 12.00.11 – судебная
деятельность; прокурорская деятельность;
правозащитная и правоохранительная
деятельность.

D. A. TROFIMOV,
Candidate of Law,
Senior Lecturer at the Department for Organizing
the Activities of the Internal Affairs Bodies
of the Center for Command and Staff Exercises
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125993, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: dm.trofimov@bk.ru
Scientific speciality: 12.00.11 – Judicial Activities;
Prosecutorial Activities;
Human Rights and Law Enforcement.

УДК 351.81

Дата поступления статьи: 26 марта 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Отдельные вопросы организационного проектирования территориальных органов МВД России на транспорте

Some Issues of Organizational Design of Territorial Bodies of the Interior Ministry of Russia in Transport

Аннотация

Актуальность темы обуславливается несовершенством механизма организационного проектирования территориальных органов МВД России как элементов сложной социальной системы. Проблема заключается в отсутствии нормативно определенных унифицированных условий, обуславливающих создание того или иного территориального органа МВД России на транспорте на основе существующих типовых моделей. Это напрямую связано с эффективностью их работы, рациональным использованием сил и средств, а также оптимальностью использования бюджетных ассигнований. Цель исследования состоит в поиске таких условий и обосновании их использования в механизме организационного проектирования органов внутренних дел на транспорте. Методологическую основу исследования составил диалектический подход к научному познанию проблем нормирования при проектировании организационных структур. Научная новизна исследования определяется кругом анализируемых проблем, носящих комплексный характер для теории организации правоохранительной деятельности. На основе анализа нормативных правовых актов и научных трудов, посвященных теории организационного проектирования,

Annotation

The relevance of the topic is due to the imperfection of the mechanism of organizational design of territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia as elements of a complex social system. The problem lies in the absence of certain regulatory unified conditions that lead to the creation of a territorial body of the Ministry of internal Affairs of Russia in transport on the basis of existing standard models. This is directly related to the efficiency of their work, the rational use of forces and resources, as well as the optimal use of the budgetary allocations. The purpose of the study is to find such conditions and justify their use in the mechanism of organizational design of the internal Affairs bodies in transport. The methodological basis of the study was a dialectical approach to the scientific knowledge of the problems of rationing in the design of organizational structures. The scientific novelty of the study is determined by the range of analyzed problems that are complex for the theory of law enforcement. On the basis of the analysis of normative legal acts and scientific works devoted to the theory of organizational design, it is established that the existing standards of formation of territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia in transport are essentially the rules of controllability. The author concludes

установлено, что существующие нормативы формирования территориальных органов МВД России на транспорте по своей сути являются нормами управляемости. Автором делается вывод о необходимости использования в качестве критериев, детерминирующих формирование территориальных органов МВД России на транспорте, существенных характеристик внешней среды функционирования и предлагается подход к их определению.

Ключевые слова: организационное проектирование; нормативы формирования; структура; транспортная полиция.

that it is necessary to use as criteria determining the formation of territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia in transport, the essential characteristics of the external environment of their functioning and proposes an approach to their definition.

Key words: organizational design; formation standards; structure; transport police.

МВД России (далее – Министерство), являясь одним из самых крупных по штатной численности правоохранительных органов, выполняет важную роль в реализации правоохранительной функции государства, обеспечивая в пределах своей компетенции защиту личности, общества и государства от противоправных посягательств, правопорядок, общественную безопасность и т. д. Вместе с тем структура Министерства и его территориальных органов периодически подвергается реорганизации, которая может оказывать непосредственное влияние на управляемость системы и эффективность ее функционирования.

В настоящее время в системе МВД России насчитывается около 2 000 территориальных органов. В основе их количественного многообразия лежат несколько типовых моделей, для которых определены унифицированные условия, обуславливающие принятие решения о создании того или иного органа.

Приказом МВД России «О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России»¹ такие условия закреплены в качестве нормативов формирования территориальных органов МВД России. При этом необходимо учитывать, что норматив – это термин, выражающий количественный показатель какого-либо критерия, однако четкой дифференциации последнего не произведено. Вместе с тем анализ указанного нормативного правового акта позволяет выделить два основных критерия, используемых в организационном проектировании территориальных органов МВД России.

Один из них – это численность населения, проживающего на территории оперативного обслуживания. Так, при численности населения,

проживающего на обслуживаемой территории соответствующего субъекта РФ, до 2,5 млн человек создаются управления МВД России по субъектам РФ, при большей численности – главные управления; при численности населения от 50 до 250 тыс. человек – отделы МВД России по соответствующим муниципальным образованиям, при большей численности населения – управления и т. д.

В качестве второго критерия выступает штатная численность территориального органа МВД России. Например, линейное отделение МВД России на транспорте создается при штатной численности не менее 30 единиц, линейный отдел создается при штатной численности не менее 50 единиц, а линейное управление – не менее 360 единиц. При этом такой критерий в конечном счете определяет лишь структуру территориального органа, состав и численность его аппарата управления.

Представляется, что только первый из рассмотренных критериев надлежит рассматривать как обуславливающий взаимосвязь между факторами внешней среды и моделью типового подразделения, создание которого будет достаточным для выполнения своей социальной функции – обеспечение правопорядка на определенной территории. Причем помимо численности населения он предусматривает возможность учета специфических характеристик внешней среды функционирования, таких как низкая плотность населения, большая доля сельского населения, отдаленность и труднодоступность местности. Так, если по общему правилу отдел МВД России по соответствующим муниципальным образованиям создается при численности населения не менее 50 тыс. человек, а отделение МВД России – при численности от 10 до 15 тыс. человек, то для территорий с большой долей сельского населения, а также отдаленных и труднодоступных мест отдел МВД России может создаваться при численности населения от 20 тыс. человек.

¹ О некоторых организационных вопросах и структурном построении территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 30 апреля 2011 г. № 333.

Не углубляясь в оценку необходимости учета тех или иных характеристик внешней среды при определении нормативов формирования органов внутренних дел, отметим указанный пример как положительный, в определенной мере учитывающий объективно необходимые запросы управляемой среды, а также обеспечивающий усиление управляющего воздействия в зависимости от ее состояния. Он наглядно демонстрирует реализацию на практике утвердившегося в теории управления мнения о том, что для успешного функционирования любой системы ее организация должна соответствовать организации внешней среды [8, с. 64].

Что касается второго критерия, можно отметить, что он лишь опосредует норму управляемости, которая влияет на формирование структуры управления территориальным органом МВД России, возможность создания тех или иных органов управления и должностей руководящего звена, но не позволяет ответить на следующие вопросы: какие внешние факторы были использованы в качестве отправных точек при принятии решения о создании того или иного территориального органа МВД России? Достаточно ли штатной численности и материальных ресурсов для обеспечения правопорядка на обслуживаемом участке или, наоборот, не являются ли они избыточными? Можно ли обеспечить и правопорядок меньшим количеством сил и средств?

Чтобы попытаться ответить на поставленные вопросы, необходимо обратиться к основам организационного проектирования, важной частью которого является создание структуры социальной системы. При этом, когда речь идет о государственных органах и организациях, вопросы, связанные с формированием организационной структуры, в конечном счете могут оказать влияние на эффективность функционирования органов власти и оптимальное расходование бюджетных средств.

Структура социальной системы представляет собой сложное образование, отражающее как ее внутреннее строение, так и взаимосвязи между ее элементами. Кроме того, она является одним из компонентов механизма управления, находящимся в прямой зависимости от задач и функций государственного органа, обеспечивающим единство устойчивых связей элементов всей системы [7, с. 15; 9, с. 65–72;].

Для сохранения эффективности в быстро меняющихся условиях внешней среды функционирования структуры социальных систем должны быть гибкими и адаптивными, обеспечивающими учет происходящих изменений и позволяющими реагировать на них, в том числе путем совершенствования организационной структуры и методов управления. При этом де-

ятельность по рационализации организационной и функциональной структур составляет сущность организационного проектирования [4, с. 3].

Процесс организационного проектирования в значительной мере носит исследовательский и поисковый характер. Это во многом обусловлено отсутствием единых критериев и нормативов, которые могут быть положены в основу оценки трудозатратности производственной деятельности, оценки труда исполнителей, управленческих работников и т. д.

Принимая решение о создании структуры для выполнения той или иной социальной функции, в первую очередь надлежит решить вопрос об обеспечении ее выполнения достаточными людскими (штатная численность), материальными (здания и помещения, транспортные средства, оборудование) и иными ресурсами. Как правило, критерий штатной численности той или иной структуры лежит, в свою очередь, в основе проектирования ее типовых подразделений (департаментов, управлений, отделов и т. д.).

Таким образом, исходным началом в нормировании того или иного ресурса при организационном проектировании социальных систем являются факторы внешней среды, в условиях которых функционирует система.

Внешней средой функционирования территориальных органов МВД России на транспорте является комплекс объектов и транспортных средств водного, воздушного и железнодорожного транспорта, находящихся в их оперативном обслуживании [5, с. 182–187]. Причем именно последнему из перечисленных видов транспорта принадлежит определяющая роль, оказывающая влияние на организационно-структурное построение этой подсистемы, так как объекты водного и воздушного транспорта находятся в обслуживании только при условии наличия таких подразделений и могут обслуживаться иными территориальными органами, а объекты железнодорожного транспорта общего пользования обслуживаются исключительно территориальными органами МВД России на транспорте.

Структура этих территориальных органов включает восемь управлений на транспорте МВД России по федеральным округам (далее – УТ МВД России по ФО), а также Восточно-Сибирское и Забайкальское линейные управления МВД России на транспорте (далее – ЛУ МВД России на транспорте), подчиненные непосредственно Министерству [1, с. 68–72]. С момента их образования в 2010 г. и до настоящего времени для них отсутствуют нормативно установленные критерии, определяющие при каких условиях создается орган того или иного вида.

Следствием этого стала возможна ситуация, при которой одно УТ МВД России по ФО обслуживает три железные дороги, одновременно с этим два других обслуживают вместе лишь одну железную дорогу, что ставит под сомнение эффективность использования сил, средств и иных ресурсов.

Речь идет об УТ МВД России по Северо-Кавказскому и Южному федеральным округам, в оперативном обслуживании которых находится Северо-Кавказская железная дорога, ее эксплуатационная длина составляет 6,3 тыс. км². При этом другие УТ МВД России по ФО обслуживают по две-три железные дороги, эксплуатационная длина которых составляет более 7 тыс. км, а в отдельных случаях это значение превышает в два раза.

В настоящее время в нормативах формирования УТ МВД России по ФО предусмотрена лишь дифференциация этих территориальных органов на шесть категорий в зависимости от штатной численности, а отнесение к той или иной из них оказывает влияние лишь на численность аппаратов управления. Безусловно, это также является важным вопросом, который в немалой степени обуславливает управляемость системы. Учеными справедливо отмечается, что «особую проблему при формировании и оценке структуры государственного органа представляет определение потенциальной нормы управляемости, отталкиваясь от которой можно полагать, что структура справится с возложенными на нее целями, функциями и полномочиями, является достаточной и может гарантировать необходимый уровень управления соответствующими процессами» [3, с. 183]. Вместе с тем определение потенциальной нормы управляемости не может подменить собой определение критериев и нормативов формирования территориальных органов МВД России на транспорте.

Отсутствие нормативов формирования указанных подразделений обусловлено в первую очередь невозможностью применить к ним критерий численности проживающего на определенной территории населения. Это связано с тем, что в обслуживании органов внутренних дел на транспорте находятся не участки местности, а пути сообщения и объекты транспортного комплекса.

Рассматривая возможность использования факторов внешней среды в качестве критерия при организационном проектировании территориальных органов МВД России на транспор-

те, представляется заслуживающим внимания исторический опыт.

Так, организационно-структурное построение жандармской железнодорожной полиции было реализовано на основании аналогичного подхода: участковые офицеры назначались по одному на каждые 200 верст пути, унтер-офицеры – по два на каждую станцию (в столицах – по три), а при создании жандармских полицейских управлений железных дорог основу составляла протяженность участков обслуживания – за каждым управлением закреплялось не более 2 тыс. верст пути [2, с. 6–10].

Кроме того, до образования в 2010 г. УТ МВД России по ФО каждое из существовавших в то время 20 управлений внутренних дел на транспорте МВД России [6, с. 34], как правило, обслуживало самостоятельную железную дорогу³.

В связи с этим представляется целесообразным при определении критерия формирования территориальных органов МВД России на транспорте исходить в первую очередь из характеристик объектов железнодорожного транспорта, находящихся в оперативном обслуживании (за исключением территориальных органов, созданных исключительно для обслуживания водного или воздушного транспорта).

В качестве такого критерия для УТ МВД России по ФО, по нашему мнению, возможно установить количество железных дорог, находящихся в оперативном обслуживании: УТ МВД России по ФО создается для оперативного обслуживания двух и более железных дорог, линейное управление МВД России на транспорте с особым статусом, т. е. подчиненное непосредственно Министерству, создается для оперативного обслуживания одной железной дороги.

Возможность использования такого подхода подтверждается созданием Восточно-Сибирского и Забайкальского ЛУ МВД России на транспорте, в оперативном обслуживании которых находятся одноименные железные дороги.

Для территориальных органов МВД России на транспорте нижестоящего уровня в качестве дополнительного критерия формирования целесообразно использовать пассажиропоток на соответствующих объектах транспортного комплекса, так как он во многом будет определять потребность в личном составе для обеспечения необходимого уровня правопорядка, своевременного и адекватного реагирования

³ Исключение составляли: Московское УВД на воздушном и водном транспорте, наименование которого свидетельствует о его выделении для обслуживания иных видов транспорта; Дальневосточное УВДТ, в обслуживании которого находилась Дальневосточная железная дорога и относительно небольшая Сахалинская железная дорога, в 2010 г. вошедшая в структуру первой из них; Азово-Черноморское и Кузбасское УВДТ, к моменту реорганизации которых соответствующие им железные дороги были включены в состав других дорог.

² В оперативном обслуживании УТ МВД России по ЮФО также находится Крымская железная дорога, однако фактически ее обслуживает одно подразделение – Крымское ЛУ МВД России на транспорте, в оперативном обслуживании УТ МВД России по СКФО других железных дорог нет.

на изменение оперативной обстановки, а также решения других служебных задач.

Рассмотренный в данной статье подход к определению критериев и нормативов формирования территориальных органов МВД России на транспорте не ограничивается изложенным мнением, а лишь предлагает один из путей реше-

ния проблемы. Полагая принципиально важным при формировании таких подходов исходить из характеристик внешней среды функционирования этих подразделений, считаем возможным использовать в качестве критериев иные существенные ее характеристики, в том числе относящиеся к водному и воздушному транспорту.

Список литературы:

1. Александров А. Н., Петрыкин Н. Н. Практическая направленность подготовки кадров транспортной полиции: история и современность // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 1.
2. Амелчаков И. Ф., Александров А. Н., Дергилева С. Ю. Становление и развитие транспортной полиции России в XVIII – начале XX веков // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 3.
3. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: учебник. М., 2014.
4. Бушуев Б. С. Организационные структуры и методы их проектирования в органах внутренних дел: лекция. М., 1977.
5. Васильев Ф. П., Николаев А. Г. Сущность и необходимость совершенствования обеспечения транспортной безопасности и вопросов образования в России и их административно-правовое регулирование // Наука и мир: международный научный журнал. 2016. Т. 2. № 5 (33).
6. Пестов Н. Н., Янченко И. Л., Кирюхин В. В. Обеспечение органами внутренних дел правопорядка на транспорте: исторические, правовые и организационные аспекты. М., 2019.
7. Пузыревский Л. С. Основы организационного проектирования: монография. Л., 1975.
8. Степаненко Ю. В. Органы внутренних дел на транспорте: вопросы теории и практики. М., 2004.
9. Ульянов А. Д., Жаглин А. В. Содержание механизма управления в органах внутренних дел // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 2.

Для цитирования:

Трофимов Д. А. Отдельные вопросы организационного проектирования территориальных органов МВД России на транспорте // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 45–49.

References:

1. Aleksandrov A. N., Petrykin N. N. Practical orientation of training of transport police: history and present // Problems of law-enforcement activity. 2018. № 3.
2. Amelchakov I. F., Aleksandrov A. N., Dergileva S. Y. The formation and development of the Russian transport police in XVIII – the early XX centuries // Problems of law-enforcement activity. 2016. № 3.
3. Atamanchuk G. V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya: uchebnik. M., 2014.
4. Bushuev B. S. Organizacionnyye struktury i metody ih proektirovaniya v organah vnutrennih del: lekcija. M., 1977.
5. Vasil'ev F. P., Nikolaev A. G. Sushchnost' i neobhodimost' sovershenstvovaniya obespecheniya transportnoj bezopasnosti i voprosov obrazovaniya v Rossii i ih administrativno-pravovoe regulirovanie // Nauka i mir: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. 2016. T. 2. № 5 (33).
6. Pestov N. N., Yanchenko I. L., Kiryuhin V. V. Obespechenie organami vnutrennih del pravoporyadka na transporte: istoricheskie, pravovye i organizacionnyye aspekty. M., 2019.
7. Puzyrevskij L. S. Osnovy organizacionnogo proektirovaniya: monografiya. L., 1975.
8. Stepanenko Yu. V. Organy vnutrennih del na transporte: voprosy teorii i praktiki. M., 2004.
9. Ulyanov A. D., Zhaglin A. V. Contents of governance arrangements in the Internal Affairs bodies // The bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 2.

For citation:

Trofimov D. A. Some issues of organizational design of territorial bodies of the Interior Ministry of Russia in transport // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 45–49.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО и уголовный процесс

С. И. ГИРЬКО,
главный научный сотрудник,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации
НИИ ФСИН России
Российская Федерация,
125130, г. Москва,
ул. Нарвская, д. 15а, стр. 1
E-mail: syvorina959134@mail.ru
Научная специальность:
12.00.09 – уголовный процесс.
ORCID 0000-0003-0344-0573

S. I. GIRKO,
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher,
Merited Researcher of the Russian Federation
Federal State Institution,
Scientific Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Russian Federation, 125130, Moscow,
Narvskaya St., 15a, structure 1
E-mail: syvorina959134@mail.ru
Scientific speciality:
12.00.09 – Criminal Procedure.

УДК 343.123.1

Дата поступления статьи: 8 апреля 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Практика ускоренного дознания: организационные и теоретические проблемы

Accelerated Inquiry: the Organizational and Theoretical Problems

Аннотация

Актуальность: 4 марта 2013 г. фактически после 15-летнего перерыва в российское уголовно-процессуальное законодательство было возвращено унифицированное досудебное производство в виде процессуальной формы с названием «Дознание в сокращенной форме».

На этапе принятия данной новеллы значительное число ученых высказывали скептические оценки нововведения, предъявляя претензии как теоретического характера, так и неутешительные прогнозы практического использования введенной модели.

Цель/задача: по прошествии пяти лет логичным было бы оценить качество законодательной инициативы и с точки зрения научных подходов, и с позиции сложившейся практики применения ускоренного дознания. Кро-

Annotation

The relevance: on March 4, 2013, in fact, after a 15-year break, unified pre-trial proceedings in the form of a procedural form called «Inquiry in a shortened form» were returned to the Russian criminal procedure legislation.

At the stage of the adoption of this novel, a significant number of scientists expressed skeptical assessments of the innovation, making claims of both theoretical nature and disappointing forecasts of the practical use of the introduced model.

The goal/objective: within five years it would be logical to assess the quality of legislative initiative five years ago, and from the point of view of scientific approaches, and from the standpoint of established practice of application of the expedited inquiry. In addition, it is appropriate to analyze the Russian model of inquiry in a shortened form

ме того, вполне уместно проанализировать российскую модель дознания в сокращенной форме через призму зарубежной практики ускоренных досудебных производств, опыта Российской империи.

Методология: анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, постановка проблемы, построение гипотез, конкретизация, мониторинг.

Вывод: автор приходит к выводу о том, что практика досудебного производства в ускоренной форме с каждым годом все в большей степени применяется в полицейской деятельности и в значительной мере соответствует международным аналогам, стандартам. При этом на территории субъектов Российской Федерации применяется неравномерно, что объясняется проблемами организационного характера.

Ключевые слова: дознание в сокращенной форме; международные стандарты полицейского дознания; ускоренное досудебное производство; модель ускоренного дознания; организационные меры МВД России; масштабы применения ускоренного дознания.

through the prism of foreign practice of accelerated pre-trial proceedings, the experience of the Russian Empire.

The methodology: analysis, synthesis, comparison, abstraction, problem statement, hypothesis building, specification, monitoring.

The conclusion: the author comes to the conclusion that the practice of pre-trial proceedings in accelerated form every year is increasingly used in police activities and largely corresponds to international analogues, standards. At the same time, it is applied unevenly on the territory of the constituent entities of the Russian Federation, which is explained by organizational problems.

Key words: inquiry in the reduced form; the international standards of police inquiry; the accelerated pre-judicial production; model of the accelerated inquiry; organizational measures of the Ministry of Internal Affairs of Russia; scales of application of the accelerated inquiry.

Более пяти лет в российском уголовном судопроизводстве действует унифицированная процессуальная форма расследования уголовных дел, введенная в судопроизводство Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ¹, которым в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации² (далее — УПК РФ) была введена гл. 32.1 «Дознание в сокращенной форме». Во многом оправдавшая себя практика применения протокольной формы досудебной подготовки материалов по инициативе судебной системы Российской Федерации была прекращена в начале 1998 г. И причиной этому послужил тот факт, что в целом ряде практических органов дознания, осуществлявших протокольное производство, доля таких материалов от общего числа оконченных уголовных дел доходила до 50 %. Именно этот большой объем материалов в протокольной форме, поступающий от дознавателей, фактически парализовал судебную систему в конце 90-х гг. XX в., оказавшуюся неготовой к такому резкому увеличению нагрузки.

Как же сегодня выглядит ситуация с распространением и овладением опытом расследования дел в форме дознания в сокращенной форме? Все проблемы, сложившиеся в вопросах вокруг дознания в сокращенной форме, мы рассматриваем в двух аспектах: проблемы организационной сложности, возникающие в практике применения унифицированного дознания, которые способны урегулировать правоприменители разного уровня управления; теоретические проблемы, которые могут быть вызваны определенной неадекватностью правовой регламентации процессуальной процедуры, игнорированием разработчиками процессуальной модели дознания в сокращенной форме и законодателем принципиальных теоретических положений уголовного процесса, а также международного опыта регламентации ускоренных и упрощенных форм досудебного производства.

Попытки проанализировать причины недостаточности активного применения дознания в сокращенной форме были предприняты, в частности, участниками круглого стола, прошедшего на базе Академии управления МВД России (г. Москва) с привлечением научной общественности и практикующих юристов в ноябре 2011 г. [13], а также известным исследователем проблем досудебного производства профессором Б. Я. Гавриловым [7, с. 37–41].

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. № 875.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Прежде всего хотелось бы проанализировать практическую компоненту нововведения законодателя пятилетней давности.

Очевидно, что в свое время протокольная форма досудебной подготовки материалов, как унифицированная процессуальная форма, составившая суть «милицейского дознания», явилась ответом законодателя на значительный прирост в России преступлений малозначительных, небольшой и средней тяжести, совершенных в условиях очевидности. Аналогичная ситуация сложилась и с процессуальной процедурой «дознания в сокращенной форме». Достаточно высокий уровень в структуре преступности криминальных проявлений, нетяжких, несложных по конструкции состава и очевидных по своей сути, вызвал к жизни запрос полиции на разработку учеными и законодателем «инструмента», позволяющего эффективно осуществлять унифицированное досудебное производство по таким делам. В этом плане, несомненно, качество и работоспособность, соответствие закрепленной в УПК РФ модели дознания в сокращенной форме вышеназванным социальным вызовам проявляются в возможности правоохранительных органов посредством использования предложенного законодателем «инструмента» оперативно расследовать такие дела, обеспечивая тем самым неотвратимость наказания за преступления и своевременность привлечения к уголовной ответственности лиц, их совершивших.

Однозначно ответить на вопрос, заполнило ли дознание в сокращенной форме правовую нишу унифицированного досудебного производства, которую до 1998 г. занимала протокольная форма досудебной подготовки материалов, представляется затруднительным. Однако следует отметить, что из года в год, после введения в УПК РФ гл. 32.1., масштабы расследования дел в форме дознания в сокращенной форме возрастают, а качество таких процессуальных производств улучшается.

По данным статистики (форма № 1-ЕМ) и фактической информации Управления дознания МВД России за 2018 г., подразделениями дознания полиции в сокращенной форме дознания окончено 92,6 тыс. уголовных дел, из которых 91 тыс. направлена прокурором в суд. Доля ускоренных производств от общего числа уголовных дел, направленных дознавателями полиции в суд, достигла 28 % и только за последний год выросла на 2 %. Конечно, в работе по производству дознания в сокращенной форме существуют и нерешенные проблемы: возросло на 9,7 % число дел, направленных для производства дознания в общем порядке, а число дел, направленных для производства дознания в общем порядке по ходатайству

участников процесса, только за год возросло с 611 до 643. Однако названные проблемы являются «болезнями роста».

Необходимо отметить, что если в начальный период введения в УПК РФ новеллы (дознание в сокращенной форме) правоприменители отмечали отсутствие единой политики в плане поддержки ускоренных производств между заинтересованными правоохранительными органами, к числу которых мы относим органы внутренних дел, прокуратуру, суд, то в настоящее время на уровне федеральных структур прокуратуры и органов внутренних дел выработан общий стратегический вектор, направленный на поддержку расширения практики унифицированного дознания.

Обращаясь к начальному периоду, когда в уголовное судопроизводство было введено дознание в сокращенной форме, между структурами полиции и прокурорами на местах в целом ряде случаев возникали прецеденты, когда надзирающие за дознанием органы прокуратуры откровенно тормозили внедрение в практику ускоренной формы дознания, а им, в свою очередь, вторили суды, которыми практика подобной деятельности, во-первых, не была, освоена в достаточной мере; во-вторых, отсутствовала достаточная численность мировых судей, к компетенции которых в основном и относятся уголовные дела органов дознания. Кстати, сегодня названная проблема уже не столь актуальна, поскольку количество мировых судей за последние годы значительно увеличено.

В первые месяцы после введения в УПК РФ дознания в ускоренной форме количество таких производств измерялось несколькими десятками, а немного позднее — сотнями. Создавалось впечатление, что правоприменители получили из недр законодательных органов «мертворожденный» продукт.

Характерно, что и нами также вскоре после введения в УПК РФ главы о дознании в сокращенной форме высказывались определенные прогнозы, в том числе и скептические, по целому ряду особенностей принятой законодателем процедуры [8, с.2–5].

Важно, что как сами дознаватели и их руководители, так и надзорные органы со временем выработали единые подходы к данной процедуре и толерантность к дознанию в сокращенной форме, ощутив ее преимущество по определенным группам преступлений. Стали практиковаться комплексные эффективные выезды на места представителей Управления по организации дознания МВД России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Тем не менее практику активного применения ускоренных производств повсеместной назвать нельзя. Так, при среднероссийском показателе

в 28 %, если в МВД по Республике Крым доля дознания в сокращенной форме составила 66,3 %, в Республике Адыгея – 59,2 %, в УМВД по Тверской области – 57%, то в УМВД по Курской области – 8,7 %, по Орловской области – 13,8 %.

Если в целом подвергнуть анализу ситуацию с распространенностью практики ускоренного дознания в Российской Федерации и принять за некий рубеж среднероссийский показатель (28 %), то увидим, что в 2018 г. 39 регионов имели более высокие показатели, а 45 – ниже среднего. При этом имеют показатели от 20 % до 30 % подразделения дознания полиции 33 субъектов Российской Федерации. И только территориальные органы по Курской, Орловской, Ульяновской областям имеют показатели ниже 15 %. Полагаем, что именно на них в целях выработки единых подходов должно быть направлено комплексное управленческое воздействие, в последствии применимое и в других регионах.

Среди основных причин низкой доли дознания в сокращенной форме в обзоре МВД России от 16 июня 2016 г. № 1/5615 выделены организационные проблемы и недостатки в деятельности территориальных органов внутренних дел, предложены меры по их реализации, которые принесли свои результаты: если в апреле 2016 г. доля ускоренных производств в целом по России составляла 20,1 %, то в 2018 г. – 28 %. Полагаем, что принимаемые МВД России и Генеральной прокуратурой Российской Федерации организационные и практические меры позволят в недалеком будущем добиться единообразного подхода к практике осуществления дознания в сокращенной форме на всей территории Российской Федерации, а также расширить масштабы таких процессуальных производств.

Известно, что руководством МВД России некий усредненный показатель в 30 % по России считается вполне достаточным. Однако возникает закономерный вопрос: из каких расчетов они исходят, чем руководствуются? Согласно их же выводам, содержащимся в вышеобозначенном указании, низкие показатели в работе отдельных территориальных органов в своей основе имеют организационные недостатки. Следовательно, норматив, взятый за основу, может быть установлен и более высоким: около 50 %, как это было на пике активности применения протокольной формы досудебной подготовки материалов.

Полагаем, что единственным ориентиром в этом вопросе может быть «пропускная способность» судов. Для ее выработки потребуются предметное исследование предельных возможностей судов рассматривать дела, подготовленные в форме дознания в сокращенной форме, без ущерба для работы по делам других катего-

рий. Возможно, такие нормативы будут носить региональный характер, возможно, усредненный. К каким последствиям может приводить перегруженность судов ускоренными производствами должен напоминать опыт фактического прекращения по инициативе судебной системы досудебного протокольного производства, произошедшего в 1998 г., инициированного судьей и поддержанного Конституционным судом Российской Федерации. Предельные потребности органов внутренних дел того периода не совпали с возможностями судебной системы. Данный опыт повторить нельзя.

Несмотря на очевидность передачи законом в руки практических работников требуемого ими «инструмента», позволяющего достаточно эффективно справляться с существенным объемом несложных по конструкции состава, очевидных и неопасных преступлений, в научной литературе продолжается дискуссия о восприимчивости дознания в ускоренной форме как самостоятельной процессуальной формы, введенной в российский уголовный процесс.

Наиболее доступно мнение противников сокращенной формы дознания выразил А.А. Сумин, который считает, что данную унифицированную процессуальную форму вызвал к жизни «необузданный и главное, необусловленный потребностями практики, реформаторский зуд», не учитывающий того, что действующий УПК РФ «и без того перегружен «особенностями производства» и «исключениями из правил» [11, с. 6].

Пожалуй, что со вторым утверждением указанного автора трудно не согласиться, а вот его ссылка на потребности практики вызывает недоумение, поскольку именно огромное количество несложных и очевидных дел в производстве дознавателей полиции, отвлекающее их от качественного расследования преступлений с более сложной конструкцией состава и большим числом эпизодов криминальных проявлений, а также соучастников, требовало от МВД России постоянно инициировать перед законодательными органами России проблему введения в уголовное судопроизводство унифицированной процессуальной процедуры по аналогии с протокольной формой досудебного оформления материалов о преступлениях.

Е.А. Доля указывает, что «мотивы введения дознания в сокращенной форме в таком виде остаются до сих пор неясными» [9, с. 43–46], а С.М. Бадоян обнаруживает в ускоренном дознании «наличие уголовно-процессуальных норм, не соответствующих современным правовым реалиям» [1, с. 55–56].

Проведенные позднее исследования, связанные с международными стандартами ускоренного досудебного производства, нарабо-

тантными в государствах как континентальной, так и англо-саксонской систем права, показали, что введенная в российский уголовный процесс унифицированная форма досудебного производства во многом им соответствует. Однако присутствуют и отличия, которые, на наш взгляд, снижают эффективность использования на практике дознания в сокращенной форме.

В частности, в этом плане следует обратить внимание на требование закона об обязательном ходатайстве подозреваемого о производстве по делу дознания в сокращенной форме. Между тем, проведенный опрос дознавателей показал, что на практике внешне сложная процедура, регламентированная законом, никаких затруднений не вызывает. Зарубежная практика также исходит из добровольного согласия виновного на ускоренное производство по делу.

Другая проблема, вызывающая дискуссии в научном сообществе, касается вопроса о проведении дознания в ускоренной форме в отношении конкретного лица и при условии признания им своей вины. По мнению А. Р. Белкина, это «представляется странным» [4], а Б. Т. Безлепкин, к примеру, считает, что «подобная формальная трактовка закона ограничивает права и возможности подозреваемого» [2, с. 313–314]. Высказано также и мнение, что решение вопроса о возбуждении дознания в ускоренной форме «зачастую находится в рамках усмотрения правоприменителя» [5, с. 19–22].

По нашему мнению, проведение дознания в ускоренной форме в отношении конкретного лица является приемлемым. Более того, унифицированная процедура дознания потону и применяется с различными упрощениями и разумными отступлениями от классического, традиционного предварительного следствия, что преступление является очевидным, причастность к нему конкретного лица не вызывает сомнений, она исходит из процессуальной экономии.

Выражая свое отношение к проблеме, Б. Т. Безлепкин совершенно обоснованно считает, что «признание подозреваемым своей вины имеет особое значение среди законных условий производства дознания в сокращенной форме и образует главную предпосылку для сотрудничества подозреваемого с дознавателем и для сокращения объема процессуальной деятельности по доказыванию» [3, с. 318].

Увязка законодателем вопроса о возможности возбуждения дознания в сокращенной форме с ходатайством подозреваемого нами также ранее воспринималась критически. Как представляется, данное процессуальное действие не должно быть связано с мнением лица, совершившего и изобличенного в преступлении. Такое решение, с нашей точки зрения, долж-

но являться исключительно результатом усмотрения дознавателя с учетом всех обстоятельств дела: его очевидности, незначительной тяжести причиненного вреда, признания подозреваемым своей вины и достоверности этого, характеристики личности виновного. Никакие иные обстоятельства влиять на принятие решение о возбуждении дознания в сокращенной форме не должны.

Полагаем, что процессуальное решение о возбуждении дознания в сокращенной форме не должно зависеть от индивидуального восприятия обстоятельств преступления другими субъектами, а также должно быть основано исключительно на усмотрении лица, производящего дознание.

В среде ученых-процессуалистов достаточно широко дискутируются и проблемы, связанные с доказыванием.

Прежде всего, конечно, ставится под сомнение предмет доказывания (объем доказательств, подлежащих в обязательном порядке собиранию по делу), который законодателем сформулирован, с нашей точки зрения, достаточно конкретно: «в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного ущерба, а также виновности лица в совершении преступления».

В то же время, по мнению Б. Т. Безлепкина, «сужение предмета доказывания при осуществлении сокращенного дознания по сравнению с общим перечнем обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК, не выглядит достаточно обоснованным» [2, с. 316].

Хочется напомнить, что в данном случае речь идет о преступлении с упрощенной конструкцией состава преступления, очевидном, при котором чаще всего лицо, его совершившее, задержано, как правило, на месте преступления или вскоре после его совершения, когда оно очевидно и не представляет значительной общественной опасности. В данном случае все, включая процедуру доказывания, исходит также из принципа процессуальной экономии.

Между тем, нельзя также и не учитывать международную практику ускоренных процессуальных производств, процедур полицейского расследования, принятых и эффективно действующих в зарубежных странах. Исходя из этого, следует констатировать, что очевидность преступления, признание подозреваемым своей вины и ее достоверность, согласие виновного на досудебное производство в формате ускоренной процедуры являются определяющими при принятии решения об упрощенном судопроизводстве по конкретному факту. Эти обстоятельства подтверждают и результаты исследования, проведенного А. Г. Волеводзом и П. А. Литвишко [6, с. 21–36].

Пределы доказывания, процесс доказывания как элементы системы работы с доказательствами при производстве дознания в ускоренной форме законодателем также индивидуализированы. С нашей точки зрения, они вполне обеспечивают возможность применения данной процессуальной формы в практике органов дознания. Кроме того, они во многом соответствуют практике работы по доказыванию за рубежом, получившей обобщенное наименование «полицейского дознания».

Однако не все специалисты в области уголовного процесса разделяют изложенный подход к проблеме. В целом ряде случаев высказываются противоречивые и даже взаимоисключающие позиции. Так, Ю. В. Францифоров определяет «правовую составляющую особенностей доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, противоречащей основополагающим правилам не только теории доказательств, но и принципам самого уголовного судопроизводства» [12, с. 146–150]. По мнению Б. Т. Безлепкина, различные упрощения, допущенные в работе по доказыванию в ускоренном досудебном производстве, теории доказательств не противоречат [2, с. 321].

Относительно выраженных в различных литературных источниках позиций следует заметить, что проблема правовой регламентации ускоренной и упрощенной, т. е. дифференцированной процессуальной формы и включения ее в УПК РФ, возникла на этапе значительного роста преступности в Российской Федерации. Основная нагрузка по расследованию массовых преступлений, в основном не относящихся к категории тяжких и средней тяжести, легла на МВД России и специализированные подразделения дознания других ведомств. Значительный и ежегодный прирост работы по расследованию вызвал к жизни дилемму: наращивать штатную численность подразделений дознания, привлекая к решению этой задачи все большие объемы ресурсов, или вести поиск оптимизации и унификации процессуальной формы досудебного оформления материалов о преступлениях, максимально упростив саму процессуальную форму и максимально сохранив правовые гарантии и права участников. В дальнейшем МВД России и другими федеральными органами власти была разработана модель дознания в сокращенной форме, которая впоследствии была введена в УПК РФ (гл. 32.1). Главная идея унифицированной процессуальной формы — ее ускоренный и упрощенный характер. Кстати, с такими же «лекалами» к аналогичным формам полицейского дознания подходят в ведущих зарубежных странах, которым присуща допустимость отступления от ряда базовых принципов уголовного судопроизводства, в первую

очередь — требований полноты и всесторонности расследования некоторых других преступлений. Оценивая процессуальную форму дознания в сокращенной форме, закрепленную в главе 32.1. УПК РФ, как вполне адекватную общественным отношениям, сложившимся в вопросах противодействия массовым преступлениям небольшой и средней тяжести, следует отметить, что, с нашей точки зрения, законодатель не считал возможным более детально подойти к вопросам регламентации источников доказательств по делам, осуществляемым в форме дознания в ускоренной форме.

В частности, по таким делам доказательственная информация поступает из тех же источников, которые используются при производстве предварительного расследования.

Между тем, в рамках ускоренного дознания вряд ли оправдано производство следственных действий, особенно таких как судебные экспертизы, обыски, следственные эксперименты и некоторые другие, которые требуют временных и ресурсных затрат и ни в какой мере не соответствуют требованиям оптимизации: упрощения и ускорения.

При этом, конечно, законодатель предусмотрел изъятия из процедур процесса доказывания, применяемого при производстве предварительного расследования: непроведение повторных допросов; обязанность проведения только тех следственных и процессуальных действий, непроизводство которых может повлечь утрату доказательственной информации; не проверку доказательств, если они не были оспорены другими участниками, и иные, что само по себе может восприниматься, как самостоятельная для ускоренного дознания система доказывания.

Однако мы ведем речь об иной ситуации, аналогичной международным практикам, когда в рамках дознания в сокращенной форме была бы разработана и нашла отражение в законе своя, уникальная только для этой процессуальной формы система доказывания.

В качестве основных источников доказательств здесь можно было бы использовать носители доказательственной информации, содержащиеся в ст. 81, 84, ч. 1 ст. 144 УПК РФ, возможно, и некоторые иные, но это определено темой самостоятельного исследования. Важно, чтобы такие источники доказательств, предмет, пределы и процесс доказывания были уникальны для дознания в сокращенной форме и в своей совокупности воспринимались как система доказывания, имманентная исключительно данной процессуальной форме. Полагаем, что такое дополнение процессуальной формы дополнит ее конструкцию и повысит ее эффективность, приблизив в этой части к между-

народным стандартам. Что же касается других, нашедших в литературных источниках свое отражение, корректив, то в этом случае можно добиться обратного – попытки уточнения процедуры дознания в сокращенной форме в направлении ее идеализирования способны привести к затруднениям ее практического применения, что называется, – лучшее враг хорошего.

С учетом наших рассуждений уместно привести конкретный пример из законодательства, регламентировавшего уголовное судопроизводство в Российской империи. Так, о целях дознания говорится в п. 15 Инструкции прокурора Московской Судебной Палаты г. Степанова от 15 октября 1909 г., вступившей в силу с 1 января 1910 г.: «По обязанности обнаруживать преступления чины полиции, получив заявления или сведения о совершении преступления, производят дознание для выяснения, совершено ли преступление и, если совершенно, то какое, когда, кем и при каких обстоятельствах» [10]. Вполне лаконично и конкретно. Ис-

ходя даже из этого, представляется, что формулировка объема доказательств, которые требуется собрать по уголовному делу, расследуемому по процедуре ускоренного дознания, достаточна для данной процессуальной формы.

Пределы доказывания, процесс доказывания как элементы системы работы с доказательствами при производстве дознания в ускоренной форме законодателем также индивидуализированы. С нашей точки зрения, они вполне обеспечивают возможность применения данной процессуальной формы в практике органов дознания. Кроме того, они во многом соответствуют практике работы по доказыванию за рубежом, получившей обобщенное наименование «полицейского дознания».

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что правовая регламентация дознания в сокращенной форме в целом адекватна задачам, стоящим перед этим институтом, и отражает международные стандарты таких производств.

Список литературы:

1. Бадоян С. М. Проблемные вопросы правового регулирования порядка осуществления дознания в сокращенной форме // Криминалистическая тактика: современное состояние и перспективы развития: сб. материалов 56-х криминалистических чтений. М., 2015. Ч. 1.
2. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 13-е изд., пераб. и доп. М., 2015.
3. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 14-е изд., перераб. и доп. М., 2018.
4. Белкин А. Р. Дознание в упрощенной форме: сомнительная схема с усеченным доказыванием. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8605> (дата обращения: 23.01.2019).
5. Белкин А. Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. 2-е изд., доп. М., 2013. Ч. VII.
6. Волеводз А. Г., Литвишко П. А. Особенности упрощенного (ускоренного) уголовного судопроизводства по законодательству некоторых европейских стран // Государство и право. Ереван, 2011. № 1 (51).
7. Гаврилов Б. Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // Российская юстиция. 2018. № 1.
8. Гирько С. И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: про-

References:

1. Badojan S. M. Problemnye voprosy pravovogo regulirovaniya porjadka osushchestvleniya doznaniya v sokrashchennoj forme // Kriminalisticheskaja taktika: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija: sb. materialov 56-h kriminalisticheskikh chtenij. M., 2015. Ch. 1.
2. Bezlepkin B. T. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj). 13-e izd., perab. i dop. M., 2015.
3. Bezlepkin B. T. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj). 14-e izd., pererab. i dop. M., 2018.
4. Belkin A. R. Doznanie v uproshchennoj forme: somnitel'naja shema s usechennym dokazyvaniem. URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=8605> (data obrashchenija: 23.01.2019).
5. Belkin A. R. UPK RF: konstruktivnaja kritika i vozmozhnye uluchshenija. 2-e izd., dop. M., 2013. Ch. VII.
6. Volevodz A. G., Litvishko P. A. Osobennosti uproshchennogo (uskorenno) ugolovnogo sudoproizvodstva po zakonodatel'stvu nekotoryh evropejskih stran // Gosudarstvo i pravo. Erevan, 2011. № 1 (51).
7. Gavrilov B. Ja. Doktrina dosudebnogo proizvodstva: nastojashchee i budushchee // Rossijskaja justicija. 2018. № 1.
8. Gir'ko S. I. Proizvodstvo po ugolovnomu delu doznaniya v sokrashchennoj forme: prognozy i suzhenija // Rossijskij sledovatel'. 2013. № 21.
9. Dolja E. A. Osobennosti dokazyvanija pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoj forme // Rossijskij sud'ja. 2013. № 6.

- гнозы и суждения // Российский следователь. 2013. № 21.
9. Доля Е.А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6.
 10. Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений прокурора Московской Судебной Палаты: сборник и руководство к составлению полицейских протоколов с приложениями. СПб., 1911.
 11. Сумин А.А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 10.
 12. Францифоров Ю.В. Обеспечение прав и законных интересов участников процесса при производстве дознания в сокращенной форме // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4.
 13. Юридический консультант (ежемесячный информационно-практический журнал). М., 2012. № 3.
 10. Instrukcija chinam policiji po obnaruzheniju i issledovaniju prestuplenij prokurora Moskovskoj Sudebnoj Palaty: sbornik i rukovodstvo k sostavleniju policejskih protokolov s prilozhenijami. SPb., 1911.
 11. Sumin A.A. Sokrashchennoe doznanie: mertvorozhdennoe ditja reformatorev ugovolnogo processa // Advokat. 2013. № 10.
 12. Franciforov Ju. V. Obespechenie prav i zakonnyh interesov uchastnikov processa pri proizvodstve doznaniya v sokrashchennoj forme // Sudebnaja vlast' i ugovolnyj process. 2015. № 4.
 13. Juridicheskij konsul'tant (ezhemesjachnyj informacionno-prakticheskij zhurnal). M., 2012. № 3.

Для цитирования:

Гирько С.И. Практика ускоренного дознания: организационные и теоретические проблемы // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 50–57.

For citation:

Girko S. I. Accelerated inquiry: the organizational and theoretical problems // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 50–57.

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ и расследование преступлений

Н. В. ПАВЛИЧЕНКО,
заместитель начальника
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
Российская Федерация, 125993, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: pavlichenko.pro@mail.ru
ORCID 0000-0001-7889-4743

N. V. PAVLICHENKO,
Doctor of Law, Professor,
Deputy Head of Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Merited Law Expert of the Russian Federation
Russian Federation, 125993, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: pavlichenko.pro@mail.ru
ORCID 0000-0001-7889-4743

А. И. ТАМБОВЦЕВ,
кандидат юридических наук, доцент,
пенсионер МВД России
E-mail: bestcopat@mail.ru
Научная специальность: 12.00.12 –
криминалистика;
судебно-экспертная деятельность; оперативно-
розыскная деятельность.

A. I. TAMBOVTSEV,
Candidate of Law, Associate Professor,
Pensioner of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: bestcopat@mail.ru
Scientific speciality: 12.00.12 – Criminalistics;
Forensic Work; Operational-Search Activity.

УДК 343.98

Дата поступления статьи: 25 марта 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Принцип конспирации в оперативно-розыскной деятельности: концептуальность VS декларативность

The Principle of Conspiracy in the Operative-Search Activities: Conceptuality VS Declarative

Аннотация

В статье рассматривается принцип конспирации в оперативно-розыскной деятельности.

Целью статьи является сравнение положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и иных федеральных законов, регламентирующих негласную (конспиративную) составляющую розыска, в контексте определения стратегической и тактической значимости принципа конспирации. В результате сравнительного анализа авторы приходят к выводу, что закрепленный в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» принцип конспирации является для нее определяющим, ключевым, фундаментальным, но при этом его юридическое содержание в законе не рас-

Annotation

The article deals with the principle of conspiracy in operational-search activities. The purpose of the article is to compare the provisions of the Federal law «On operational-search activities» and other Federal laws governing the secret (conspiracy) component of the search, in the context of determining the strategic and tactical significance of the principle of conspiracy. As a result of the comparative analysis, the authors come to the conclusion that the principle of conspiracy enshrined in the Federal law «On operational-search activities» is for it decisive, key, fundamental, but its legal content is not disclosed in the law and requires appropriate regulatory adjustments to

крыто и требует соответствующей нормотворческой корректировки для усиления его легитимности, простоты и доступности интерпретации.

Решение обозначенной проблемы: совершенствование законодательства об оперативно-розыскной деятельности путем внесения соответствующих изменений и дополнений в действующий закон «Об оперативно-розыскной деятельности»; принятие нового закона об оперативно-розыскной деятельности или оперативно-розыскного кодекса; разработка единого уголовно-процессуально-оперативного кодекса, сочетающего в себе инструментарий и методики ныне действующих Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Ключевые слова: конспирация; гласность; негласность; оперативно-розыскная деятельность; закон; кодекс; принцип; легитимность.

enhance its legitimacy, simplicity and accessibility of interpretation.

The proposed solution to the identified problem: improvement of the legislation on operational-search activities by making appropriate changes and additions to the current law «On operational-search activities»; adoption of a new law on operational-search activities or operational-search code; development of a single criminal procedural operational code that combines the tools and techniques of the current Criminal procedural code of the Russian Federation and the Federal law «On operational-search activities».

Key words: secrecy; publicity; secret; operational-search activity; the law; the code; the principle of legitimacy.

Принцип конспирации как один из основополагающих принципов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) провозглашен в ст. 3 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее — Закон об ОРД). Впервые в российской и вообще мировой истории конспирация как «совокупность приемов, средств и методов, позволяющих сохранять в тайне от окружающих факты и обстоятельства какой-либо деятельности и не допускать нежелательного распространения имеющих сведения» [7, с. 59], была законодательно определена в качестве организующего начала важнейшей для общества и государства сферы.

Хотя отдельные исследования вопросов конспирации в сыскной деятельности проводились до принятия в 1992 г. первой редакции Закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (и даже в дореволюционной России [10, с. 11–12]), но последовавший за принятием Закона об ОРД всесторонний скрупулезный научный анализ его теоретических положений и организационно-тактических (функциональных) аспектов оперативно-розыскной деятельности вообще и конспирации в частности позволил выявить и первично сформулировать фундаментальные основополагающие закономерности ОРД. Он же породил целый ряд вопросов, не нашедших своего общепризнанного научного разрешения до сих пор, в том числе — о понятии, содержании, легитимности, этичности, адресности и широте принципа конспирации.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 44-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

Традиционно принцип конспирации относится исследователями к категории так называемых специальных или отраслевых [6, с. 13; 11, с. 14], что наряду с иными детерминантами, о которых речь пойдет далее, придает ему некий факультативный статус. Вместе с тем нельзя не согласиться, что «соблюдение конспирации выступает в качестве важнейшего организующего начала оперативно-розыскной деятельности и является неперенным условием эффективности осуществления оперативно-розыскных мер» [12, с. 22–23], а значит и принцип должен являться основополагающим, ключевым. Насколько верны подобные суждения, каково на самом деле значение нового для российского права принципа конспирации в оперативно-розыскной деятельности и каким должно быть его закрепление в федеральном законе?

Архитектоника и содержание правового первоисточника — Закона об ОРД, призванного регламентировать данную сферу, не дают прямого и категоричного ответа на вопрос о правовом статусе и значении рассматриваемого принципа и, что более важно, не раскрывают его содержание, оставляя правоприменителя, кем бы он ни был, один на один с необходимостью ее толкования. Несмотря на то что многочисленные комментарии к Закону об ОРД [1, 3, 5, 8, 13] содержат весьма интересные и даже уникальные идеи, суждения и оценки, а подчас — весьма прагматичные предложения и рекомендации, тем не менее являются всего лишь авторскими воззрениями, требуют дополнительных поисков и усилий правоприменителя

(или любого читателя), а главное — не являются обязательной и легитимной правовой нормой!

Целью данной статьи является сравнение положений Закона об ОРД и иных федеральных законов, регламентирующих негласную (конспиративную) составляющую деятельности субъектов оперативно-розыскной деятельности, в контексте определения стратегической и тактической значимости принципа конспирации для самой оперативно-розыскной деятельности. Наряду с Законом об ОРД нами проанализирован ряд иных федеральных законов: «О полиции»², «О безопасности»³, «О Федеральной службе безопасности»⁴, «О государственной охране»⁵, «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»⁶, «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»⁷, «О противодействии экстремисткой деятельности»⁸, «О противодействии терроризму»⁹, «О внешней разведке»¹⁰, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹¹.

Как уже было упомянуто, отнесению принципа конспирации к категории «вспомогательных» косвенно способствуют сама форма провозглашения этого принципа в ст. 3 Закона об ОРД, его формулировка и подход законодателя к раскрытию содержания, точнее, отсутствие такого подхода.

Абсолютное большинство рассмотренных нами федеральных законов аналогичного процессуального характера, регламентирующих отдельные направления правоприменительной деятельности, закрепляют (провозглашают) принципы их деятельности путем простого последовательного перечисления в одной из статей. И хотя «все принципы ОРД самостоятельны, причем среди них нет главных и второстепенных» [9, с. 41], считаем, что очередность (место) принципа в таком списке субъективно

можно оценивать как указание на его важность (значимость) для рассматриваемой сферы правоотношений. Кроме того, вышеуказанное обстоятельство косвенно позволяет соотнести перечисленные принципы с их общепринятой академической классификацией на «общеправовые, характерные для всей юридической деятельности, межотраслевые, присущие системе правоохранительных органов, и отраслевые (специальные), определяемые закономерностями конкретного направления юридической деятельности» [4, с. 73]. Тем не менее сама избранная законодателем форма «подачи» принципов простым последовательным перечислением, а также отсутствие каких-либо комментариев и уточнений формально указывают на их равнозначный статус. К сожалению, ни структура, ни текст рассмотренных законов (как и Закона об ОРД) фактически не раскрывают содержания перечисленных принципов, оставляя эту функцию на рассмотрение читателя вне зависимости от его отношения к праву, образованности, понимания и способности толкования правовых норм, следовательно, допуская фривольность и субъективизм их интерпретации.

Положительным (но далеко не оптимальным) исключением, по нашему мнению, являются Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О полиции», содержащие соответственно отдельные главы — «Принципы уголовного судопроизводства» и «Принципы деятельности полиции», не только перечисляющие, но и одновременно раскрывающие (хотя и не в полной мере) указанные принципы в самостоятельных отдельных статьях как для правоприменителя, так и для любого читателя, что является важнейшим качеством и достоинством рассматриваемых нормативных правовых актов.

В тексте же Закона об ОРД ситуация еще более усугублена, чем в текстах других вышеуказанных законов, регламентирующих отдельные виды правоприменительной деятельности. В отличие от перечисленных нормативных правовых актов, Закон об ОРД использует несколько иную форму декларации своих принципов. Так, ст. 3 «Принципы оперативно-розыскной деятельности» не просто перечисляет «равноправные, равностатусные» принципы, а гласит, что «оперативно-розыскная деятельность основывается... также на принципах конспирации», союзом «также» подчеркивая его (принципа) дополняющий характер. Подтверждением тезиса о второстепенности принципа является значение союза «также» в значении «и» — он употребляется при присоединении однородного члена предложения, который, являясь добавочным, отграничивается от другого или от ряда других однородных членов.

² О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

³ О безопасности: федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

⁴ О Федеральной службе безопасности: федер. закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

⁵ О государственной охране: федер. закон от 27 мая 1996 г. № 57 // СЗ РФ. 1996. № 22-ФЗ. Ст. 2594.

⁶ О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455.

⁷ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

⁸ О противодействии экстремисткой деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

⁹ О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

¹⁰ О внешней разведке: федер. закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 143.

¹¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

Следует признать, что нормотворцы, впервые используя в тексте Закона об ОРД в качестве правовых достаточно сложные рассматриваемые терминологические конструкции (включая и принцип конспирации), регламентирующие функциональные, правовые, морально-этические аспекты весьма специфической области общественных отношений, не предоставили правоприменителям (и читателям вообще) их понятий и содержания. Значение специфических терминов осталось закрытым, непонятым, оставляя право и необходимость их толкования за читателем. Полагаем, что не следует считать раскрытием содержания принципа конспирации упоминание самого термина «конспирация» в тексте закона, как это сделано, например, в ч. 5 ст. 14 «Обязанности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность», которая обязывает указанные органы соблюдать правила конспирации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Аналогично ч. 4 ст. 15 «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность» предоставляет органам, уполномоченным осуществлять ОРД, право использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе. Считаем, что подобное упоминание принципа (точнее, термина) конспирации не раскрывает ни сущности принципа, ни его содержания.

Однако законы как «нормативные акты, касающиеся широких слоев граждан, их коллективов, общественных организаций, должны излагаться простым и доступным языком. Употребление без объяснения сложных и непонятных терминов и выражений, специальных оборотов здесь недопустимо» [14, с. 21]. Учитывая многолетнюю дискуссию российского и мирового научного и юридического сообществ о понятии, содержании, значении правовых, функциональных и морально-этических границ конспирации (и соответствующего принципа), следует признать, что используемая в настоящее время в федеральном законе терминологическая конструкция «принцип конспирации» означает далеко не простое и легко воспринимаемое правопользователями социально-правовое явление и понятие. Краткая форма скрывает сложнейший симбиоз разнообразных феноменов, субъектов, отношений, явлений, связей и механизмов, а потому нуждается в серьезной нормотворческой коррекции и правовой интерпретации как для правоприменителей, так и для

граждан вообще, тем более, что законы пишутся не для узкого ограниченного круга пользователей, а для всего общества.

В данном случае возникает парадоксальная ситуация. Во-первых, «принципы ОРД, зафиксированные в правовых актах как отражение ее объективных закономерностей, сформулированные в виде обязательных правил, должны использоваться персоналом оперативных аппаратов как руководство к действию в их практической работе. Принципы, обретая форму и качество правовых норм, непосредственно включаются в процесс правоприменения...» [6, с. 13].

Однако данный постулат может быть непосредственно применим лишь к принципам законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека, в целом имеющим свое хотя и не безупречное, но достаточно полное нормативное выражение (раскрытое содержание) как на законодательном, так и на ведомственном уровнях. Специфика же и уникальность правовой ситуации с принципом конспирации в том, что его содержание в Законе об ОРД вообще не раскрывается, следовательно, на законодательном уровне принцип остался «мертвым», нерабочим. Будучи провозглашенным, он не обрел функционального качества и ожидаемого, востребованного социумом предназначения правовой нормы (за исключением его декларации в ст. 3) и не включился в реальный процесс правоприменения, что в свою очередь не относится к прикладной реализации выработанных практикой правил и методов конспирации. Именно они и используются в процессе осуществления ОРД.

Следует признать, что Закон об ОРД не раскрывает, кто, как, в каком правовом и функциональном объеме и с какими правовыми последствиями может использовать принцип конспирации. И хотя правосубъектность норм Закона об ОРД и, соответственно, принципа конспирации обусловлена перечнем субъектов ОРД, перечисленных в ст. 13, все остальное содержание принципа конспирации остается «белым пятном» в оперативно-розыском законодательстве и фактически подтверждает изречение древних юристов: «Quod non est in actis, non est in mundo («Чего нет в документах, того нет в природе») [2, с. 282].

Во-вторых, не только персонал оперативных аппаратов нуждается в использовании принципа конспирации. Многочисленные целевые исследования и современная правоприменительная практика наглядно свидетельствуют, что в процессе осуществления ОРД (при подготовке и осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, получении и реализации оперативной информации, использовании полученных результатов в судопроизводстве и др.) конспирацию обязаны или вынуждены соблю-

дать иные категории лиц — конфидененты, судьи, прокуроры, участники процесса и другие. Следовательно, они нуждаются хотя бы в общих, концептуальных положениях, раскрывающих содержание этого принципа (не говоря уже о прикладных правилах конспирации), которые, по нашему мнению, в законе отсутствуют.

Однако не ошибаемся ли мы в своих суждениях и не недостаточно ли имеющихся в Законе об ОРД положений о конспирации для прикладной реализации принципа? Насколько в реальности принцип конспирации (в виде конкретных дозволяющих, запрещающих и предписывающих норм) закреплён в законе?

Согласно ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации Закон об ОРД опубликован для всеобщего сведения, что делает его легитимным. Статья 3 Закона об ОРД провозглашает принцип конспирации, делая и его легитимным. Однако все без исключения праведы в своих фундаментальных исследованиях, комментариях и академических учебниках по оперативно-розыскной деятельности единодушно согласны с тем, что содержание данного принципа и, что особенно важно, механизм его реализации раскрываются в ведомственных нормативных правовых актах «закрытого» характера и для весьма узкого круга лиц [4, с. 79]. Фактически следует признать, что при формальной декларации принципа в опубликованном законе этот закон совершенно не раскрывает его содержание хотя бы в пределах одной — двух статей. Таким образом, при наличии опубликованного закона его важнейшая и значительная содержательная часть осталась для граждан (любого читателя) тайной. Возникает вполне логичный и ключевой вопрос: в чем разница между законом, не раскрывающим содержание правовой нормы (другими словами, не регулирующим определенные правоотношения), и неопубликованным законом, не подлежащим применению согласно ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации? И в том и в другом случае конечный потребитель закона — гражданин остался в неведении. Отдельные положения, имеющие некоторое отношение к конспирации, содержащиеся в иных статьях (ст. 14–15), «размытые» текстом закона, представляются весьма неопределёнными. Основываясь на вышеизложенном, следует признать формальное отсутствие в Законе об ОРД положений, раскрывающих принцип конспирации и его фактическую функцио-

нальную декларативность при абсолютно легитимном статусе.

С другой стороны, независимо от наличия и давности принятия Закона об ОРД, прагматичности и эффективности его положений, принцип конспирации, воплощенный в систему прикладных правил, рекомендаций и запретов, лежит в основе ОРД, давно и успешно позволяя решать задачи целого ряда субъектов и достигать бесспорно социально-значимых целей.

Важность закона (а значит и перечисленных в нем принципов) для общества определяется широтой и значимостью тех общественных отношений, регулировать которые и призван этот закон, а также актуальностью его целей и задач. Статья 1 Закона об ОРД совершенно четко и категорично формулирует цели ОРД: обеспечение безопасности (территориальной, политической, экономической, экологической и др.) государства и различных его структур, жизни, здоровья, собственности каждой отдельной личности — человека и гражданина во всей совокупности его прав и свобод. А целый ряд других (ранее упомянутых нами) законов проецирует эти цели на специфику деятельности конкретного правоохранного ведомства. Можно категорично констатировать, что ОРД лежит в основе многоаспектной правоохранительной деятельности государства, обеспечивающей саму возможность его существования. Следовательно, социально-правовая значимость принципа конспирации ОРД лежит в основе как самой деятельности, так и ее гуманистических результатов, определяя фундаментальность принципа.

Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что закрепленный в Законе об ОРД принцип конспирации является для нее определяющим, ключевым, фундаментальным, но при этом его юридическое содержание в законе не раскрыто и требует соответствующей нормотворческой корректировки для усиления его легитимности, простоты и доступности его интерпретации. Подобное может быть реализовано путем внесения соответствующих изменений и дополнений в действующий закон «Об оперативно-розыскной деятельности»; разработки проекта нового закона об ОРД или оперативно-розыскного кодекса; разработки единого уголовно-процессуально-оперативного кодекса, сочетающего в себе инструментарий и методики ныне действующих Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Закона об ОРД.

Список литературы:

1. Горяинов К. К., Кваша Ю. Ф., Сурков К. В. Федеральный закон «Об оперативно-ро-

References:

1. Goryainov K. K., Kvasha Yu. F., Surkov K. V. Federal'nyj zakon «Ob operativno-rozys-

- зыской деятельности»: комментарий / под ред. П. Г. Пономарёва. М., 1997.
2. Латинско-русский словарь юридических терминов и выражений для специалистов и переводчиков английского языка / сост. М. Гамзатов. СПб., 2002.
 3. *Маршун М. Н.* Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в схемах и таблицах: постатейный комментарий. М, 1998.
 4. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учебник / под ред. З. Л. Шхагапсоева и Н. П. Голяндина. Краснодар, 2016.
 5. *Смирнов М. П.* Комментарий оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран: учеб. пособ. М., 2003.
 6. *Сурков К. В.* Принципы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.
 7. *Тамбовцев А. И.* Понятие и содержание принципа конспирации в оперативно-розыскной деятельности // *Полицейский сыск: практический сборник.* Хабаровск, 2012. Вып. 1.
 8. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий / под ред. В. В. Николюка, В. В. Кальницкого, А. Е. Чечетина. Омск, 1999.
 9. *Хармаев Ю. В.* Теория оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие. Улан-Удэ, 2015.
 10. *Чисников В. Н.* Первое особое междуведомственное совещание (съезд) по усовершенствованию уголовного сыска в Российской империи (1913): агентурно-оперативный аспект // *Оперативник (сыщик).* 2008. № 1 (14).
 11. *Чувилев А. А.* Оперативно-розыскное право. М., 1999.
 12. *Шиенок В. П.* К вопросу о содержании реализации принципа соблюдения конспирации в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // *Пути совершенствования оперативно-розыскной деятельности в условиях правовой реформы: сборник науч. тр.* Минск, 1993.
 13. *Шумилов А. Ю.* Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». М., 2002.
 14. *Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина.* М., 1990. С. 21.
1. *knj deyatel'nosti»: kommentarij / pod red. P. G. Ponomaryova.* M., 1997.
 2. *Latinsko-russkij slovar' yuridicheskikh terminov i vyrazhenij dlya specialistov i perevodchikov anglijskogo yazyka / sost. M. Gamzatov.* SPb., 2002.
 3. *Marshunov M. N.* Federal'nyj zakon «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» v skhemah i tablicah: postatejnyj kommentarij. M, 1998.
 4. *Osnovy operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: uchebnik / pod red. Z. L. Shkhagapsoeva i N. P. Golyandina.* Krasnodar, 2016.
 5. *Smirnov M. P.* Kommentarij operativno-rozysknogo zakonodatel'stva RF i zarubezhnyh stran: ucheb. posob. M., 2003.
 6. *Surkov K. V.* Principy operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1995.
 7. *Tambovcev A. I.* Ponyatie i sodержanie principa konspiracii v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // *Policejskij syzk: prakticheskij sbornik.* Habarovsk, 2012. Vyp. 1.
 8. *Federal'nyj zakon «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti»:* nauchno-prakticheskij kommentarij / pod red. V. V. Nikolyuka, V. V. Kal'nickogo, A. E. Chechetina. Omsk, 1999.
 9. *Harmaev Yu. V.* Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti: ucheb. posobie. Ulan-Ude, 2015.
 10. *Chisnikov V. N.* Pervoe osoboe mezhdvedomstvennoe soveshchanie (s"ezd) po usovershenstvovaniyu ugolovnogogo syska v Rossijskoj imperii (1913): agenturno-operativnyj aspekt // *Operativnik (syshchik).* 2008. № 1 (14).
 11. *Chuvilev A. A.* Operativno-rozysknoe pravo. M., 1999.
 12. *Shienok V. P.* K voprosu o sodержanii realizacii principa soblyudeniya konspiracii v operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del // *Puti sovershenstvovaniya operativno-rozysknoj deyatel'nosti v usloviyah pravovoj reformy: sbornik nauch. tr.* Minsk, 1993.
 13. *Shumilov A. Yu.* Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti». M., 2002.
 14. *Yazyk zakona / pod red. A. S. Pigolkina.* M., 1990.

Для цитирования:

Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Принцип конспирации в оперативно-розыскной деятельности: концептуальность VS декларативность // *Труды Академии управления МВД России.* 2019. № 2 (50). С. 58–63.

For citation:

Pavlichenko N. V., Tambovtsev A. I. The principle of conspiracy in the operational-search activities: conceptuality VS declarative // *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.* 2019. № 2 (50). P. 58–63.

Е. Н. ЯКОВЕЦ,
 профессор кафедры оперативно-розыскной
 деятельности,
 доктор юридических наук, профессор
 заслуженный юрист Российской Федерации
 Институт правоохранительной деятельности
 Российской таможенной академии
 Российская Федерация,
 140015, Московская обл., г. Люберцы,
 Комсомольский проспект, д. 4
 E-mail: koshka997@mail.ru

Научная специальность:
 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная
 деятельность; оперативно-розыскная
 деятельность.

УДК 351.74:159.923

Дата поступления статьи: 21 февраля 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Формирование социально-психологического портрета лица, участвующего в осуществлении оперативно-розыскных мероприятий

Formation of a Socio-Psychological Portrait of a Person Involved in the Implementation of Operational-Search Measures

Аннотация

Актуальность темы исследования: в данной статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с развитием прикладных начал частной теории оперативно-розыскной диагностики. Анализируется понятие психологической диагностики, позволяющей определять особенности характера человека по внешним признакам в ходе решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Постановка проблемы: в ходе исследования предполагалось установить психологические свойства личности, которые являются предпочтительными для участия в осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, а также содержание социально-психологического портрета, в наибольшей мере соответствующего профессиональным качествам потенциального субъекта оперативно-розыскной деятельности.

Из полученных результатов усматривается, что комплексы психологических качеств, актуальных для лиц, участвующих в оперативно-розыскных мероприятиях, заложены в таких психотипах личности, как паранойяльный, гипертимный и тревожный. Напротив, в ради-

E. N. YAKOVETS,
 Doctor of law, Professor,
 Professor of the Department of Operational-Search
 Activity, Honored Lawyer of the Russian Federation
 Law Enforcement Institute
 of Russian customs Academy
 Russian Federation, 140015, Moscow region,
 Lyubertsy, Komsomolsky prospect, 4
 E-mail: koshka997@mail.ru
 Scientific speciality:
 12.00.12 – Criminalistics; Forensic
 Activity; Operational-Search Activity.

Annotation

The relevance of the research topic: this article deals with topical issues related to the development of applied principles of the private theory of operative-search diagnostics. Examines the concept of psychological diagnosis, allowing to determine the features of a person's character by their appearance in the course of solving the task of the operational-search activity.

The problem statement: in the course of the study it was supposed to establish the psychological properties of the individual, which are preferable to participate in the implementation of the operational-search activity, as well as the content of the socio-psychological portrait, the most appropriate professional qualities of a potential subject of the operational-search activity.

From the obtained results it is seen that the complex mental-ray qualities relevant to individuals involved in operational-search activity inherent in such psychological types of personality, as paranoically, hyperthymic and anxious. On the contrary, in the radicals characterizing epileptoid, emotional, asthenic and unstable personality types psychological qualities which do not allow the sub-

калах, характеризующих эпилептоидный, эмоциональный, астенический и неустойчивый типы личности, фигурируют психологические качества, которые не позволяют субъектам оперативно-розыскной деятельности выполнять возложенные на них задачи.

Цели и методы исследования: для диагностирования характера будущего субъекта оперативно-розыскной деятельности необходимо научиться правильно определять типы радикалов, которые формируют его психологический портрет. Содержание самих радикалов определяется совокупностью свойственных каждому из них статических и динамических признаков индивидуума, которые должны распознаваться в различных информационных средах.

Результаты и ключевые выводы: информация об индивидууме, получаемая в ходе его психодиагностики, обобщается с помощью особой матрицы. После ее составления по количеству признаков, свойственных тому или иному психотипу, определяются радикалы, составляющие основу психологического портрета индивидуума.

Данная методика формирования социально-психологического портрета предполагаемого участника оперативно-розыскных мероприятий разработана при активном участии автора данной статьи в Российской таможенной академии. Она проходит апробацию в учебном процессе и в дальнейшем может найти применение на практике.

Ключевые слова: оперативно-розыскная диагностика; психологическая диагностика; оперативно-розыскная психология; психологический тип личности; психологический профиль; социально-психологический портрет; субъект оперативно-розыскной деятельности; участие в оперативно-розыскных мероприятиях; габитоскопические признаки; информационные ресурсы; социальные сети.

jects of operational-search activity to carry out the tasks assigned to them appear.

The research objectives and methods. To diagnose the nature of the future subject of the operational-search activity, it is necessary to learn how to correctly identify the types of radicals that form its psychological portrait. The content of the radicals themselves is determined by a set of static and dynamic characteristics of the individual peculiar to each of them, which must be recognized in various information environments.

The results and key findings. Information about the individual, obtained in the course of psychodiagnostics, synthesizes by using a special matrix. After its compilation by the number of features peculiar to a particular psychotype, the radicals that form the basis of the psychological portrait of the individual are determined.

This method of forming a socio-psychological portrait of the prospective operational-search activity participant was developed with the active participation of the author of this article in the Russian customs Academy, it is being tested in the educational process and can be further applied in practice.

Key words: operational-search diagnostics; psychological diagnostics; investigative psychology; psychological personality type; psychological profile; socio-psychological portrait; the subject of operational-search activity; participation in the operational-search activities; habitaciones signs; information resources; social networks.

Основные положения

1. Оперативно-розыскная диагностика – развивающееся, далеко не исчерпанное направление теории оперативно-розыскной деятельности.

2. Одним из перспективных направлений оперативно-розыскной диагностики является психологическая диагностика, позволяющая определять особенности характера субъекта ОРД по внешним признакам (статическим и динамическим).

3. Для составления социально-психологического портрета предполагаемого участника оперативно-розыскных мероприятий необходимо правильно определять психотипы обследуемых лиц и соотносить их между собой.

4. Вывод относительно профессиональной пригодности тех или иных лиц к участию в оперативно-розыскных мероприятиях можно сделать на основе соотнесения социально-психологического портрета обследуемого лица с группами профессионально значимых для субъектов ОРД психологических характеристик.

5. Построение психологического портрета кандидата для участия в оперативно-розыскных мероприятиях осуществляется на основании анализа его габитоскопических и иных признаков, а также событийной информации, содержащейся в различных массивах информации, включая интернет-ресурсы.

Введение

Актуальность проблемы. Обзор литературы. Непреходящее значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) имеет использование различных методик *оперативно-розыскной диагностики*. Ее теоретическая основа базируется на разрозненных научных положениях криминалистики, судебной медицины, криминологии, информатики, теории ОРД и знаний некоторых других наук. Без диагностики, так же как и без идентификации, немислима реализация всех известных оперативно-розыскных мер. Еще в период зарождения профессионального сыска, когда большинство оперативных сотрудников не имело ни малейшего представления о каких-либо научных методах раскрытия преступлений, единственным их оружием являлись три основных слагаемых успеха: умение наблюдать, знание человеческой природы и способность к выработке версий [17, с. 61]. В настоящее время эти действия есть не что иное, как элементы оперативно-розыскной диагностики.

Научные знания, связанные с оперативно-розыскной диагностикой, всегда рассматривались нашими ведущими учеными, как «одна из частных теорий, выполняющих *методологическую* функцию по отношению к прочим разделам предмета теории ОРД». Около двадцати лет назад классики теории ОРД отмечали, что «по своей обоснованности и степени признания научным сообществом она не достигла пока уровня самостоятельной теории, но тем не менее выявлена и активно формируется в качестве таковой» [3, с. 35–36], что и было наглядно продемонстрировано в последующие годы. Сегодня оперативно-розыскная диагностика получила дальнейшее развитие в рамках теории аналитической работы в сфере ОРД [7, с. 80–155], в связи с чем перечень новых, перспективных направлений практического применения диагностического анализа заметно расширился.

Достаточно широко практикуется такой вид оперативно-розыскной диагностики, как *психологическая диагностика*. Она используется для определения психологических и личностных особенностей тех индивидуумов, с которыми субъекты ОРД вступают в различного рода взаимоотношения. В первую очередь имеется в виду визуальная психодиагностика, заключающаяся в возможности определять особенности психологии человека в ходе решения тех или иных задач ОРД по его внешним признакам.

Основной принцип, на котором базируется данная система знаний, заключается в следующем: психика человека спроецирована на строение его физического тела. В отличие от психических процессов, скрытых от восприятия стороннего наблюдателя, статические и динамические (функциональные) признаки человека

могут быть восприняты визуально. Наблюдая последние и анализируя их содержание, можно сделать выводы относительно психического состояния человека как глобального, так и локального (текущего) [13].

Данная диагностическая система самым тесным образом связана с еще одной частной теорией предмета науки оперативно-розыскной деятельности – оперативно-розыскной психологией, основы которой в свое время разработал профессор Г.К. Синилов [14]. В качестве подсистемы методологии данной отрасли знания наряду с прочими он выделял так называемые отраслевые или специальные методы предмета ОРД – *личный метод* (определяется социальной потребностью иметь комплексное представление о личности тех граждан, с которыми субъекты ОРД вступают во взаимоотношения); *метод аналитической разведки* (содержательно он определяется возможностями разведывательного поиска и анализа оперативной информации, получаемой в том числе из автоматизированных банков данных, различного рода сообщений, публикаций в СМИ и т. п.); *идентификационный метод* (он определяется возможностью фиксации статических и динамических признаков изучаемых объектов и установления их групповой принадлежности) и др. [14, с. 24–28].

Постановка проблемы. Предваряя дальнейшие рассуждения, следует обозначить понятие *психологического профиля* – схематического изображения характера человека как иерархической последовательности входящих в него *радикалов* (на первом месте присутствует основной, доминирующий радикал, определяющий главную поведенческую тенденцию, за ним следуют остальные, вплоть до самого малозначительного). Что из себя представляют данные радикалы? Это *психологические типы личности*. Уникальность каждого человека определяется набором его психологических характеристик. В то же время такое разнообразие вовсе не исключает наличия сходства между людьми. Обладая определенными отличиями, они тем не менее могут быть условно объединены в определенные группы (классы). Представители каждой такой группы будут иметь между собой сходных черт гораздо больше, чем с представителями других классов. Специалисты выделяют несколько не похожих друг на друга психологических типов личности, акцентируя внимание на следующих: истероидный, эпилептоидный, паранойяльный, эмотивный, шизоидный, гипертимный, тревожный, астенический, неустойчивый [9].

Объем данной статьи не позволяет привести конкретные признаки того или иного психотипа личности. При желании читатели могут по-

черпнуть эту информацию самостоятельно, например, из поисковых систем Интернета.

Любой психологический профиль можно графически изобразить в системе координат как диаграмму, в которой радикалы обозначены соответствующими «столбиками» различной высоты, расположенными по убывающей – от большего к меньшему. Для большей простоты и удобства профиль может быть обозначен не «столбиками», а последовательностью цифр. Например, для обозначения радикалов можно использовать цифры от 1 до 9: истероидный – 1, эпилептоидный – 2, паранойяльный – 3, эмотивный – 4, шизоидный – 5, гипертимный – 6, тревожный – 7, астенический – 8, неустойчивый – 9. Тогда, например, если в психологическом профиле присутствуют истероидный (доминирует), гипертимный, эмотивный, эпилептоидный и паранойяльный радикалы, то он может быть обозначен следующим образом: 1, 6, 4, 2, 3...

В психологический профиль желательно включать все определяемые в процессе психодиагностики радикалы. В данном случае действует правило: завершать диагностику характера нужно тогда, когда ничего нового к сказанному, о том или ином человеке добавить уже нельзя.

На первом месте, как уже отмечалось, следует располагать тот радикал, признаки которого в характере изучаемого человека проявляются наиболее ярко. Для этого необходимы глубокое познание сущности каждого радикала и наличие профессиональных навыков оперативно-распознавания психологических типов того или иного индивидуума [9].

Как известно, повышение эффективности ОРД, профессионализма ее субъектов предусматривает не только совершенствование нормативно-правовой базы, организации и тактических приемов, но и активизацию человеческого фактора. Подобная активизация предполагает всестороннее изучение индивидуально-психологических особенностей, свойств и качеств, присущих участникам ОРД. Важным шагом в этом направлении является создание социально-психологического портрета субъекта ОРД, адаптация существующих и подготовка новых методик, позволяющих определять критерии и вырабатывать модель психологической пригодности индивидуума к этому специфическому виду деятельности, совершенствовать отбор потенциальных участников оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) на основе анализа и оценки психологических факторов.

В связи с этим весьма актуален ответ на вопрос: какие именно психологические свойства личности являются предпочтительными при отборе лиц, участвующих в осуществлении ОРМ? И какой социально-психологический портрет в наи-

большей мере соответствует их профессиональным качествам?

Чтобы ответить на этот вопрос, целесообразно воспользоваться методолого-теоретическим подходом, разработанным в свое время профессором В. В. Романовым [11, с. 157–159]. По его мнению, существуют несколько *групп профессионально значимых для субъектов ОРД психологических характеристик*: развитые коммуникативные качества и умения; развитые волевые качества; внимание и наблюдательность; развитые интеллектуальные качества; профессиональная память; высокая профессиональная мотивация и социальная адаптация; эмоциональные особенности; наличие привычек и моторных свойств и др. Рассмотрим данные характеристики с позиций положительных и отрицательных моментов.

Развитые коммуникативные качества и умения – это способность располагать к себе людей, вызывать у них чувство доверия; умение слушать собеседника; умение согласовывать свое поведение с действиями других участников ОРД; способность соотносить свои потребности с интересами окружающих; способность к быстрому установлению психологических контактов с новыми людьми; умение оперативно подбирать нужный тон, оптимальную форму общения в зависимости от психического состояния и индивидуальных особенностей собеседника.

К отрицательным коммуникативным качествам и умениям в рассматриваемом плане относятся замкнутость, повышенная сосредоточенность на собственных проблемах, переживаниях; отсутствие навыков установления психологического контакта и доверительных отношений.

Развитые волевые качества – это уравновешенность и самообладание в конфликтных ситуациях, осторожность, серьезность, решительность, настойчивость.

Волевыми качествами, *негативно влияющими на осуществление ОРД*, являются неуравновешенность, легкомыслие, нерешительность.

Внимание и наблюдательность – это способность быстро переключать внимание с одного вида деятельности на другой, подмечать изменения в окружающей обстановке, не сосредоточивая специально на них внимание.

К отрицательным качествам в этом плане относятся невнимательность, неустойчивость, рассеянность внимания и др.

Развитый оперативный кругозор – это знание преступных традиций, обычаев, жаргона, фамилий, имен, кличек судимых лиц, криминальных «авторитетов»; сообразительность; способность оценивать и анализировать оперативную ситуацию, изменения оперативной обстановки; умение выбрать из большого объема оперативной

информации именно ту, которая необходима для решения поставленной задачи; умение внушать свои мысли окружающим; способность анализировать меняющуюся оперативную обстановку, делать для себя соответствующие выводы; умственная работоспособность; умение выделять главное; наличие актерских способностей для реализации избранной линии поведения.

Отрицательно влияют на развитие интеллектуальных качеств отсутствие знаний о криминальном опыте и актерских способностях у субъектов ОРД, низкая умственная работоспособность и сообразительность.

Профессиональная память — это способность точно воспроизводить информацию в нужный момент; легко запоминать словесно-логический материал (термины, цифры, фамилии); точно передавать однажды услышанное; запоминать внешность и манеру поведения человека; запоминать цвет, форму, величину, движение, расположение объектов, предметов; запоминать и своевременно воспроизводить мельчайшие детали ситуации общения, по которым впоследствии можно составить целостный образ.

Отрицательно в данном аспекте оцениваются низкий уровень развития долговременной словесно-логической и наглядно-образной памяти, а также отсутствие стремления к ее совершенствованию.

Высокая профессиональная мотивация — это правдивость, смелость, энергичность, добросовестность, исполнительность, дисциплинированность.

Профессиональная непригодность к участию в ОРД может детерминироваться лживостью, скептицизмом, грубостью, неисполнительностью.

Эмоциональные особенности, положительно характеризующие субъекта ОРД: эмоциональная устойчивость при принятии ответственных решений; умение преодолевать чувство страха и неопределенности; устойчивость к стрессам.

Низкая устойчивость к стрессу, эмоциональная лабильность, тревожность, невротизм, психопатические свойства характера, импульсивность отрицательно влияют на профессиональную пригодность проверяемых лиц.

Симптомокомплекс (моторные свойства) — это работоспособность проверяемого лица, его активность, высокая моторная реактивность (быстрая реакция на внезапное изменение обстановки посредством определенных движений).

Затрудняют реализацию моторных функций лица, претендующего на участие в ОРМ, медлительность, пассивность, торопливость, низкая работоспособность [16].

Из приведенных данных видно, что комплексы психологических качеств, наиболее важных для индивидуумов, участвующих в ОРМ, заложены в таких типах личности (радикалах), как

паранойяльный, гипертимный и тревожный (сензитивный). Именно в этих профилях содержится наибольшее число психологических качеств, так необходимых последним.

И напротив, в радикалах, характеризующих *эпилептоидный, эмотивный (лабильный), астенический и неустойчивый* типы личности, фигурируют психологические качества, которые не позволяют субъектам ОРД выполнять возложенные на них задачи.

Нейтральными с точки зрения психологических качеств проверяемых лиц являются *истероидный и шизоидный* типы личности.

Тем не менее, как было отмечено выше, в чистом виде в окружающей действительности указанные психологические типы практически не встречаются. Психологический профиль человека представляет собой, как правило, сочетание различных радикалов. Поэтому при изучении кандидата для участия в осуществлении ОРМ необходимо стремиться к тому, чтобы в числе доминирующих психологических типов в его характере фигурировали бы паранойяльный, гипертимный и тревожный (сензитивный) радикалы, а на вторых ролях — по возможности присутствовали «нейтральные» истероидный и (или) шизоидный радикалы.

Необходимо избегать присутствия в психологическом профиле изучаемого лица эпилептоидного, эмотивного (лабильного), астенического и неустойчивого радикалов, хотя отдельные их элементы, модифицированные другими радикалами, могут и не оказать резко негативного воздействия на характер человека.

Следует подчеркнуть, что абсолютно идеальных психотипов в природе не существует. У каждого из них, даже самого, на первый взгляд, привлекательного, имеются отрицательные стороны. Однако иногда эти «минусы» довольно часто нивелируются за счет влияния, оказываемого на него иными радикалами, даже теми, которые, как ни странно, не входят в число приоритетных.

Таким образом, каждый из радикалов, входящих в психологический профиль личности, определяет поведенческую тенденцию, которая в той или иной степени вступает в противоречие с другими радикалами (иначе радикал не был бы самостоятельным психическим явлением). Очевидно, что от последовательного — одного за другим — описания в психологическом профиле признаков разнородных радикалов пользы мало. В итоге может получиться нечто бессвязное и нелогичное. Чтобы избежать подобной ситуации, необходимо научиться трактовать сочетание радикалов как единое целое. Оперативного работника не должно смущать то обстоятельство, что в психологическом профиле могут присутствовать радикалы, противоречащие, а подчас и взаимоисключающие друг друга. Согласно диалектическому за-

кону единства и борьбы противоположностей эти различные тенденции одновременно дополняют друг друга, увеличивая адаптационные возможности человека, и порождают внутриличностные противоречия, которые приближают познание природы того или иного объекта к объективной истине [8, с. 115–119].

При таком подходе следует вести речь уже не о психологическом профиле, а о *социально-психологическом портрете* потенциального участника ОРМ.

Как показывает практика, весьма оптимальным в социально-психологическом портрете проверяемого лица является сочетание доминирующего паранойяльного и модифицирующего его тревожного радикалов (3, 7).

Вполне приемлемым с точки зрения потребностей ОРД является сочетание в таком портрете доминирующего паранойяльного и модифицирующего его истероидного радикалов (1, 3).

Цели и задачи исследования

Таким образом, для диагностирования характера будущего субъекта ОРД необходимо определить типы радикалов, которые формируют в итоге его психологический портрет. Содержание же самих радикалов определяется совокупностью свойственных каждому из них статических и динамических признаков индивидуума, которые могут и должны распознаваться в ходе наблюдения, осуществляемого в различных информационных средах (в местах массового скопления людей; временного содержания административно задержанных или арестованных; исправительных учреждениях, на транспортных магистралях; в местах пересечения государственной границы; в виртуальной среде и т. п.).

Наблюдение должно носить поисковый и конкретный характер. Его цель – получить наиболее полное описание всех свойственных объекту оперативного распознавания статических и динамических признаков с целью последующего создания его социально-психологического портрета. Если цель наблюдения конкретна и определена, то в этом случае производится отбор только необходимых фактов, явлений и признаков. Такое наблюдение называется *исследующим* или *выбирающим* [10, с. 52].

Как распознать в толпе, например, паранойяльного человека, психологический профиль которого в наибольшей степени подходит для участия в осуществлении ОРМ? Наверное, сразу это сделать будет сложно. Паранойяльный тип, как, впрочем, и все остальные типы характера людей, не имеет таблички с надписью: «Я параноик». Поэтому необходимо учиться присматриваться к людям, наблюдать и подмечать особенности их речи, поведения и внешнего вида.

Методы

Для психологического диагностирования личности проверяемого кандидата прежде всего целесообразно воспользоваться положениями науки *физиогномики* – учения, ориентированного на определение психологического типа человека, исходя из анализа его габитоскопических признаков¹. Особое значение здесь имеют особенности формы лица, носа, глаз, ушей и других элементов внешнего облика обследуемого индивидуума.

Кроме того, для психодиагностики характера последнего и его эмоционального состояния важны наблюдения за языком его жестов, мимики и телодвижений [12, 15, 18, 19].

Полученные в ходе использования методик физиогномики сведения могут служить основой для создания полноценного социально-психологического портрета потенциального участника ОРМ. Источниками информации могут служить фотографии, видеозаписи, иные данные, которые можно получить различными путями, включая информационный поиск в учетах, материалах СМИ, Интернете.

Особое внимание следует уделять *аналитической разведке в Интернете*, где имеется значительный объем разноплановых данных, представляющих интерес в рассматриваемом аспекте. Наиболее распространенными и доступными информационными ресурсами Интернета являются: каталоги и поисковые системы, специализированное программное обеспечение поискового характера (интеллектуальные агенты), онлайн-базы данных, чаты, форумы, блоги и социальные сети [2, с. 48–64].

По нашему мнению, наибольший интерес для психодиагностики индивидуума представляют социальные сети – информационный ресурс Интернета в виде специализированных площадок (онлайн сервисов), предназначенных для построения, отражения и организации *социальных взаимоотношений*, для общения людей, объединяющихся в группы по разным критериям: родственники, земляки, одноклассники, коллеги, группы по интересам и прочее, например, ВКонтакте (www.vk.com), Одноклассники (www.odnoklassniki.ru) и др.

Для составления психологического портрета потенциального участника ОРМ, если он является пользователем социальных сетей, можно и нужно использовать всю информацию, имеющуюся на его личной странице пользователя социальной сети, а еще лучше осуществить информационный поиск по нескольким подобным страницам, расположенным в различных социальных сетях.

¹ Габитоскопия – отрасль криминалистической техники, изучающая теоретические положения и технико-криминалистические средства и методы сбора, изучения и использования данных о внешнем облике человека.

Часто пользователи выкладывают здесь свои фотографии, а также фотоизображения друзей и близких, адреса, номера телефонов и другие данные для информирования своих связей. Подобные сайты социальных сетей являются незаменимым источником информации в ходе подбора и проверки будущих субъектов ОРД. Они могут активно использоваться не только для получения фотографий и видеоизображений интересующих их лиц, но и осуществления легендированного опроса, а также организации различного рода оперативных комбинаций, связанных с проверкой последних.

Вместе с тем различные информационные интернет-ресурсы, представленные в социальных сетях, могут содержать и недостоверные данные. Хорошо известно, что человек, который заводит личную страницу пользователя социальной сети, опирается на образ, способный вызвать желаемое мнение о себе у посторонних людей. Образ, как правило, формируется с тем расчетом, чтобы получить признание окружающих. Тем не менее личная страница пользователя социального сайта все же является проекцией личности, информационным портретом индивидуума и может служить основанием для составления его социально-психологического портрета.

Для того чтобы получить о пользователе наиболее достоверную информацию, следует вначале классифицировать его как пользователя социальной сети. Существует несколько классификаций лиц данной категории. Некоторые авторы выделяют среди них домохозяйек, работающих людей среднего возраста, менеджеров, «искателей приключений», одиноких людей и др. [5] Некоторые пользователи выделяют также следующие группы «завсегдаев» социальных сетей: «демонстративные эксгибиционисты», «провокаторы», «скромники», «созидатели», «неудачники», «деловые», «формалисты», «льстецы», «тихушники», «кормильцы», «продажные» и другие. Все эти линии поведения могут проявляться как у разных людей, так и у одного конкретного человека в зависимости от ситуации и роли, которую он выбирает в той или иной коммуникации [6].

Представители каждой из этих групп по-разному афишируют свою личность, вследствие чего и объем поступающей от них объективной информации также может варьироваться. Если речь идет о социально-психологическом портретировании пользователя социальной сети, необходимо обращать внимание на все детали: какую музыку он слушает, в каких группах и сообществах состоит, какие у него на странице имеются музыкальные записи, какие размещены фото, какое выражение лица и позы преобладают у него на этих фото, какие комментарии люди оставляют на странице, как он отвечает на эти комментарии и т. д. Все это может свидетельствовать

об интересах, предпочтениях, настроении, поведении в целом конкретного человека [1].

Таким образом, составить объективное представление о проверяемом лице как пользователе социальной сети — задача весьма непростая. Сопоставляя открытую информацию с моделью поведения пользователя в сети, со стилем изложения его мыслей, характеристиками друзей и предпочтениями, скрыть которые довольно сложно, можно выявить определенные несоответствия, которые могут указывать как на фейковость страницы, так и на стремление быть похожим на созданный виртуальный образ.

Достаточно много о человеке могут сказать группы и сообщества, на которые он подписан, отметки и лайки, посты и репосты, количество друзей или подписчиков.

Особое внимание следует уделять нику и аватару, расположенным на личной странице пользователя социального сайта. Составляя для себя описание, пользователи могут сознательно искажать факты, однако выбор этих атрибутов общения часто происходит на подсознательном уровне. Грубые, хамские ники, выражающие открытую неприязнь к окружающим или самому себе, вряд ли укажут на человека добропорядочного, альтруистичного и открытого. Может иметь значение даже сочетание звуков, из которых состоит ник [5]. Психологи выделяют порядка 16 типов аватаров, которые также следует рассматривать в изучаемом контексте [4].

Результаты

Вся информация об индивидууме, получаемая в ходе его психодиагностики, обобщается с помощью особой *матрицы* (табл.). После ее составления по количеству признаков, свойственных тому или иному психотипу (в убывающем порядке), определяются радикалы, составляющие психологический профиль индивидуума. На заключительном этапе с учетом взаимного влияния выявленных радикалов осуществляется построение социально-психологического портрета обследуемого лица.

Обсуждение

Полученные результаты в целом соответствуют гипотезе исследования. Рассматриваемая в статье методика формирования социально-психологического портрета предполагаемого участника ОРМ разработана при нашем активном участии в стенах Российской таможенной академии. В настоящее время она проходит апробацию в учебном процессе, связанном с повышением квалификации и профессиональной переподготовкой сотрудников оперативных подразделений таможенных органов. Будучи апробированной в учебных аудиториях, в дальнейшем она может найти применение на практике.

Таблица

Матрица для построения психологического портрета индивидуума

Психотипы	Форма лица	Зоны лица	Размер головы	Морщины	Лоб	Брови	Глаза	Нос	Уши	Рот	Волосы	Ладони	Руки	Ноги	Базы данных	Сот. сети	Ник	Аватар
Истероидный																		
Эпилептоидный																		
Паранойальный																		
Эмотивный																		
Шизоидный																		
Гипертимный																		
Тревожный																		
Астенический																		
Неустойчивый																		

Продолжением исследований в данной области может явиться использование для создания социально-психологического портрета «больших данных», накапливаемых в различных информационных массивах. Их обработка возможна исключительно с помощью автоматизированных логико-аналитических систем с искусственным интеллектом, о котором сейчас так много говорится в научно-популярных изданиях. На этой основе могут быть разработаны системы, позволяющие осуществлять психодиагностику лиц, представляющих интерес для оперативных подразделений органов, осуществляющих ОРД, практически в режиме реального времени.

Заключение

Таким образом, в развитие положений оперативно-розыскной психологии, основы которой были заложены профессором Г.К. Синиловым, с использованием предложенных им специальные методов – личностного метода; метода аналитической разведки и идентификационного метода нами предлагаются новые подходы к проверке кандидатов на участие в осуществлении ОРМ, позволяющей на основе анализа морфологических признаков индивидуума определять особенности его характера.

С этой целью необходимо создавать социально-психологический портрет предполагаемого участника ОРМ, содержание которого определяется соотношением между собой тех или иных радикалов, составляющих психологический профиль личности.

На основании соотнесения социально-психологического портрета с разработанными в теории ОРД категориями профессионально значимых психологических характеристик можно сделать вывод о профессиональной пригодности кандидатов для участия в ОРМ.

Создание подобного портрета должно осуществляться в ходе анализа стационарных и функциональных признаков кандидата на участие в ОРМ, а также событийной информации, содержащейся в различных массивах информации, включая интернет-ресурсы.

В настоящее время предлагаемая в статье методика проходит апробацию в Российской таможенной академии.

Благодарности

Выражаем признательность коллегам за помощь в подготовке методик создания социально-психологического портрета потенциального участника ОРМ и их апробацию в стенах Российской таможенной академии.

Список литературы:

1. Ерусланова Н. Можно ли по страницам в социальных сетях судить о человеке: мнение психолога. URL: <http://saratov-room.ru/mozhno-li-po-stranitsam-v-sotssetyah-sudit-o-cheloveke-mnenie-psihologa-70001/> (дата обращения: 07.10.2018).
2. Информационные технологии в деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции: монография / [А. А. Крылов и др.]. М., 2015.
3. Климов И. А., Синилов Г. К. Методология развития теории и совершенствования практики ОРД в условиях современного российского общества // Актуальные вопросы теории и практики ОРД / под ред. В. М. Аتماжитова. М., 2001.
4. Мартьянова Л. О чем говорит ваша страница в соцсетях? URL: <http://studylie.ru/blog/o-chem-govorit-vasha-stranica-v-socsetjah/> (дата обращения: 07.10.2018).
5. Машенкова Т. Психологический портрет пользователей соцсетей. URL: <http://zebraz.ru/ctati/3750-psihologicheskij-portret-polzovateleysocsetey.html> (дата обращения: 22.09.2018).
6. Носкова А. Одиннадцать типов поведения человека в социальных сетях. URL: <https://www.cossa.ru/155/112205/> (дата обращения: 07.10.2018).
7. Организация информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб. пособ. / [В. В. Денисов, И. В. Горошко, Е. Н. Яковец и др.]. М., 2017.
8. Печников Г. А., Блинков А. П., Казначей И. В. О значении материалистической диалектики как истинно научного метода познания и объективной истины // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. Вып. 1 (32).
9. Пономаренко В. В. Психологический профиль и психологический портрет // Секретарь-референт. 2005. № 10.
10. Психологическая диагностика: учеб. пособ. / под ред. М. К. Акимовой. СПб., 2005.
11. Романов В. В. Юридическая психология. М., 1998.
12. Самойлова Е. Комплексная визуальная диагностика. М., 2007.
13. Сафронов А. Г. Визуальная психодиагностика. URL: www.yoga.net.ua (дата обращения: 29.08.2018).
14. Синилов Г. К. Введение в оперативно-розыскную психологию: лекция / предисл. А. Ю. Шумилова. М., 2006.
15. Степанов С. Язык внешности. М., 2007.

References:

1. Eruslanova N. Mozhno li po stranicam v social'nyh setyah sudit' o cheloveke: mnenie psihologa. URL: <http://saratov-room.ru/mozhno-li-po-stranitsam-v-sotssetyah-sudit-o-cheloveke-mnenie-psihologa-70001/> (data obrashcheniya: 07.10.2018).
2. Informacionnye tekhnologii v deyatel'nosti podrazdelenij ekonomicheskoy bezopasnosti i protivodejstviya korrupcii: monografiya / [A. A. Krylov i dr.]. M., 2015.
3. Klimov I. A., Sinilov G. K. Metodologiya razvitiya teorii i sovershenstvovaniya praktiki ORD v usloviyah sovremennogo rossijskogo obshchestva // Aktual'nye voprosy teorii i praktiki ORD / pod red. V. M. Atmazhitova. M., 2001.
4. Mart'yanova L. O chem govorit vasha stranica v socsetyah? URL: <http://studylie.ru/blog/o-chem-govorit-vasha-stranica-v-socsetjah/> (data obrashcheniya: 07.10.2018).
5. Mashenkova T. Psihologicheskij portret pol'zovatelej socsetej. URL: <http://zebraz.ru/ctati/3750-psihologicheskij-portret-polzovateleysocsetey.html> (data obrashcheniya: 22.09.2018).
6. Noskova A. Odinnadcat' tipov povedeniya cheloveka v social'nyh setyah. URL: <https://www.cossa.ru/155/112205/> (data obrashcheniya: 07.10.2018).
7. Organizaciya informacionno-analiticheskogo obespecheniya operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: ucheb. posob. / [V. V. Denisov, I. V. Goroshko, E. N. Yakovec i dr.]. M., 2017.
8. Pechnikov G. A., Blinkov A. P., Kaznachej I. V. On the importance of materialist dialectics as the true scientific method and objective truth // Journal of the Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2015. № 1 (32).
9. Ponomarenko V. V. Psihologicheskij profil' i psihologicheskij portret // Sekretar'-referent. 2005. № 10.
10. Psihologicheskaya diagnostika: ucheb. posob. / pod red. M. K. Akimovoj. SPb., 2005.
11. Romanov V. V. Yuridicheskaya psihologiya. M., 1998.
12. Samojlova E. Kompleksnaya vizual'naya diagnostika. M., 2007.
13. Safronov A. G. Vizual'naya psihodiagnostika. URL: www.yoga.net.ua (data obrashcheniya: 29.08.2018).
14. Sinilov G. K. Vvedenie v operativno-rozysknuyu psihologiyu: lekciya / predisl. A. Yu. Shumilova. M., 2006.
15. Stepanov S. Yazyk vneshnosti. M., 2007.

16. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. М., 2006.
17. Торвальд Ю. Век криминалистики: пер. с нем. М., 1990.
18. Шмелёв А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб., 2002.
19. Щёкин Г. Визуальная психодиагностика: познание людей по их внешности и поведению. Киев, 2001.
16. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti: ucheb-nik / pod red. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo, G.K. Sinilova. M., 2006.
17. Torval'd Yu. Vek kriminalistiki: per. s nem. M., 1990.
18. Shmelyov A. G. Psihodiagnostika lichnostnyh chert. SPb., 2002.
19. Shchyokin G. Vizual'naya psihodiagnostika: poznanie lyudej po ih vneshnosti i povedeniyu. Kiev, 2001.

Для цитирования:

Яковец Е.Н. Формирование социально-психологического портрета лица, участвующего в осуществлении оперативно-розыскных мероприятий // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 64–73.

For citation:

Yakovets E. N. Formation of a socio-psychological portrait of a person involved in the implementation of operational-search measures // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 64–73.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, Международное сотрудничество

И. А. АНТОНОВ,
начальник кафедры управления органами
расследования преступлений,
доктор юридических наук, профессор
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125993, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: docantonov@yandex.ru

I. A. ANTONOV,
Doctor of Law, Professor,
Chief of the Department of Management
of Bodies and Units Crimes' Investigation
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125993, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: docantonov@yandex.ru

А. В. ПОБЕДКИН,
профессор кафедры управления органами
расследования преступлений,
доктор юридических наук, профессор
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125993, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: apobedkin71@mail.ru

A. V. POBEDKIN
Doctor of Law, Professor,
Professor at the Department of Management
of Bodies and Units Crimes' Investigation
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125993, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: apobedkin71@mail.ru

Научная специальность:
12.00.09 — уголовный процесс.

Scientific speciality:
12.00.09 — Criminal Procedure.

УДК 343.1

Дата поступления статьи: 3 октября 2018 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Презумпция доверия полиции в сфере уголовного судопроизводства (зарубежный опыт)

Presumption of the Police Confidence in a Sphere of the Criminal Proceedings (the Foreign Experience)

Аннотация

Проблема: в статье анализируется проблема отношения судей к доказательствам, собранным полицейскими, с точки зрения существующей в науке концепции «презумпции доверия полиции».

Цель: основной вопрос, решаемый в статье: «Может ли такая концепция распространяться на уголовное судопроизводство?».

Методы: для решения поставленной задачи использованы следующие основные научные методы: диалектический (связь порядка, установленного нормативными актами, с историческими традициями, типологией уголовно-

Annotation

The problem statement: the article analyzes the problem of the attitude of judges towards evidence collected by policemen from the point of view of the concept of «presumption of police confidence» existing in science.

The purpose: the main issue addressed in the article is whether this concept can extend to the criminal justice.

The methods: to solve this problem, the following basic scientific methods were used: dialectical (connection of order established by the normative acts with the historical traditions, the typology of

го судопроизводства в развитии отношения к уголовному судопроизводству в той или иной стране); сравнительного правоведения (сравнивается отношение к доказательствам, полученным полицейским в разных странах); формально-юридический (исследуются отдельные нормы, регламентирующие роль доказательств, полученных полицейским в процессе, в том числе показания, данные полицейскими в качестве свидетелей); исторический (авторы обращаются к источникам права, действовавшим в прошлом).

Результаты: в результате исследования установлено, что прямого правила об особой доказательственной силе доказательств, полученных полицейским, его показаний законодательство других стран не содержит. Однако отдельные особенности, позволяющие выделять сведения, исходящие от полицейских, существуют, иногда они граничат с презумпцией доверия полиции. Основным вывод, который делают авторы статьи, состоит в том, что в уголовно-процессуальном законодательстве нужны гарантии, прежде всего полицейской деятельности по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. При их отсутствии полицейский не может действовать уверенно, надежно защищая права граждан, в том числе и в России.

Ключевые слова: презумпция доверия полиции; уголовно-процессуальное доказывание; собирание доказательств; иммунитеты для должностных лиц.

the criminal proceedings in development of the attitude to the criminal proceedings in a particular country), the comparative law (attitude to the evidence received by a policeman in the different countries), formal legal (the examining individual rules regulating a role of evidence obtained by a policeman, including the testimony they gave as the witnesses), historical (the authors refer to the sources of law that acted in the past).

As a result of the research it was established that the legislation of the other countries does not contain a direct rule on the special evidentiary strength of evidence obtained by a policeman, his testimony. However, certain peculiarities that allow to extract information from the police exist, sometimes they border on the «presumption of trust» of the police. The main conclusion that the authors of the article make is that in the criminal procedure legislation guarantees are needed, first of all, the police activities to protect public order and ensure public safety. In their absence, a policeman can not act confidently, reliably protecting the rights of the citizens, including in Russia.

Key words: presumption of police confidence; criminal procedural proof; collection of evidence; immunities for the officials.

В период продолжающегося реформирования правоохранительной системы Российского государства становится все более ясно, что изучение правоохранительной деятельности не может ограничиваться только формально-юридическими методами. Необходимо понять социальную, нравственную сущность правоохранительной деятельности, чтобы предлагаемые изменения законодательства и правоприменительной практики были, действительно, направлены на человека, его права и свободы, их охрану и обеспечение безопасности. При этом особое значение сегодня совершенно справедливо придается роли личности сотрудника правоохранительных органов, так как любой закон может потерять свое предназначение в руках человека с низким уровнем правовой культуры.

Проведенная в этом ключе руководством правоохранительных органов достаточно большая работа дала положительный эффект, и в настоящее время доверие к лицам, реализующим право-

охранительную функцию государства, возрастает. На протяжении ряда лет оно стабильно превышает 50 % [8, с. 150]. Граждане, несмотря на противоречивое освещение деятельности полиции в средствах массовой информации [6, с. 8–13], все активнее взаимодействуют с полицией, обеспечение безопасности и правопорядка становится общим делом народа и правоохранительных структур [10, с. 145–151].

Поэтому руководство МВД России выступает с предложениями при осуществлении правоохранительной деятельности во взаимоотношениях сотрудников органов внутренних дел с гражданами исходить из доверия к полиции, изначально ориентироваться на законность действий и обоснованность требований сотрудников полиции.

В связи с этим остро стоят следующие вопросы: во всех ли сферах полицейской деятельности правомерно говорить о презумпции доверия полиции, в частности, возможна ли таковая в уголовном судопроизводстве, в котором чаще,

чем в других областях правоотношений, возникает необходимость применения мер государственного принуждения и существенного ограничения прав и свобод личности? Ответы на эти вопросы следует искать, используя широкий спектр научных методов, включая диалектический, исторический и сравнительно-правовой, в том числе и в рамках исследования зарубежного опыта, которому и посвящена настоящая статья.

Итак, первоначально отметим, что формально-юридический анализ показал, что в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных государств не содержится норм, прямо свидетельствующих об особой доказательственной силе фактических данных (доказательств), представленных полицией или ее сотрудниками.

Вместе с тем полиция в зарубежных государствах активно участвует не только в ходе досудебного производства, но и в суде, где нередко по факту, а иногда и в силу предписаний нормативных актов информация, исходящая от полиции, имеет особый статус.

При этом нельзя не отметить, что отношение суда к доказательствам, представленным полицейским, во многом определяется типом уголовного судопроизводства, от которого зависит, является ли полицейский участником уголовного процесса на всем его протяжении, включая досудебное производство, или большей частью — в суде.

В странах англо-американского типа уголовного процесса, основанного на развитой состязательности, достигающей уровня почти «юридической религии» (США, Великобритания, Италия), сотрудники полиции предоставляют доказательственную информацию, в основном выступая в качестве свидетелей. Это объясняется тем, что досудебное уголовное производство в таких типах процесса урегулировано слабо, фрагментарно, допускает как гласные, так и негласные действия полиции (а в США — и иных служб), нередко не требующие строгого оформления.

В то же время от полиции нередко зависит сама перспектива дальнейшего судебного разбирательства и в целом — судьба уголовного дела. Например, английской полиции предоставлено право принимать решение о прекращении собирания обвинительных доказательств по ряду преступлений, т. е. освобождать от уголовной ответственности (в таком порядке от уголовной ответственности освобождаются до четверти всех подозреваемых). Фактически такие решения полиции не контролируются [4, с. 65].

Здесь необходимо заметить, что право полиции определять судьбу уголовного дела предусмотрено и в некоторых европейских государствах. Так, в Швейцарии полиция, которая про-

водит дознание до передачи дела прокурору, который решает вопрос о необходимости производства предварительного следствия, вправе не передавать материалы уголовного дела прокуратуры, если к последующим процессуальным действиям прокуратуры однозначно нет повода или на протяжении дознания не избирались меры принуждения и не производились следственные действия. Тем самым полиция наделена дискреционными полномочиями по решению судьбы уголовного преследования [11, с. 353].

В свою очередь в Англии допустимость доказательства определяется не соблюдением закона, а внутренним качеством самого доказательства: оно должно быть способно доказывать обстоятельства, которые требуется доказать при разрешении уголовного дела (в отличие от США, где правила об исключении доказательств действуют гораздо жестче). Главное, чтобы доказательство было относимо и достоверно [4, с. 88]. Это обуславливает достаточно широкие возможности признания допустимыми в английских судах сведений, полученных полицейскими. При этом, конечно, нельзя не отметить, что в Англии последние десятилетия суды более внимательно относятся к соблюдению правил собирания доказательств полицией, которые (правила) формализуются все сильнее (например, Закон о полиции и уголовных доказательствах 1984 г.).

С учетом знаменитого английского правила «hearsay» (недопустимость свидетельства с чужих слов) в уголовном процессе Англии по общему положению не допускается использование протокола полицейского допроса. Полицейский в таком случае считается свидетелем, показывающим с чужих слов. Однако есть и серьезные исключения: признание вины, сделанное третьему лицу, может быть принято судом и с чужих слов. В этом случае показания полицейского как доказательства допускаются. Предусмотрены и некоторые иные исключения из правила о запрете свидетельствования с чужих слов, в том числе и для протоколов полицейских допросов (например, в случае смерти свидетеля) [4, с. 95]. Важно, что в Англии сотрудникам полиции, выступающим в качестве свидетелей по уголовному делу, не могут задаваться вопросы относительно жалоб против них, если судебное разбирательство проводится не по данному факту, а также о незаконных действиях полицейских из их подразделения [1, с. 456]. Указанное ярко свидетельствует о высокой степени доверия общества и государства правоохранительным органам, в том числе полиции, в рамках уголовного судопроизводства.

В США правила об исключении доказательств ввиду нарушения прав, предоставлен-

ных Конституцией США, применяются широко. Действия полиции жестко контролируются в состязательном судебном разбирательстве.

Конечно, следует учитывать, что в США на федеральном уровне полиции как таковой нет. Полиция в США – это полицейские формирования штатов, которые к тому же устроены неодинаково [3, с. 307]. Досудебное производство в США вправе проводить и иные подразделения (например, службы расследования окружных прокуроров, вплоть до частных лиц и нанятых ими специалистов) [3, с. 307]. Однако основная нагрузка по расследованию преступлений все равно ложится в США на полицию. Ее деятельность на досудебном производстве регламентируется скудно, за исключением случаев получения судебного решения, позволяющего ограничить конституционные права человека. Полицейский фиксирует итоги расследования в своей записной книжке сотрудника полиции, которой он может пользоваться, когда его вызовут в суд для дачи показаний под присягой [4, с. 65]. Свои действия полицейский может оформлять и протоколом, однако это не меняет сути его процессуального положения: он – свидетель. В американском уголовном процессе результаты досудебного производства вводятся в уголовный процесс в основном через допросы лиц, производивших процессуальные действия [3, с. 315].

Несмотря на серьезный контроль качества полицейских сведений в судах США, в отдельных случаях, связанных с использованием негласно полученных сведений, полиция пользуется большим доверием. Так, основанием проведения обыска в США может быть негласная информация, и полиция достаточно представить судье информацию от осведомителя и данные о том, что тот заслуживает доверия, поскольку ранее всегда давал достоверную информацию (называть имя информатора при этом не требуется) [7, с. 118].

Хотя и в меньшей степени, чем в Англии, но от полиции в США также зависит судьба уголовного преследования. Полиция может ограничиться предупреждением, внушением и т. д. (до 15 % от всех случаев производства расследования) [4, с. 242].

Судебная практика в США свидетельствует, что де-факто суды в большинстве случаев доверяют полицейским, поскольку основывают обвинительные приговоры на информации, которая содержится в рапортах сотрудников полиции или прилагаемых к ним документах, хотя таковые самостоятельного доказательственного значения и не имеют [7, с. 66].

В континентальном процессе отношение к информации, полученной полицией на досудебном производстве, во многом зависит

от того, насколько детально регламентирована деятельность полиции.

В Германии, где формой досудебного производства является прокурорское дознание, которое должно проводиться прокурором, но часто в полном объеме проводится полицией, осуществляется так называемое свободное доказывание, где правила не строгие и их не много. Полиции и прокуратуре предоставлена свобода действий [4, с. 419]. Составление протоколов допросов обязательно только для судебных допросов, прокуратура вправе отказаться от составления протокола, если выполнение требований закона вызовет существенное затягивание расследования. Составление протокола допроса полицией вообще не предусмотрено.

Допустимость доказательств зависит от серьезности нарушений, особенно связанных с игнорированием прав и свобод человека. Показания, полученные путем применения незаконных методов допроса обвиняемого, не могут быть использованы даже при согласии обвиняемого [4, с. 425].

Однако распространено такое отношение, что поскольку полиция действует в необычных условиях неотложности первичных действий, то невозможно простое перенесение применения норм судебного допроса, который проводится в спокойной обстановке, на полицейский допрос. Полиция действует как «воинское подразделение перед лицом врага», когда необходимо проявлять более жесткий нрав по сравнению с действиями «тыловых штабов» [4, с. 44].

В Германии, где в уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрены негласные способы получения доказательств, допускается допрос сотрудников полиции, обладающих информацией, полученной от лиц, данные о которых не подлежат раскрытию. В этом случае полицейские сообщают информацию, однако не раскрывают источник, ссылаясь на нормы, обеспечивающие охрану соответствующей тайны. В этом случае сотрудники полиции считаются свидетелями «по слуху», которые, согласно позиции Верховного Суда ФРГ, вполне могут быть допрошены [4, с. 458].

В ряде случаев, если недопустимо огласить показания лица, допускается допросить полицейского, производившего процессуальное действие, как свидетеля (однако при целом ряде оговорок) [2, с. 271]. На практике даже для подтверждения признания лица в совершении преступления в уголовном процессе ФРГ широко практикуется допрос в качестве свидетелей должностных лиц, допрашивавших лицо ранее, в том числе и полицейских [4, с. 461]. Допрос полицейского в суде в ряде случаев может быть заменен оглашением протокола допроса.

В Бельгии, где действует положение о свободе получения доказательств, судья полагается на доказательства, независимо от способов их получения, если они полезны и при этом отсутствует посягательство «на нравственную свободу индивида» [4, с. 19]. Интересно, что УПК Бельгии не распространяет принцип презумпции невиновности на некоторые составы преступлений, которые состоят в нарушении конкретных предусмотренных нормативными актами правил. В основу обвинительных приговоров по таким делам кладутся протоколы, составленные полицейскими, показаниям которых в указанных случаях придается особое доказательственное значение [4, с. 23]. Доказать, что в протоколе содержится недостоверная информация, должен обвиняемый.

О непредвзятом отношении к сотрудникам полиции при их участии в уголовном судопроизводстве, в том числе в качестве свидетелей, свидетельствует неизвестность большинству иностранных государств института понятых (США, Великобритания, Германия, Франция).

Таким образом, в зарубежных странах степень доверия к работе полиции достаточно высока, что отражается на оценке ее результатов даже в сфере уголовного судопроизводства.

И здесь нельзя не обратить внимание еще на один важный вопрос. Особая социальная функция, выполняемая полицейскими, требует особых уголовно-процессуальных гарантий.

Это объективно необходимо и подтверждается результатами научных экспериментов. Так, криминологи США и Европейского союза провели серию экспериментов с представителями гражданского населения путем воспроизведения обстановки весьма близкой к реальности, в которой требовалось принять решение о применении полицейскими огнестрельного оружия. Эксперимент показал, что подавляющее большинство лиц на месте полицейского в предложенных условиях приняли бы решение о стрельбе в предполагаемого преступника. При этом при оценке представителями гражданского населения действий полиции только 10 % посчитали, что в таких ситуаци-

ях полицейские применили оружие правомерно [5, с. 308–315]. Это свидетельствует о том, что полицейским требуются дополнительные гарантии в ходе уголовного судопроизводства.

В связи с этим интересное положение сохранилось в Уголовно-процессуальном кодексе Италии 1930 г.: уголовное преследование против органов охраны общественной безопасности, против агентов судебной полиции и против лиц, состоящих на военной службе, задействованных в охране общественной безопасности, за действия, совершенные при исполнении служебных обязанностей с применением оружия, иных средств принудительного воздействия, осуществлялось только с разрешения министра юстиции. Объяснялось это положение так: «Нельзя надеяться, что названные должностные лица и агенты будут выполнять свои обязанности с надлежащей быстротой и энергией, если закон не освободит их от опасения, что они могут подпасть под уголовное преследование всякий раз, когда им при исполнении обязанностей приходится совершить действие, которое закон абстрактно рассматривает как преступление» [9, с. 58–59].

Подводя отдельные итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что ни в англо-американской, ни в континентальной системе уголовного судопроизводства нет прямого указания на безусловное доверие действиям и показаниям сотрудников полиции, между тем отдельные элементы уважительного отношения к труду полицейских и его результатам в доказательственном праве зарубежных государств прослеживаются. Они сегодня должны быть учтены и в России. Вместе с тем актуальным для нашего государства является законодательное решение проблемы дополнительных процессуальных гарантий для сотрудников органов внутренних дел. Уголовно-процессуальное законодательство должно содержать гарантии полицейской деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. При их отсутствии полицейский не может действовать уверенно, надежно защищая интересы общества и государства, охраняя права и свободы граждан.

Список литературы:

1. Барабанов П. К. Уголовный процесс в Великобритании. М., 2015.
2. Барабанов П. К. Уголовный процесс ФРГ. М., 2014.
3. Глушков М. Р. К вопросу о регулировании досудебного производства в США // Библиотека криминалиста. 2016. № 2 (25).

References:

1. Barabanov P. K. Ugolovnyj process v Velikobritanii. M., 2015.
2. Barabanov P. K. Ugolovnyj process FRG. M., 2014.
3. Glushkov M. R. K voprosu o regulirovanii dosudebnogo proizvodstva v SSHA // Biblioteka kriminalista. 2016. № 2 (25).

4. Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. 2-е изд., доп. и испр. М., 2002.
5. Киселев А. К. Стрелять или не стрелять: мнения по поводу применения оружия полицейскими // Библиотека криминалиста. 2013. № 3 (8).
6. Кубышко В. Л. Ведомственная профессионально-практическая психология в контексте 300-летия российской полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74).
7. Ларичев В. В., Зайцев О. А. Предварительное расследование преступлений в США и Германии. М., 2008.
8. Майоров В. И., Дунаева О. Н. Современные концепции взаимодействия полиции и обществности как средства противодействия преступности: опыт зарубежных стран и России // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2017. № 1 (39).
9. Полянский Н. Н. Итальянский Уголовно-процессуальный кодекс (обзор) (первая часть рукописи) // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 1.
10. Тепляшин И. В., Новиков Д. О. Общественный контроль как форма правоохранительной деятельности // Юрист-Правовед. 2017. № 3 (82).
11. Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран: в 15 т. М., 2016. Т. 1.
4. Gucenko K. F., Golovko L. V., Filimonov B. A. Ugolovnyj process zapadnyh gosudarstv. 2-e izd., dop. i ispr. M., 2002.
5. Kiselev A. K. Strelyat' ili ne strelyat': mneniya po povodu primeneniya oruzhiya policejskimi // Biblioteka kriminalista. 2013. № 3 (8).
6. Kubyshko V. L. The departmental professional and practical psychology in the context of the 300th anniversary of the Russian police // Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia. 2017. № 2 (74).
7. Larichev V. V., Zajcev O. A. Predvaritel'noe rassledovanie prestuplenij v SSHA i Germanii. M., 2008.
8. Majorov V. I., Dunaeva O. N. Sovremennye koncepcii vzaimodejstviya policii i obshchestvennosti kak sredstva protivodejstviya prestupnosti: opyt zarubezhnyh stran i Rossii // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2017. № 1 (39).
9. Polyanskij N. N. Ital'yanskij Ugolovno-processual'nyj kodeks (obzor) (pervaya chast' rukopisi) // Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process. 2018. № 1.
10. Teplyashin I. V., Novikov D. O. Obshchestvennyj kontrol' kak forma pravoohranitel'noj deyatel'nosti // Jurist-Pravoved. 2017. № 3 (82).
11. Trefilov A. A. Ugolovnyj process zarubezhnyh stran: v 15 t. M., 2016. T. 1.

Для цитирования:

Антонов И. А., Победкин А. В. Презумпция доверия полиции в сфере уголовного судопроизводства (зарубежный опыт) // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 74–79.

For citation:

Antonov I. A., Pobedkin A. V., Presumption of the police confidence in a sphere of the criminal proceedings (the foreign experience) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 74–79.

А. К. ИСЕРГЕПОВА,
адъюнкт*

Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация,
125993, г. Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1
E-mail: alissa17issergepova@mail.ru
Научная специальность:
12.00.09 – уголовный процесс.

A. K. ISERGEPOVA,
Adjunct**

Saint-Petersburg University of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125993, Saint-Petersburg,
Letchika Pilyutova St., 1
E-mail: alissa17issergepova@mail.ru
Scientific speciality:
12.00.09 – Criminal Procedure.

УДК 343.8:94(574)

Дата поступления статьи: 21 февраля 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Пробационная деятельность по законодательству Республики Казахстан и значение ее результатов в сфере уголовного процесса

Testing Activities Under the Legislation of the Republic of Kazakhstan and the Importance of Its Results in the Field of Criminal Procedure

Аннотация

Актуальность: роль пробации состоит в глубоком и всестороннем исследовании личности обвиняемого (подозреваемого), результаты которого направляются в суд. Представленный суду досудебный доклад дает дополнительную информацию о подсудимом, которая не всегда может быть получена органами уголовного преследования либо в процессе судебного разбирательства.

Цель: в статье рассматриваются вопросы о сущности и значении системы пробации в уголовном процессе по законодательству Республики Казахстан. Автор уделяет внимание элементам способа обеспечения пробационной работы в уголовном судопроизводстве.

Методы: исследованы правовые и организационные основы реализации процессуального права обвиняемого (подозреваемого) на осуществление досудебной пробации в ходе предварительного следствия. Вместе с тем представлены промежуточные результаты ведомственного проекта по совершенствованию института пробации в Казахстане, анализируется деятельность национальной службы пробации на этапе досудебного производства.

Вывод: полученный материал в дальнейшем обеспечивает сотрудников службы пробации

Annotation

The relevance: the role of probation is a deep and comprehensive study of the identity of the accused (suspect), the results of which are sent to the court. The pre-trial report submitted to the court provides additional information on the defendant, which may not always be obtained by the prosecution authorities or in the course of the trial.

The purpose: the article deals with the nature and significance of the probation system in criminal proceedings under the legislation of the Republic of Kazakhstan. The author pays considerable attention to the elements of the method of probation work in criminal proceedings.

The methods: we investigated the legal and organizational bases of realization of the procedural rights of the accused (suspect) to carry out pre-trial probation in the course of preliminary investigation. At the same time, the interim results of the departmental project to improve the Institute of probation in Kazakhstan are presented, the activities of the national probation service at the pre-trial stage are analyzed.

The conclusion: the material obtained further provides the probation service or institution of the penal system with the necessary data on the convict.

* Ранее – преподаватель кафедры организации социальной работы в органах внутренних дел Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева.

** Earlier – Lecturer in Social Work Organization in the Kostanay Academy of the Ministry of the Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan name of Shrakbek Kabylybaev.

либо учреждения уголовно-исполнительной системы необходимыми данными об осужденном.

Ключевые слова: личность обвиняемого; досудебная пробация; досудебный доклад; служба пробации; суд.

Key words: *personality of the accused; pre-trial probation; pre-trial report; probation service; court.*

Введение

Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев в Послании народу Казахстана от 5 октября 2018 г. отметил, что одним из важных направлений в модернизации страны является внедрение новых современных форматов работы с населением, а также кардинальное изменение критериев оценки полиции. В сознании граждан должно укрепиться, что полицейский не карает, а помогает в трудной ситуации¹. Указанное положение определяет тенденцию развития уголовной политики, которое выражается в глубоком преобразовании деятельности правоохранительных органов. Одним из таких новых форм и методов работы сотрудников органов внутренних дел с населением стал институт пробации.

В целях осуществления республиканской программы «План нации – 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ» 30 декабря 2016 г. был принят Закон Республики Казахстан «О пробации»² (далее – Закон РК «О пробации»).

В законе указано, что пробация – это система видов деятельности и индивидуально определяемых мер контрольного и социально-правового характера, направленных на коррекцию поведения лиц, категории которых определены законом, для предупреждения совершения ими уголовных правонарушений.

Авторы комментария к Закону РК «О пробации» справедливо, на наш взгляд, отмечают, что данный закон является новым направлением развития правовой системы, придает казахстанской модели пробации стройную систему и логическую связь между государством и гражданином, закладывает основные гуманистические идеи государства [9, с. 4].

В рамках настоящего исследования, которое направлено на изучение деятельности службы пробации в уголовном судопроизводстве, считаем существенно важным обратить внимание на кон-

кретную модель института пробации в виде досудебной пробации.

В соответствии с п. 13.1 ч. 9 ст. 68 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан³ (далее – УПК РК) подозреваемый имеет право обратиться в службу пробации для проведения в отношении него досудебной пробации. Аналогичным процессуальным правом наделяется обвиняемое лицо в процессе досудебного производства (ч. 5 ст. 65 УПК РК).

Под досудебной пробацией понимается деятельность и совокупность мер по оказанию социально-правовой помощи подозреваемому, обвиняемому, направленным на коррекцию их поведения (ст. 13 Закона РК «О пробации»).

По мнению А. Б. Скакова, досудебная пробация предназначена для помещения лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, под контроль и надзор службы пробации с применением разработанных и реализуемых индивидуально комплекса мер, направленных на коррекцию их поведения с целью исправления, оказанию им социально-правовой и иной помощи, а также предупреждения совершения ими новых уголовных правонарушений [11, с. 72].

В масштабе реализации коррекционного воздействия на обвиняемого (подозреваемого) сотрудники службы пробации выполняют всестороннее и полное изучение личности лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Сотрудники наделены полномочиями в виде «осуществления подготовки досудебного доклада в отношении подозреваемого, обвиняемого»⁴, представляющего собой своего рода «социальный портрет», характеристику личности и условий жизни правонарушителя, в котором в обязательном порядке содержатся рекомендации суду по избранию наиболее действенной меры уголовного наказания к данному лицу. Однако целенаправленное урегулирование их поведения выражается в оказании социально-правовой помощи посредством индивидуальной программы службы пробации. Таким образом, по нашему мнению, систему пробации в сфере уголовного судопроизводства можно разделить на следующие направления: 1) социально-ориентированный подход, который направ-

¹ Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана от 5 октября 2018 г. URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-nnazarbaeva-narodu-kazahstana-5-oktyabrya-2018-g (дата обращения: 01.02.2019).

² О пробации: закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38-VI ЗПК. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36232217 (дата обращения: 01.02.2019).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗПК. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 01.02.2019).

⁴ Там же.

лен на социально-психологическое обследование личности обвиняемого (подозреваемого); 2) социально-коррекционный аспект, заключающийся в предоставлении необходимой поддержки и помощи гражданину, преступившему закон.

В зарубежной практике пробационная деятельность в сфере социально-психологического обследования личности обвиняемого (подозреваемого) относится к одной из наиболее масштабных объемов работы, в которой задействовано значительное число сотрудников пробации, причем нередко эта функция является приоритетной, и данный сотрудник осуществляет свою работу непосредственно в суде. Что касается современных условий реализации досудебной пробации в Казахстане, следует отметить следующее: сотрудники службы пробации действуют в организационно-правовых рамках уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Казахстан (далее – МВД РК).

Н. Т. Ведерников сходитя во мнении, что личность – это определенный социальный тип человека, сформированный специфическими условиями общества. Наряду с этим под личностью стоит понимать «конкретного индивида, в котором социальные свойства выражены в индивидуально своеобразной форме» [3, с. 9]. По мнению Н. Т. Ведерникова, смысл понятия «личность обвиняемого» заключается «в личностной характеристике названного субъекта, которая требует раскрытия содержания личности по существу» [4, с. 46].

Как считает Н. Н. Гребнёва, отсутствие установления и исследования личности обвиняемого не даст на должном уровне реализовать назначение уголовного судопроизводства, установить степень общественной опасности и назначить уголовное наказание лицу, совершившему преступление [7, с. 6].

Учитывая мнения зарубежных ученых и специалистов в вопросах качественного изучения социального, правового и психологического состояния обвиняемого (подозреваемого), необходимо признать, что роль досудебной пробации на стадии уголовного процесса весьма положительная. Тем не менее, несмотря на имеющийся многолетний опыт функционирования досудебной пробации в различных государствах (например, Англия, Нидерланды, США, Франция, Швейцария, Латвия и др.), казахстанская модель содержит определенные отличительные атрибуты в характере, функциях и организационном построении системы пробации в уголовном судопроизводстве.

К особенностям производства досудебной пробации в Республике Казахстан необходимо отнести следующее:

1. В соответствии со ст. 13 Закона РК «О пробации» досудебная пробация осуществляется на добровольной основе по письменному заявлению обвиняемого (подозреваемого).

2. Национальное пробационное законодательство определило круг лиц, которые имеют право на реализацию в отношении них досудебной пробации. Так, к данной категории обвиняемых (подозреваемых) относятся:

- несовершеннолетние лица;
- инвалиды;
- женщины в возрасте пятидесяти восьми и свыше лет; беременные; имеющие малолетних детей в возрасте до трех лет;
- мужчины в возрасте шестидесяти трех и свыше лет; воспитывающие в одиночку малолетних детей в возрасте до трех лет (п. 1 ст. 13 Закона РК «О пробации»).

Мы полагаем, данное положение обусловлено тем, что, устанавливая неширокий круг лиц обвиняемых (подозреваемых), законодатель заведомо определил потенциальных клиентов пробации, в рамках приговорной пробации. Так, предусмотренная законом категория обвиняемых (подозреваемых) относится к социально уязвимой ячейке населения. Учитывая современную судебную практику Казахстана, в отношении них зачастую применяются наказания или меры уголовно-правового воздействия без изоляции от общества.

По этому поводу один из первых отечественных ученых в области пробации М. Р. Гета заметил, что «элементы досудебной и приговорной пробации взаимосвязаны, и обоснованное решение о направлении на пробацию должно приниматься с учетом социально-психологического «портрета» обвиняемого, то есть еще до вступления в законную силу обвинительного приговора суда» [6, с. 3]. Так, закрепленная узконаправленная категория лиц не дает возможности воспользоваться процессуальным правом в виде досудебной пробации остальным обвиняемым (подозреваемым), что, на наш взгляд, является весьма неразумным. Мировая практика свидетельствует о том, что досудебный доклад составляется относительно любого преступника по требованию суда, без учета каких-либо иных обстоятельств. Таким образом, в случае применения наказания, связанного с лишением свободы, имеющийся социально-психологический материал направляется в администрацию пенитенциарного учреждения.

3. В то же время законом установлено ограничение в отношении лиц, которые имеют право на досудебную пробацию. Указанное положение связано с мерами уголовно-процессуального принуждения. Исходя из этого, согласно ч. 1 ст. 13 Закона РК «О пробации», обвиняемые (подозреваемые), в отношении которых применены меры пресечения в виде домашнего ареста или содержания под стражей, не могут обратиться в службу пробации.

При решении вопроса о применении той или иной меры пресечения орган, ведущий уголовный процесс, учитывает категорию уголовного правонарушения. В соответствии с нормами

УПК РК к мерам пресечения, изолирующим обвиняемого (подозреваемого) от общества, прибегают в случае совершения тяжкого или особо тяжкого преступления. Из этого следует, что суд с большой вероятностью применит в отношении лица уголовное наказание в виде лишения свободы.

4. Служба пробации проводит более глубокий анализ личности обвиняемого (подозреваемого) посредством психосоциального тестирования, бесед с правонарушителем, его родными, близкими людьми и иных методов. Так, приказом МВД РК от 4 февраля 2017 г. № 90 были приняты Методика проведения психосоциального тестирования личности подозреваемого, обвиняемого на стадии досудебной пробации, и Методика подготовки досудебного доклада, которые устанавливают действия сотрудников в ходе работы с обвиняемым (подозреваемым), а также дают четкое предписание тому, что должен содержать досудебный доклад.

5. В процессе реализации досудебной функции сотрудники службы пробации не относятся к числу стороны защиты либо обвинения.

6. Ранее было отмечено, что важное место в пробационной деятельности занимает оказание социально-правовой помощи обвиняемому, подозреваемому. В процессе досудебной пробации социально-правовая помощь выражается в выполнении совокупности мер, нацеленных на коррекцию поведения подозреваемого, обвиняемого, сохранение или восстановление утраченных ими социально-полезных связей и предполагает проведение четких мероприятий в области ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации указанных лиц. Социально-правовая помощь обеспечивается путем:

- получения медицинских услуг;
- получения среднего образования;
- овладения профессией (профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации);
- содействия в трудоустройстве;
- обеспечения психологического сопровождения;
- получения установленных законодательством Республики Казахстан льгот и социальных выплат;
- социально-психологического и психологического консультирования;
- социального патронажа;
- помощи в восстановлении семейных и иных социально-позитивных связей при условии взаимного согласия сторон;
- обеспечения местом пребывания;
- организации реабилитационных мероприятий;
- привлечения к участию в культурных мероприятиях;
- предоставления консультаций по социально-правовым вопросам (ст. 6 Закона РК «О пробации»).

В соответствии с п. 4 ст. 13 Закона РК «О пробации» служба пробации составляет индивидуальную программу оказания социально-правовой помощи в отношении обвиняемого, подозреваемого и обеспечивает ее реализацию.

7. Результат работы сотрудников пробации выражается в составлении досудебного доклада, который по завершении досудебной пробации предоставляется в суд. В свою очередь, суд принимает к сведению предоставленную информацию в отношении подсудимого.

Исходя из нормативного регулирования вопроса в ст. 14 Закона РК «О пробации», дается определение досудебному докладу, в котором закреплено, что это информация о личностных особенностях подозреваемого, обвиняемого, выполнении ими мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой оказания социально-правовой помощи, следовании рекомендациям службы пробации и принятии ее помощи.

Авторский коллектив комментария к Закону РК «О пробации» акцентировал внимание на том, что досудебный доклад носит непроцессуальный характер, что соответствует п. 7-1 Минимальных стандартных правил в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийскими правилами). В частности, непроцессуальный характер досудебного доклада обуславливается следующими обстоятельствами: отсутствует правовая оценка совершенного деяния, приводится лишь достоверная и социально значимая информация о правонарушителе, его образе жизни, семье, условиях проживания, вредных привычках и иных обстоятельствах, которые могут повлиять на решение суда о применении (неприменении) альтернативных мер уголовного наказания; служба пробации не имеет статус участника уголовного процесса; заключение сотрудника службы пробации, составившего досудебный доклад, носит рекомендательный характер для суда [9, с. 155–156].

Указанное обстоятельство нашло свое отражение в научных трудах казахстанских исследователей, по мнению которых необходимо принять меры по представлению положения сотрудника службы пробации как правомерного участника уголовного процесса и внесению в уголовное судопроизводство процессуальную значимость досудебного доклада [2, с. 110; 12, с. 90].

В рамках реализации проекта Европейского союза «Совершенствование уголовного правосудия Республики Казахстан» международные эксперты из Великобритании и Нидерландов провели практический тренинг «Служба пробации в системе уголовного правосудия: Европейская модель» с сотрудниками службы пробации со всех регионов республики. Тренинг был направлен на формирование индивидуального подхода сотрудника службы пробации к делу с использованием модели RNR (Риски, потребности и реаги-

рование); на приобретение коммуникативных навыков, навыков интервьюирования и навыков построения отношений с подучетным лицом; на понимание ключевых целей и содержания досудебных отчетов и других отчетов для прокуроров и (или) судей; на понимание рисков предвзятости, предубеждений и дискриминации в процессе оценки [10, с. 97].

Приказом МВД РК от 29 марта 2018 г. № 243 создана межведомственная рабочая группа по вопросам совершенствования института пробации. Данный приказ определил пилотируемые регионы: службы пробации Сарыаркинского района г. Астана, Баянаульского района Павлодарской области, г. Темиртау Карагандинской области.

Проведение данного проекта обусловлено необходимостью внедрения инновационных приемов и методов пробационной работы, в частности дальнейшее совершенствование действующей модели досудебной пробации, анализ рабочих процессов, внедрение системы оценки рисков правонарушителя, повышение роли досудебного доклада.

Верховным Судом Республики Казахстан было инициировано требование о направлении запросов судьям пилотируемых регионов в службы пробации о предоставлении досудебных докладов и психосоциальной оценки в отношении подсудимых.

По данным Комитета уголовно-исполнительной системы МВД РК, проведенный мониторинг промежуточных результатов пилотного проекта показал следующие результаты. Так, сотрудниками службы пробации Сарыаркинского района г. Астана были составлены оценки рисков правонарушителя в отношении 27 подучетных лиц. С применением системы оценки риска правонарушителя подготовлены три досудебных доклада, которые в последующем направлены в суд. В период досудебной пробации обвиняемым (подозреваемым) оказывалось содействие в получении психологической помощи, в остальной социально-правовой помощи отказано.

Службой пробации Баянаульского района Павлодарской области были составлены два досудебных доклада в отношении обвиняемых (подозреваемых). Так, психологом Центральной районной больницы была оказана психологическая помощь в отношении обвиняемого М., 3 ноября 1993 г. р. Кроме того, отделом занятости и социальных программ района была оказана адресная социальная помощь нового формата в сумме 150 тыс. тенге и выдана единовременная материальная помощь в сумме 24 тыс. тенге, из которых обвиняемый М. полностью возместил материальный ущерб потерпевшей стороне в сумме 62 тыс. тенге. Баянаульским район-

ным судом дело в отношении вышеуказанного лица было прекращено за примирением сторон.

Обвиняемому К., 7 сентября 1991 г. р., была оказана психологическая помощь и выдана единовременная материальная помощь в сумме 24 050 тенге.

В службу пробации г. Темиртау Карагандинской области поступило десять заявлений от обвиняемых (подозреваемых) с обращением осуществления в отношении них досудебной пробации. По итогам проведенной работы четыре досудебных доклада направлены в городской суд г. Темиртау, из которых два досудебных доклада применены судом при вынесении судебного решения.

В ходе проведения досудебной пробации, помимо изучения личности обвиняемых (подозреваемых), в рамках оказания социально-правовой помощи негосударственным учреждением «Детство» были предоставлены продукты питания и средства личной гигиены. Кроме того, подозреваемому Н. была оказана помощь в трудоустройстве через центр занятости населения г. Темиртау, который получил направление в ТОО «ТЭЦСТРОЙ» разнорабочим. Также отделом занятости и социальных программ г. Темиртау ему было предоставлено временное жилье [8].

Имеющиеся результаты и анализ деятельности службы пробации в пилотируемых регионах показали, что реализация досудебной пробации труднодостижима в правоприменительной практике.

По мнению практических сотрудников службы пробации, одной из причин столь низкого уровня реализации досудебной пробации в уголовном судопроизводстве является отсутствие заинтересованности со стороны обвиняемых и подозреваемых в использовании пробационного права. Это объясняется тем, что лица, подвергшиеся уголовному преследованию, прежде всего ориентированы на юридические аспекты уголовного дела, от которого зависит решение суда.

По нашему мнению, такая ситуация сложилась в связи с тем, что пробационная деятельность в уголовном процессе воспринимается как социальный институт. Причины этого положения ранее указывались: подготавливаемый досудебный доклад не относится к процессуальным документам, а статус сотрудников службы пробации не определен в качестве участников или иных лиц, участвующих в уголовном процессе.

Несмотря на указанные обстоятельства, необходимо отметить, что в рамках досудебной пробации обвиняемые (подозреваемые) проявляют доверие к сотрудникам службы пробации, психологически раскрываются и оказывают содействие в подготовке материала, что в свою очередь положительно отражается на качестве составления досудебного доклада.

С. Н. Бачурин считает целесообразным участие медиатора в досудебной пробации, возможное его взаимодействие между подозреваемым, обвиняемым и сотрудником службы пробации [1, с. 11]. Так, в соответствии с п. 15 ч. 9 ст. 68 УПК РК подозреваемый имеет право примириться с потерпевшим в случаях, предусмотренных законом, в том числе в порядке медиации. Предложение стороне обратиться к медиации может быть сделано по просьбе другой стороны, судом или органом уголовного преследования⁵.

Опыт зарубежных стран показывает, что медиация как элемент восстановительного правосудия реализует комплекс социальной и психологической работы, которая осуществляется в рамках пробационной деятельности [5, с. 149]. Следовательно, институт медиации базируется на двухвекторной уголовной парадигме, одна из которых направлена на исправление правонарушителя, вторая – на примирение сторон уголовно-правового конфликта, а значит на восстановление баланса общественных отношений.

Что касается казахстанской формы медиации, на сегодняшний день имеет место лишь компенсационное содержание за нарушенное благо. Однако мы считаем, что взаимодействие между службами пробации и медиации оптимизирует обеспечение гарантий между правами обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего, а также

⁵ О медиации: закон Республики Казахстан от 5 января 2011 г. № 401-IV. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 01.02.2019).

интересами общества в вопросах общественной безопасности и предупреждения преступного поведения.

Заключение

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод о том, что пробационная работа в вопросах изучения личности обвиняемого (подозреваемого) производится довольно не часто. Причиной тому является то, что досудебная пробация – особый вид деятельности службы пробации, которая ранее не применялась. Национальная модель досудебной пробации имеет характерные признаки от той модели пробации, которая признана международным сообществом. Однако созданная ведомственным Министерством рабочая группа предполагает, что система досудебной пробации в уголовном судопроизводстве будет совершенствоваться и приводиться в соответствие с международными стандартами.

В заключение следует отметить, что служба пробации Республики Казахстан находится на пути достижения определенных положительных результатов в области реализации института пробации в уголовном процессе. Главная задача состоит в том, чтобы повысить уровень применения пробации на стадии досудебного производства при расследовании уголовных дел, а также закрепить статус сотрудника службы пробации в нормах национального уголовно-процессуального законодательства в качестве иных лиц, участвующих в судебном разбирательстве, что будет рассмотрено в последующих научных статьях.

Список литературы:

1. Бачурин С. Н. Медиация в Казахстане: краткий обзор достижений и нерешенных проблем // Международный журнал «Наука». Костанай, 2017. № 4 (55).
2. Бачурин С. Н., Исергепова А. К. Эволюция развития и функционирования досудебной пробации в зарубежных странах и в законодательстве Республики Казахстан (сравнительно-правовой анализ) // III Международный пенитенциарный форум: преступление, наказание, исправление. Рязань, 2017. Т. 3.
3. Ведерников Н. Т. Личность обвиняемого и подсудимого: понятие, предмет и методика изучения. Томск, 1978.
4. Ведерников Н. Т. Место и роль личности обвиняемого в предмете доказывания по уголовному делу // Государство и право. 2003. № 6.
5. Габараев А. Ш. Пенитенциарная медиация как инструмент совершенствования уголовно-исполнительной политики Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 4.

References:

1. Bachurin S. N. Mediacija v Kazahstane: kratkij obzor dostizhenij i nereshennyh problem // Mezhdunarodnyj zhurnal «Nauka». Kostanaj, 2017. № 4 (55).
2. Bachurin S. N., Isergepova A. K. 'Evolucija razvitija i funkcionirovanija dosudebnoj probacii v zarubezhnyh stranah i v zakonodatel'stve Respubliki Kazahstan (sravnitel'no-pravovoj analiz) // III Mezhdunarodnyj penitenciarnyj forum: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. Rjazan', 2017. T. 3.
3. Vedernikov N. T. Lichnost' obvinjaemogo i podsudimogo: ponjatie, predmet i metodika izuchenija. Tomsk, 1978.
4. Vedernikov N. T. Mesto i rol' lichnosti obvinjaemogo v predmete dokazyvanija po ugovnomu delu // Gosudarstvo i pravo. 2003. № 6.
5. Gabaraev A. Sh. Penitenciarnaja mediacija kak instrument sovershenstvovanija ugovlno-ispolnitel'noj politiki Rossijskoj Federacii // Ugovlno-ispolnitel'naja sistema: pravo, 'ekonomika, upravlenie. 2017. № 4.

6. *Гета М.Р.* Концептуальная организационно-правовая модель пробации в Республике Казахстан: аналитическая записка, подготовленная Центром исследования правовой политики при поддержке Института Открытого Общества (Open Society Institute). Алматы, 2011.
7. *Гребнева Н.Н.* Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, как элемент предмета доказывания по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006.
8. Информация Комитета УИС МВД РК по мониторингу промежуточного результата пилотного проекта «Совершенствование института пробации» от 3 августа 2018 г. № 30-16-294-1636 // Официальный интернет-ресурс. URL: <https://mvd.gov.kz> (дата обращения: 07.04.2019).
9. Комментарий к Закону Республики Казахстан «О пробации». Костанай, 2017.
10. *Кызылов М.А.* Развитие института пробации в Казахстане – новый этап совершенствования законодательства в области применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества // III Международный пенитенциарный форум: преступление, наказание, исправление. Рязань, 2017. Т. 1.
11. *Скаков А.Б.* Особенности пробации в отношении отдельных категорий лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства // III Международный пенитенциарный форум: преступление, наказание, исправление: материалы пленарного заседания. Рязань, 2017. Т. 1.
12. *Стамгазинова С.С., Баженов Д.С.* Пробелы правовой регламентации деятельности сотрудников службы пробации // Вестник казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. 2017. № 2 (34).
6. *Geta M.R.* Konceptual'naja organizacionno-pravovaja model' probacii v Respublike Kazahstan: analiticheskaja zapiska, podgotovlennaja Centrom issledovanija pravovoj politiki pri podderzhke Instituta Otkrytogo Obshchestva (OpenSocietyInstitute). Almaty, 2011.
7. *Grebneva N.N.* Obstoitel'stva, harakterizujushchie lichnost' obvinjaemogo, kak 'element predmeta dokazyvanija po ugovolnomu delu: dis. ... kand. jurid. nauk. Tjumen', 2006.
8. Informacija Komiteta UIS MVD RK po monitoringu promezhutochnogo rezul'tata pilotnogo proekta «Sovershenstvovanie instituta probacii» ot 3 avgusta 2018 g. №30-16-294-1636 // Oficial'nyj internet-resurs. URL: <https://mvd.gov.kz> (data obrashchenija: 07.04.2019).
9. Kommentarij k Zakonu Respubliki Kazahstan «O probacii». Kostanaj, 2017.
10. *Kyzylov M.A.* Razvitie instituta probacii v Kazahstane – novyj 'etap sovershenstvovanija zakonodatel'stva v oblasti primenenija nakazanij, ne svjazannyh s izolacijej ot obshchestva // III Mezhdunarodnyj penitencijarnyj forum: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. Rjazan', 2017. T. 1.
11. *Skakov A.B.* Osobennosti probacii v odnoshenii otdel'nyh kategorij lic, okazavshijsja v sfere ugovolnogo sudoproizvodstva // III Mezhdunarodnyj penitencijarnyj forum: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie: materialy plenarnogo zasedanija. Rjazan', 2017. T. 1.
12. *Stamgazinova S. S., Bazhenov D.S.* Probe ly pravovoj reglamentacii dejatel'nosti sotrudnikov sluzhby probacii // Vestnik kazahskogo gumanitarno-yuridicheskogo innovacionnogo universiteta. 2017. № 2 (34).

Для цитирования:

Исергепова А.К. Пробационная деятельность по законодательству Республики Казахстан и значение ее результатов в сфере уголовного процесса // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 80–86.

For citation:

Isergepova A.K. Testing activities under the legislation of the Republic of Kazakhstan and the importance of its results in the field of criminal procedure // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 80–86.

Е. А. ЛАППО,
начальник кафедры оперативно-розыскной
деятельности,
кандидат юридических наук
Могилевский институт МВД Республики
Беларусь
Республика Беларусь, 212011, г. Могилев,
ул. Крупской, 67
E-mail: lapa.eko_part@tut.by
Научная специальность: 12.00.12 —
криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность.

E. A. LAPPO,
Candidate of Law,
Head of the Department
for Operational-Search Activity
Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Belarus
Republic of Belarus, 212011, Mogilev,
Krupskoj St., 67
E-mail: lapa.eko_part@tut.by
Scientific speciality: 12.00.12 — Criminalistics;
Forensic Activities;
Operational-Search Activity.

УДК 343.983.22

Дата поступления статьи: 19 марта 2019 г.

Дата принятия статьи к опубликованию: 21 июня 2019 г.

Об уточнении значения минимальной поражающей способности ручного стрелкового огнестрельного оружия

Clarifying the Value of Hand-Held Small Arms' Minimum Damaging Ability

Аннотация

Актуальность вопроса, исследованного автором статьи, обусловлена непрерывностью развития оружия в целом и огнестрельного оружия в частности. В настоящее время возникла необходимость в уточнении критериев оценки поражающей способности ручного стрелкового огнестрельного оружия и патронов (боеприпасов) к нему.

Цель: на основе анализа работ ученых-криминалистов, а также специалистов в области судебной медицины и раневой баллистики в статье рассматриваются вопросы, связанные с определением критериев поражающей способности ранящих снарядов, выстреленных из ручного стрелкового огнестрельного оружия.

Рассмотрены, в том числе с критической точки зрения, основные критерии установления уровня поражающей способности, применяемые в методиках криминалистического исследования данных объектов, а также используемые в судебной медицине и военной науке.

Методы: в статье проведен анализ теоретических источников по рассматриваемому вопросу, сделаны соответствующие выводы, отражающие практическую значимость для судебной баллистической экспертизы содержащихся в них сведений. Полученные резуль-

Annotation

The relevance of the issue investigated by the author is due to the continuity of the development of weapons in general and firearms in particular. Currently, there is a need to clarify the criteria for assessing the damaging ability of handguns and ammunition (ammunition).

The purpose: based on the analysis of the works of forensic experts, as well as experts in the field of forensic medicine and wound ballistics, the article discusses issues related to the definition of the criteria for the damaging ability of injuring projectiles fired from handguns.

Article considers, including from a critical point of view, the main criteria for determining the level of destructive ability, used in the methods of forensic research of these objects, as well as used in forensic medicine and military science.

The methods: the article analyzes theoretical sources on the issue, draws appropriate conclusions reflecting the practical significance of the information contained here for the judicial ballistic examination. The obtained results of the theoretical study were confirmed by the results of experimental shooting from handguns at biological objects in controlled conditions.

The conclusions: based on the processing of the experimental data obtained by statistical analysis

таты теоретического исследования были подтверждены результатами экспериментальной стрельбы из ручного стрелкового огнестрельного оружия по биообъектам в контролируемых условиях.

Выводы: на основе обработки полученных экспериментальных данных методами статистического анализа сформулированы выводы о необходимости изучения свойств элементов системы «боеприпас – оружие – цель»: а) поражающей способности ранящего снаряда патрона (боеприпаса), применяемого для стрельбы; б) свойств ручного стрелкового огнестрельного оружия (длина ствола, калибр); в) восприимчивости и уязвимости биологической цели к поражающим факторам ранящего снаряда.

Ключевые слова: *огнестрельное оружие; патроны; боеприпасы; судебная баллистика; поражающая способность.*

methods, there were made the conclusions about the need to study the properties of the «ammunition – weapon – target» system elements: a) the damaging ability of the injuring cartridge (ammunition) used for firing; b) the properties of hand-held small-arms firearms (barrel length, caliber); c) the receptivity and vulnerability of a biological target to the damaging factors of a hurting projectile.

Key words: *firearms; injuring cartridge (ammunition); forensic ballistics; damaging ability.*

Введение

Отнесение объектов экспертного исследования, проводимого в рамках судебной баллистической экспертизы к категориям ручного стрелкового огнестрельного оружия и патронов, используемых в нем для стрельбы, является одной из важнейших задач данной экспертизы и предопределяет наличие некоторых проблем по установлению объективного критерия поражающей способности одиночного метаболического элемента (пули), выраженного в количественных показателях, на основе которого и происходит процесс дифференциации.

Следует отметить, что первоначально исследования эффективности действия ручного стрелкового огнестрельного оружия по биологической цели (человеческому организму) заинтересовали военных специалистов в конце XIX – начале XX в. Активное участие в исследовании поражающего действия таких пуль приняли известные специалисты в области военного ручного стрелкового огнестрельного оружия: Н. П. Потоцкий, В. Г. Фёдоров, А. А. Благодоров, а также известный врач Н. И. Пирогов [7, с. 462].

На основе выводов специальной комиссии (1911–1913 гг.), проводившей экспериментальную стрельбу по биообъектам для исследования поражающего действия пуль ручного стрелкового огнестрельного оружия уменьшенного калибра, А. А. Благодоров в отношении понятия «убойное действие», характеризующего действие пули по биологической цели, указывал на недостаточную разработанность указанного вопроса ввиду многообразия участвующих в процессе поражения факторов [3, с. 18–24; 21, с. 104–121].

Характеризуя убойное действие пуль ручного стрелкового огнестрельного оружия, военный врач С. С. Гирголав высказал мнение о том, что организм человека или животного реагирует на огнестрельное ранение по-разному. Автор указывал, что это свойство зависит от степени воздействия на биологические ткани тех либо иных органов, подтверждая сделанные выводы практикой оказания медицинской помощи раненым во время военных конфликтов и мнением Н. И. Пирогова, который пришел к аналогичному умозаключению [14, с. 19].

При поэтапном уменьшении калибра ручного стрелкового огнестрельного оружия военными стала отмечаться низкая эффективность действия оболочечных пуль на близких дистанциях стрельбы. Для устранения указанного недостатка в патронах (боеприпасах) стали применяться пули с притупленной вершинкой, а калибр пуль патронов (боеприпасов) для пистолетов и револьверов был несколько увеличен. Указанные меры позволили обеспечить приемлемую величину передачи кинетической энергии поражаемой цели за счет увеличения тормозящего эффекта в момент поражения. Данный поражающий фактор впоследствии получил название *останавливающего действия*.

В литературных источниках по вопросам исследования ручного стрелкового огнестрельного оружия приводятся следующие характеристики рассматриваемого поражающего фактора: «способность пули наиболее быстро расстраивать жизненные функции организма, *немедленно* (здесь и далее выделено нами. – Е. Л.) лишая противника возможности владеть своим оружием и способности к дальнейшему сопротивле-

нию» [10, с. 13]; «способность пули при попадании в живую цель *мгновенно* расстраивать функции организма, лишая противника способности к дальнейшему сопротивлению» [6, с. 113–114]; «...способность *немедленно* выводить из строя живые цели» [4, с. 21]; необходимость «иметь оружие, которое мгновенно могло бы *абсолютно парализовать* врага даже при попадании в такие части тела, поражение которых непосредственной опасности для жизни не представляет» [9, с. 25].

Вышеизложенные точки зрения, на наш взгляд, являются дискуссионными, поскольку утверждение о немедленном (мгновенном, абсолютном) поражении цели невозможно ввиду незначительных размеров проекций органов человеческого организма, повреждение которых влечет наступление мгновенной смерти; вероятностного характера их поражения в результате стрельбы. Причинение повреждений таким органам без полной утраты их функций, а следовательно и жизнеспособности организма, не является определяющим условием для прекращения активного противодействия в момент вооруженного противоборства.

Кроме того, шок, являющийся результатом огнестрельной травмы, характеризуется фазовым характером его протекания. В результате огнестрельного ранения у человека в эректильной фазе может наступать неконтролируемое возбуждение с отсутствием адекватной оценки происходящего вокруг. Данный процесс обусловлен реакцией организма на огнестрельную травму и связан с выбросом значительного количества гормонов (адреналина и норадреналина, а также эндорфина, значительно снижающего болевую реакцию организма) [5, с. 118–124; 16, с. 71].

Помимо исследования степени воздействия пуль ручного стрелкового огнестрельного оружия на жизненно важные органы человека, в первой половине XX в. специалистами в области военной медицины стали исследоваться данные о ранениях костей скелета (в период Великой Отечественной войны такие травмы составляли около 70 % ранений) [14, с. 21]. На основе медицинской практики оказания помощи раненым военнослужащим медиками был сделан вывод, что зона и интенсивность повреждений возрастают пропорционально увеличению уровня кинетической энергии ранящего снаряда [15, с. 170; 22, с. 17–26].

Полагаем, что основной характеристикой эффективности действия ручного стрелкового огнестрельного оружия на биологическую цель является необходимый уровень выполняемых им функций в конкретных условиях его применения. Таким образом, указанная характеристика может быть выражена как в максималь-

ных, так и в минимальных значениях эффективности ручного стрелкового огнестрельного оружия, которую способен обеспечить конкретный образец.

Вместе с тем, исходя из теоретических расчетов в каждом случае практического использования ручного стрелкового огнестрельного оружия, оно в определенный момент времени будет обладать эффективностью действия ниже их максимальных теоретических значений, а следовательно, определить его максимальный уровень эффективности, исходя из вышеизложенного, не представляется возможным. Следовательно, достоверным показателем эффективности ручного стрелкового огнестрельного оружия, используемого при совершении противоправных деяний, является *минимально возможный уровень* поражающей способности ранящего снаряда [12].

Поражающая способность оружия и ее характеристики. Теоретические положения, разработанные специалистами в области технических и военных наук, позволяют определить четыре вида поражающего действия пули на поражаемую ею цель: 1) убийное; 2) останавливающее; 3) проникающее; 4) бронепробивное [6, с. 113–114]. С точки зрения судебной баллистики в части исследования проблем, связанных с определением достоверного криминалистического критерия поражающего действия ручного стрелкового огнестрельного оружия и патронов (боеприпасов), используемых в нем для стрельбы, теоретический и практический интерес представляют главным образом первые три вида.

В литературных источниках под *убийным* действием пуль ручного стрелкового огнестрельного оружия понимается действие пули, обеспечивающее поражение живой цели вследствие нарушения жизненных функций организма [6, с. 113–114; 11, с. 7].

Проникающее действие в военной науке характеризует способность пули, выстреленной из ручного стрелкового огнестрельного оружия, проходить через вязко-сыпучие преграды [6, с. 114]. В судебной баллистике под проникающей способностью понимается поражающий фактор, характеризующий возможность метаемого элемента патрона (боеприпаса) причинять проникающие повреждения внутренних органов и характеризующийся *удельной кинетической энергией* ранящего снаряда [18].

В судебной баллистической экспертизе первые попытки определить достоверную величину минимальной поражающей способности ранящего снаряда были предприняты С. Д. Кустановичем и А. И. Устиновым. Последним в результате проведенной экспериментальной стрельбы по трупному материалу был установ-

лен так называемый *минимальный порог поражаемости* человеческого организма пулями оживальной формы, основанный на нижнем пределе скорости ранящего снаряда, при котором происходит поражения человеческого организма – 100 м/с [19, с. 16–17].

В 1977 г. Л. Ф. Саврань, проанализировав результаты эксперимента А. И. Устинова, привнес в судебную баллистику новый критерий поражающей способности метаемого элемента, выстреленного из ручного стрелкового огнестрельного оружия, – удельную кинетическую энергию [17], рассчитываемую по формуле:

$$E_y = \frac{E}{S}, \quad (1)$$

где

E_y – удельная кинетическая энергия метаемого элемента (Дж/мм²);

E – кинетическая энергия метаемого элемента (Дж);

S – площадь поперечного сечения метаемого элемента (мм²).

При этом ученый пришел к выводу, что данная величина является объективным критерием поражающего действия ручного стрелкового огнестрельного оружия и характеризуется энергетической нагрузкой пули на 1 мм² ее поперечного сечения, тем самым характеризуя ее *проникающее* действие в биологическом организме [17]. В своих работах автором приведены сведения о количественных значениях удельной кинетической энергии пуль различного калибра (табл.) с учетом разработанного А. И. Устиновым минимального порога поражаемости ($V_{\text{сн}} \geq 100$ м/с) [17; 19, с. 16–17]:

Впоследствии на основе приведенных данных Л. Ф. Савранем была разработана «Методика определения минимальной убойной силы стандартного и атипичного огнестрельного оружия и боеприпасов» [18]. Анализ производства судебных баллистических экспертиз,

а также сведения раневой баллистики, полученные в настоящее время, позволяют согласиться с ученым в том, что предложенная им в качестве основного критерия поражающей способности ранящего снаряда величина удельной кинетической энергии имеет обоснованный характер.

Вместе с тем, по нашему мнению, подход, предложенный указанным автором, имеет и ряд недостатков: исследовалась исключительно *проникающая способность* ранящих снарядов; полет пуль, выстреленных из короткоствольного нарезного ручного стрелкового огнестрельного оружия, происходил на нижнем пределе их баллистической устойчивости; автором не исследована проникающая способность пуль с иной формой головной части [18, с. 20].

Для более детального уяснения сути происходящих при стрельбе явлений и процессов следует учитывать то обстоятельство, что устойчивый полет пуль, выстреленных из нарезного ручного стрелкового огнестрельного оружия, может быть обеспечен:

– увеличением массы головной части пули (характерно для стреловидных пуль);

– приданием метаемому элементу патрона (боеприпаса) вращения, в результате чего полет пули становится закономерным (однако при снижении частоты вращения ниже некоторого предела пуля теряет устойчивость в пространстве, а соответственно, поражение ею цели становится невозможным либо затруднительным) [11, с. 129].

Так, при расчете угловой скорости (частоты вращения) пули калибра $d = 5,6$ мм при дульной скорости (V_{10}) = 280 м/с и (V_{20}) = 100 м/с, угле нарезов = 3 (величина угла нарезов для указанного калибра) и длине хода нарезов канала ствола (η) (на котором пуля делает один полный оборот), выраженной в количестве калибров (*клб*), следует, что при изменении скорости поступательного движения пули в три раза во столько же раз уменьшается и ее угловая скорость ω , снижая устойчивость пули на траектории [11, с. 130, 133].

Таблица

Величина удельной кинетической энергии пуль различного диаметра

Калибр пули (мм)	Масса пули (г)	Скорость пули (м/с)	Величина кинетической энергии пули (Дж)	Площадь поперечного сечения пули (мм ²)	Величина удельной кинетической энергии пули (Дж/мм ²)
5,6	2,5	100	12,5	24,6	0,5
6,35	3,2	100	16	31,6	0,5
7,62	5,5	100	27,5	45,5	0,59
9	6,0	100	30	63,5	0,47

$$\eta = \frac{\pi}{\operatorname{tg} \alpha (3^\circ)} = \frac{3,14}{0,0524} \approx 60 \text{ (клб)}; \quad (2)$$

$$\omega_1 = \frac{V_{10}}{\eta d} = \frac{280}{60 \times 5,6 \times 10^{-3}} \approx 833 \text{ (об/с)}; \quad (3)$$

$$\omega_2 = \frac{V_{20}}{\eta d} = \frac{100}{60 \times 5,6 \times 10^{-3}} \approx 298 \text{ (об/с)}. \quad (4)$$

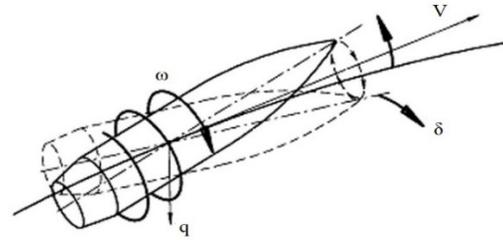

Рисунок 1.

Движения вращающейся пули в полете (ω – частота вращения, V – скорость движения поступательного движения, δ – угол прецессии, q – ускорение свободного падения) [6, с. 91].

В настоящее время достоверно изучены следующие факторы, влияющие на полет пули при стрельбе: 1) колебания ствола в момент выстрела; 2) начальная деформация пули в канале ствола при врезании в нарезы; 3) движение пули по траектории [8, с. 125].

Поскольку А. И. Устиновым производилась стрельба по трупному материалу из образцов ручного стрелкового огнестрельного оружия с длиной ствола не более 150 мм (пистолетов) на короткой дистанции, то вибрацию ствола как фактор, определяющий результат стрельбы, можно исключить.

Помимо вибраций ствола, как было указано выше, в основном оказывающими воздействие на устойчивость движения метаэлемента (пули) являются переходные процессы, происходящие в момент вылета его из канала ствола ручного стрелкового огнестрельного оружия. При этом пуля движется прямолинейно, но ввиду особенностей конструкции центр ее масс будет смещен относительно оси симметрии, а следовательно, в момент покидания канала ствола пуля приобретает начальный угол прецессии (явление, при котором ось вращения тела меняет свое направление в пространстве под действием момента внешней силы).

В момент вылета из канала ствола пуля совершает два вида колебаний: *прецессионное* (вращение вокруг динамической оси) и *нутацционное* (апериодическое колебательное движение), которые в сочетании с деривационными отклонениями смещают ее от точки прицеливания. Прецессионное движение происходит со скоростью в 20 раз меньшей, чем частота вращения пули, но со значительным радиусом вращения ее головной части [8, с. 126–127]. Американские ученые также приводят данные о том, что влияние эксцентриситета центра масс и степень прецессионно-нутацционных колебаний оказывают значительное влияние на полет пули, а также на вероятность поражения ею цели (рис. 1, 2) [23].

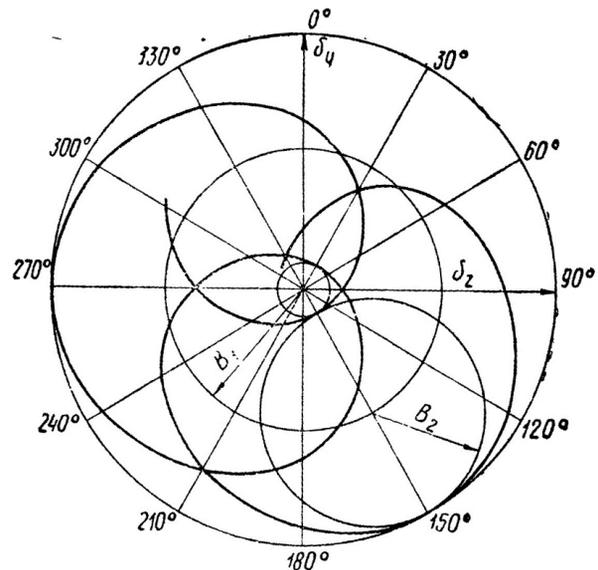

Рисунок 2.

Угол указанных колебаний на начальном участке траектории пули достигает 10–35° и завершается (полет стабилизируется) на расстоянии около 5 м от дульного среза [13, с. 99]. Таким образом, угол ее встречи с целью на этой дистанции отличен от 90°.

Вращение пули в полете около центра масс

По данным, приведенным в технической литературе по проектированию патронов, угол прецессии пули со стальным сердечником патрона 9x18 ПМ на участке полета до 25 м составляет 30°–35° и обусловлен количеством нарезов, трением пули при врезании и прохождении ею нарезов, склонностью пуль к перекоосу в пульном входе канала ствола оружия в начальный период выстрела [8, с. 184]. Указанными причинами и были обусловлены приведенные А. И. Устиновым случаи рикошетов пуль в ин-

тервале значений скорости ранящего снаряда от 90 м/с до 115 м/с [19, с. 14].

В 2003 г. А. Г. Андреевым в рамках проводимого им исследования поражающих свойств самодельного ручного стрелкового огнестрельного оружия был проведен эксперимент по уточнению минимального уровня величины удельной кинетической энергии ранящего снаряда по биологическому материалу животных (свиней) [1].

Ученым были определены следующие значения минимальной скорости поступательного движения ранящего снаряда, при котором происходит поражение биологической цели: пуля патрона 5,45 39 – ≤ 60 м/с; пуля патрона 9 18 ПМ – ≥ 65 м/с; одноэлементная пуля патрона 5,6 10R – ≥ 110 м/с.

Таким образом, минимальная величина удельной кинетической энергии, достаточная для поражения человека, составила для пуль патронов: 5,45 39 – $\leq 0,25$ Дж/мм²; 9×18 ПМ – $0,3$ Дж/мм²; 5,6 10R – $0,7$ Дж/мм². В результате проведенного исследования А. Г. Андреев пришел к обоснованному выводу о том, что принятая в настоящее время величина минимальной удельной кинетической энергии ($0,5$ Дж/мм²) нуждается в изменении. По мнению исследователя, объективным количественным значением указанного критерия следует считать $0,25$ Дж/мм². Кроме того, было подтверждено что форма головной части пули (при равных скоростях в момент поражения) влияет на величину их проникновения [1, с. 107]. В своей работе А. Г. Андреев указывает, что некоторые пули патронов 5,45×39 внедрялись в биологический материал под углом, вследствие чего глубина их проникновения уменьшалась, а результат не учитывался при обработке результатов экспериментальной стрельбы [1, с. 105].

Аналогичные результаты по стрельбе пулями патрона 5,45×39 содержатся в работах по проектированию патронов (боеприпасов), в которых указано, что движение пуль данного типа при поражении цели с уменьшенной скоростью является неустойчивым и характеризуется значительными прецессионно-нutationными колебаниями, свидетельствующими о потере баллистической устойчивости [8, с. 485].

Специалист в области судебной баллистики В. А. Федоренко, проанализировав результаты работы А. И. Устинова и Л. Ф. Савраня, пришел к выводу о том, что нижняя граница поражаемости, установленная указанными исследователями, является справедливой для пули калибром от 5 до 9 мм, в иных случаях возможна смена характера действия ранящего снаряда на живую цель [20, с. 15]. Таким обра-

зом, верным представляется суждение о том, что проникающая способность пули в значительной степени зависит от формы головной части.

Кроме вышерассмотренного параметра (удельной кинетической характеристики), характеризующего поражающую способность пули причинять тяжкие телесные повреждения человеку, следует кратко рассмотреть и так называемое *боковое действие* пули. В момент поражения биологических тканей пуля образует временную пульсирующую полость, стенки которой в момент поражения совершают пульсации с затухающей частотой. При этом разрушаются прилегающие к раневому каналу клетки ткани, повреждаются кровеносные сосуды, что обуславливает сотрясение и функциональные нарушения органов человеческого организма.

Временная пульсирующая полость и величина ее объема как критерий характеристики огнестрельной травмы, по мнению ученых в области судебной баллистики и судебной медицины, в настоящее время остается малоизученной. В литературных источниках приводятся сведения о том, что при стрельбе по блокам, изготовленным из баллистического геля (20 % желатина), используемого в качестве имитатора биологических тканей, изучению подвергаются возникающие при попадании пули полости. Подразумевается, что объем полости 350–600 см³ соответствует тяжелым ранениям конечностей с нарушением опорно-двигательной функции, умеренные повреждения с нарушением функции сегмента конечности (ранения средней тяжести) соответствуют объему временной пульсирующей полости 150–350 см³, легкие ранения – объему менее 150 см³ [8, с. 214].

Применительно к вышеуказанному обстоятельству следует отметить, что использованная А. А. Андреевым пуля патрона 5,45×39 проектировалась на грани баллистической устойчивости и обладает иными поражающими характеристиками, чем пули пистолетных патронов, использовавшиеся в эксперименте А. И. Устинова. Для стрельбы по биологическому материалу целесообразно было бы использовать пулю пистолетного патрона 5,45×18 МПЦ.

Указанное суждение основано на том, что, согласно техническому заданию на проектирование данного патрона (боеприпаса), основным требованием, предъявляемым Министерством внутренних дел СССР, являлось минимальное боковое действие пули, т. е. объем временной пульсирующей полости у пули данного патрона составляет 60 см³ (пуля патрона 9×18 ПМ – 130 см³) [8, с. 190–

198], минимизируя тем самым передачу кинетической энергии биологическим тканям.

Представляется справедливой и оправданной позиция В. А. Федоренко, который указывает, что поражающие свойства ранящего снаряда одновременно могут характеризоваться несколькими видами действия [20, с. 9–11]. Автор полагает оправданным использовать для расчета следующую формулу:

$$G = 1 - \prod_{i=1}^N (1 - G_i), \quad (5)$$

где G – суммарная вероятность поражения, N – число учитываемых поражающих факторов, G_i – относительная вероятность поражения за счет действия i -го поражающего фактора, Π – знак произведения [20, с. 11].

Вместе с тем приведенный подход представляется обоснованным лишь с точки зрения теории вероятности, но ввиду того, что поражающее действие пуль ручного стрелкового огнестрельного оружия изучено не в полной мере и не установлены их достоверные характеристики, то в настоящее время указанная методика определения совокупности поражающих факторов не может быть применена в судебной баллистике. На данные недостатки указывает и сам автор [20, с. 13–14].

Для уточнения величины минимального уровня удельной кинетической энергии ранящего снаряда нами была произведена экспериментальная стрельба по биологическому материалу. В качестве имитатора тканей человека, как правило, используются ткани свиньи породы крупная белая массой 50–60 кг [13, с. 259].

Поскольку свойства тканей каждой особи индивидуальны, при производстве экспериментальной стрельбы нами был выбран такой критерий, отражающий взаимодействие элементов системы «метаемый элемент – цель», как предел пробития биоматериала (брюшной стенки свиньи), характеризующийся значением скорости метаемого элемента, при котором вероятность сквозного пробития либо непробития тканей биообъекта составляет 50 % (v_{50}).

При экспериментальном определении параметра v_{50} нами производилась экспериментальная стрельба приведенными зарядами, в ходе которой устанавливалась минимальная скорость метаемого элемента (пуля патрона 5,45×18 МПЦ) по схеме «вверх – вниз», т. е. уменьшение его скорости в следующем опыте после получения сквозного пробития тканей (поражения биообъекта) либо ее увеличение в результате непробития.

При этом опытным путем были определены:

$v_{\text{непроб.}}$ – максимальная величина скорости метаемого элемента, при которой пробитие тка-

ней биообъекта не достигалось, а выше которой наблюдались только случаи пробития;

$v_{\text{проб.}}$ – минимальная скорость пробития тканей биообъекта, т. е. скорость, ниже которой пробитие в ходе проведения экспериментальной стрельбы не наблюдалось.

В результате проведения экспериментального исследования предполагалось получение зоны смешанных результатов, в которой наблюдается как пробитие, так и непробитие биоматериала.

При проведении эксперимента использовался биологический образец тканей передней брюшной стенки свиньи породы большая белая размерами 400×200 мм, толщиной 3–5 см, наиболее полно отвечающий предъявляемым с точки зрения соответствия строению тканей человека и тем самым повышению достоверности результатов.

В указанном диапазоне скоростей метаемого элемента следовало получить не менее 5 непробитий при скоростях меньше $v_{\text{проб.}}$ и соответственно не менее 5 пробитий при скоростях больше $v_{\text{непроб.}}$. Предполагалось, что значения пробитий и непробитий будут находиться в некотором интервале значений скорости (± 10 м/с). Кроме того, при проведении экспериментальной стрельбы соотношение результатов, в которых наблюдается сквозное пробитие тканей биообъекта, и опытов, в которых пробитие не зафиксировано в зачетном диапазоне скоростей, приближалось к 50:50.

Стрельба производилась на расстоянии пяти метров от биообъекта, с измерением скорости метаемого элемента из оружия с гладким каналом ствола длиной 12 калибров для исключения влияния колебаний пули при внедрении в преграду. Зачетными считались попадания, при которых пуля внедрялась в ткани биообъекта под углом 90°.

В интервале скорости метаемого элемента при проведении экспериментальной стрельбы от 58 м/с до 73 м/с наблюдалась зона смешанных результатов, соотношение пробитий и непробитий в которой составило 50:50. В указанном интервале произведено 25 зачетных выстрелов. Ниже скорости 58 м/с наблюдалось 100 % непробитие тканей биообъекта, а при скоростях выше 75 м/с – 100 % пробитие. После чего требовалось определить параметр скорости снаряда в интервале от 58 м/с до 72 м/с, при котором происходит пробитие биообъекта, с достоверной вероятностью 0,95.

Исходными данными для расчета минимальной величины скорости метаемого элемента x , достаточного для поражения биообъекта, являлись полученные значения скорости и результат: пробитие (П) или непробитие (Н) (рис. 3).

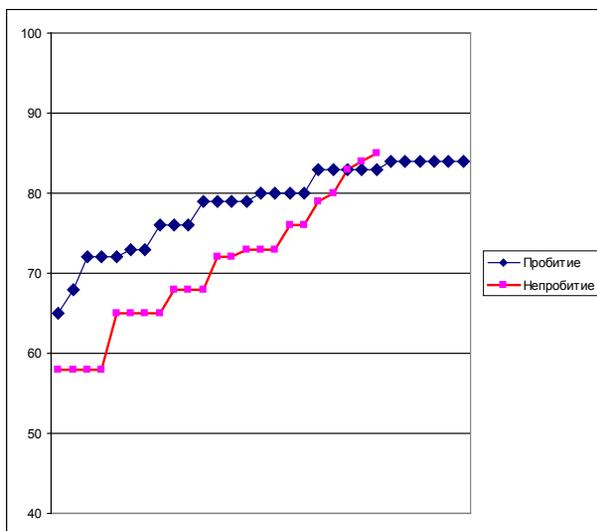

Рисунок 3.
Данные экспериментальной стрельбы
по биологическому материалу.

Окончательный результат при расчете минимальной величины скорости метаемого элемента составил: $x = (78,55 \pm 2)$ м/с, с доверительной вероятностью $\alpha = 0,95$. Таким образом, минимальная величина удельной кинетической энергии пули составила $0,32$ Дж/мм².

Следовательно, в ходе проведенного эксперимента подтверждается вывод о том, что величина минимальной удельной кинетической энергии метаемого элемента, выстреленного из ручного стрелкового огнестрельного оружия, принятая в судебной баллистической экспертизе, равной $0,5$ Дж/мм², является усредненной и может быть уменьшена до порогового значения $0,35$ Дж/мм². Указанное выше суждение обусловлено тем, что в экспертные учреждения Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины поступают новые образцы устройств, конструктивно сходных с ручным стрелковым огнестрель-

ным оружием, для стрельбы из которых применяется патрон Флобера. Удельная кинетическая энергия пули при выстреле из таких устройств ниже общепринятого в судебно-баллистической экспертизе уровня минимальной удельной кинетической энергии и находится в пределах $0,34$ – $0,47$ Дж/мм², но тем не менее позволяет использовать их для причинения смерти [2].

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Комплексное изучение свойств элементов системы «боеприпас – оружие – цель» позволяет объективно оценивать поражающие свойства ранящего снаряда, выстреленного из ручного стрелкового огнестрельного оружия.

Указанный подход подтверждается анализом как теоретических, так и эмпирических положений различных отраслей знаний. Благодаря синтезу таких оснований, являющихся базисом системы по определению поражающих свойств ручного стрелкового огнестрельного оружия, можно определить дальнейшие направления научного поиска, использовать его результаты при производстве судебных баллистических экспертиз и исследований, обеспечить достоверность и обоснованность выводов, содержащихся в заключении эксперта.

Теоретическое и экспериментальное исследование поражающих свойств одиночного ранящего снаряда, выстреленного из ручного стрелкового огнестрельного оружия, изложенное в рамках настоящей статьи, хотя и является частным случаем их проявления, свидетельствует о том, что минимальный уровень удельной кинетической энергии, достаточный для нанесения опасных для жизни и здоровья человека телесных повреждений, определяется видом ручного стрелкового огнестрельного оружия, параметрами ранящего снаряда и восприимчивостью цели (ее области) в конкретных условиях производства стрельбы.

Список литературы:

1. Андреев А. Г. Современное состояние и проблемы криминалистического исследования самодельного огнестрельного оружия: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003.
2. Бачинський В. Т. Смертельні поранення пневматичною зброєю під патрони типу Флобера, калібру 4 мм // Буковин. медич. вісн. 2013. № 3 (67).
3. Благонравов А. А. Основания проектирования автоматического оружия. М., 1940.
4. Болотин Д. Н. История советского стрелкового оружия и патронов. СПб., 1995.

References:

1. Andreev A. G. Sovremennoe sostojanie i problema kriminalisticheskogo issledovaniya samodel'nogo ognestrel'nogo oruzhija: dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2003.
2. Bachyns'kij V. T. Smertel'ni poranennja pnevmatichnoju zbroeju pid patroni tipu Flobera, kalibru 4 mm // Bukovin. medich. visn. 2013. № 3 (67).
3. Blagonravov A. A. Osnovaniya proektirovaniya avtomaticheskogo oruzhija. M., 1940.
4. Bolotin D. N. Istorija sovetskogo strelkovogo oruzhija i patronov. SPb., 1995.

5. Военно-полевая хирургия: руководство для врачей / под ред. Е. К. Гуманенко, И. М. Самохвалова. М., 2011.
6. Данилин Г. А., Огородников В. П., Заволокин А. Б. Основы проектирования патронов к стрелковому оружию: учебник. СПб., 2005.
7. Дворянинов В. Н. Боевые патроны стрелкового оружия: монография: в 4 кн. Климовск, 2015. Кн. 1.
8. Дворянинов В. Н. Боевые патроны стрелкового оружия: монография: в 4 кн. Климовск, 2015. Кн. 3.
9. Жук А. Б. Стрелковое оружие. Революеры, пистолеты, винтовки, пистолеты-пулеметы, автоматы. М., 1992.
10. Кириллов В. М. Основания устройства и проектирования стрелкового оружия: свойства, баллистическое решение, патроны, стволы. Пенза, 1963.
11. Кириллов В. М., Сабельников В. М. Патроны стрелкового оружия. М., 1980.
12. Лаппо Е. А. Критерии оценки поражающей способности огнестрельного оружия и патронов (боеприпасов) к нему // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2014. Вып. 2/36.
13. Озерецковский Л. Б. Раневая баллистика: история и современное состояние огнестрельного оружия и средств индивидуальной бронезащиты. СПб., 2006.
14. Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: в 4 ч.; в 35 т. / гл. ред. Е. И. Смирнов; редкол.: Н. Н. Аничков и др. М., 1951. Ч. 1. Т. 1.
15. Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: в 4 ч.; в 35 т. / гл. ред. Е. И. Смирнов; редкол.: Н. Н. Аничков и др. М., 1951. Ч. 1. Т. 15.
16. Пирогов Н. И. Начала общей военно-полевой хирургии, взятые из наблюдений военно-госпитальной практики и воспоминаний о Крымской войне и Кавказской экспедиции. М., 1961.
17. Саврань Л. Ф. К вопросу об определении убойной силы огнестрельного оружия // Криминалистика и судебная экспертиза. 1977. Вып. 15.
18. Саврань Л. Ф. Методика определения минимальной убойной силы стандартного и атипичного огнестрельного оружия и боеприпасов (пособие для экспертов). М., 1979.
19. Устинов А. И. Самодельное огнестрельное оружие и методика его экспертного определения: пособ. для экспертов-криминалистов. М., 1968.
20. Федоренко В. А. Актуальные проблемы судебной баллистики. М., 2011.
5. Voenno-polevaja hirurgija: rukovodstvo dlja vrachej / pod red. E. K. Gumanenko, I. M. Samohvalova. M., 2011.
6. Danilin G. A., Ogorodnikov V. P., Zavolokin A. B. Osnovy proektirovanija patronov k strelkovomu oruzhiju: uchebnik. SPb., 2005.
7. Dvorjaninov V. N. Boevye patrony strelkovogo oruzhija: monografija: v 4 kn. Klimovsk, 2015. Kn. 1.
8. Dvorjaninov V. N. Boevye patrony strelkovogo oruzhija: monografija: v 4 kn. Klimovsk, 2015. Kn. 3.
9. Zhuk A. B. Strelkovoe oruzhie. Revol'very, pistolety, vintovki, pistolety-pulemety, avtomaty. M., 1992.
10. Kirillov V. M. Osnovaniya ustrojstva i proektirovanija strelkovogo oruzhija: svojstva, ballisticheskoe reshenie, patrony, stvoly. Penza, 1963.
11. Kirillov V. M., Sabel'nikov V. M. Patrony strelkovogo oruzhija. M., 1980.
12. Lappo E. A. Kriterii ocenki porazhajushchej sposobnosti ognestrel'nogo oruzhija i patronov (boepripasov) k nemu // Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoj 'ekspertizy. 2014. Vyp. 2/36.
13. Ozereckovskij L. B. Ranevaja ballistika: istorija i sovremennoe sostojanie ognestrel'nogo oruzhija i sredstv individual'noj bronezashchity. SPb., 2006.
14. Opyt sovetskoj mediciny v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 gg.: v 4 ch.; v 35 t. / gl. red. E. I. Smirnov; redkol.: N. N. Anichkov i dr. M., 1951. Ch. 1. T. 1.
15. Opyt sovetskoj mediciny v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-1945 gg.: v 4 ch.; v 35 t. / gl. red. E. I. Smirnov; redkol.: N. N. Anichkov i dr. M., 1951. Ch. 1. T. 15.
16. Pirogov N. I. Nachala obshchej voenno-polevoj hirurgii, vzjatye iz nabljudenij voenno-gospital'noj praktiki i vospominanij o Krymskoj vojne i Kavkazskoj 'ekspedicii. M., 1961.
17. Savran' L. F. K voprosu ob opredelenii ubojnoj sily ognestrel'nogo oruzhija // Kriminalistika i sudebnaja 'ekspertiza. 1977. Vyp. 15.
18. Savran' L. F. Metodika opredelenija minimal'noj ubojnoj sily standartnogo i atipichnogo ognestrel'nogo oruzhija i boepripasov (posobie dlja 'ekspertov). M., 1979.
19. Ustinov A. I. Samodel'noe ognestrel'noe oruzhie i metodika ego 'ekspertnogo opredelenija: posob. dlja 'ekspertov-kriminalistov. M., 1968.
20. Fedorenko V. A. Aktual'nye problemy sudebnoj ballistiki. M., 2011.
21. Fedorov V. G. Oruzhejnoe delo na grani dvuh 'epoh: v 3 ch. M., 1938. Ch. 2.

21. Федоров В. Г. Оружейное дело на грани двух эпох: в 3 ч. М., 1938. Ч. 2.
22. Швырков М. Б., Буренков Г. И., Деменков В. Р. Огнестрельные ранения лица, ЛОР-органов и шеи: руководство для врачей. М., 2001.
23. Mann F. W. The bullet's flight from powder to target. USA: Norwood Press, 1942.
22. Shvyrkov M. B., Burenkov G. I., Demenkov V. R. Ognestrel'nye ranenija lica, LOR-organov i shei: rukovodstvo dlja vrachej. M., 2001.
23. Mann F. W. The bullet's flight from powder to target. USA: Norwood Press, 1942.

Для цитирования:

Лаппо Е. А. Об уточнении значения минимальной поражающей способности ручного стрелкового огнестрельного оружия // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 87–96.

For citation:

Lappo E. A. Clarifying the value of hand-held small arms' minimum damaging ability // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 87–96.

З. Р. РУСТАМЗОДА,
адъюнкт
Волгоградская академия МВД России
Российская Федерация, 400089,
г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130
E-mail: rustamzoda83@mail.ru
Научная специальность:
12.00.12 – криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность.

Z. R. RUSTAMZODA,
Adjunct
Volgograd Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 400089, Volgograd,
Istoricheskaja St., 130
E-mail: rustamzoda83@mail.ru
Scientific speciality:
12.00.12 – Criminalistics; Forensic Work;
Operational-Search Activity.

УДК 364.272:94(575.3)

Дата поступления статьи: 3 апреля 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан: проблемы и пути решения

Illicit Trafficking in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances in the Republic of Tajikistan: Problems and Solutions

Аннотация

Актуальность: в статье анализируется состояние наркопреступности и наркотизации населения в Республике Таджикистан за исследуемый период. К числу основных факторов, негативно влияющих на состояние преступности в данной сфере, относятся: кризисное состояние экономики в стране; ослабление социальной защиты ее жителей; рост безработицы, а также значительная протяженность границы (свыше 1 300 км) Таджикистана с Исламской Республикой Афганистан, которая относится к числу основных поставщиков наркотических средств на нелегальном мировом рынке. Автор указывает, что несмотря на принимаемые государством профилактические меры, сохраняется высокий уровень незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Это негативно влияет на социально-психологическую атмосферу, экономику, политику и правопорядок в стране и представляет серьезную угрозу здоровью нации, что вызывает обоснованную тревогу в обществе.

Целью данного исследования является изучение современного состояния преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан.

Annotation

The relevance: the article analyzes the state of drug crime and drug addiction in the Republic of Tajikistan during the study period. Among the main factors that negatively affect the state of crime in this area are: the crisis state of the economy in the country; the weakening of social protection of its inhabitants; the increase in unemployment, as well as the significant length of the border (over 1,300 km) of Tajikistan with the Islamic Republic of Afghanistan, which is one of the main suppliers of narcotic drugs in the illegal world market. The author points out that despite the preventive measures taken by the state, a high level of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances remains. This has a negative impact on the socio-psychological atmosphere, economy, politics and the rule of law in the country and poses a serious threat to the health of the nation, which is a legitimate concern in society.

The purpose of this study is to examine the current state of crime in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in the Republic of Tajikistan.

The methods: general scientific research methods: analysis, synthesis, study of statistics.

Методы: общенаучные методы исследования: анализ, синтез, изучение статистики.

Вывод: коренное изменение сложившейся в стране наркоситуации может быть достигнуто, если будут успешно реализовываться государственные программы профилактики наркомании и противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. По мнению автора, прежде всего необходимо совершенствовать деятельность учреждений и служб страны, непосредственно осуществляющих контроль в области законного оборота этих средств, повышать эффективность оперативно-розыскных мероприятий, проводимых силовыми структурами, при раскрытии и расследовании преступлений в обсуждаемой сфере, укреплять и развивать международное сотрудничество в данной области с правоохранительными органами зарубежных стран.

Ключевые слова: наркотические средства; психотропные вещества; незаконный оборот; состояние преступности.

The conclusion: a radical change in the current drug situation in the country can be achieved if the state programs for the prevention of drug addiction and combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances are successfully implemented. According to the author, first of all it is necessary to improve the activities of institutions and services of the country directly exercising control in the field of legal circulation of these funds, to improve the efficiency of operational-search activities carried out by law enforcement agencies in the detection and investigation of crimes in the field under discussion, to strengthen and develop international cooperation in this area with law enforcement agencies of foreign countries.

Key words: narcotic drugs; psychotropic substances; illegal traffic; state of crime.

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ как разновидность организованной преступности в настоящее время представляет реальную угрозу национальной и общественной безопасности Республики Таджикистан, поскольку оказывает негативное воздействие на социально-экономическую, политическую обстановку и правопорядок, а также является одним из главных источников финансирования международного терроризма.

Среди многочисленных видов преступной деятельности в стране именно незаконный оборот наркотиков и психотропных веществ является самым массовым и организованным.

Особую тревогу вызывает причастность к рассматриваемой категории преступлений лиц, в основном находящихся в социально активном возрасте (табл.1).

Значительное число правонарушений в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ обусловлено рядом обстоятельств, прежде всего тем, что Республика Таджикистан имеет протяженную границу (свыше 1 300 км) с Исламской Республикой Афганистан, которая относится к числу основных поставщиков наркотических средств на нелегальном мировом рынке. Это объективно создает предпосылки для проникновения наркокурьеров на тер-

Таблица 1

Возрастная градация лиц, задержанных за совершение наркопреступлений в 2012–2018 гг.

№ п/п	Год	Количество задержанных лиц		
		14–18 лет	18–30 лет	30 и более
1.	2012	10	316	663
2.	2013	10	289	689
3.	2014	8	333	660
4.	2015	11	329	664
5.	2016	6	301	807
6.	2017	4	240	648
7.	2018	7	208	746

риторию Республики Таджикистан. Население республики становится первой жертвой наркобизнеса, поскольку именно здесь начинается путь наркотиков в другие страны. По сведениям экспертов ООН, в Афганистане наблюдается тенденция увеличения площадей возделывания наркотических средств. Так, в 2017 г. общая площадь посевов опийного мака составила 328 тыс. га, что на 63 %, или на 127 тыс. га больше по сравнению с предыдущим годом. С начала систематического контроля за опийной ситуацией в Афганистане со стороны ООН этот показатель культивирования опийного мака превышает прежний самый высокий показатель 2014 г. (224 тыс. га) на 104 тыс. га, или на 46 % [1; 2, с. 10]. Вышеизложенное составляет проблемное поле настоящего исследования.

Целью исследования является изучение современного состояния преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан.

Наркоситуацию на территории Республики Таджикистан усугубляет и наличие собственной растительной сырьевой базы для незаконного производства наркотиков, а именно выращивание конопли в отдельных районах страны [7, с. 4].

К числу определяющих факторов, негативно влияющих на состояние преступности в обсуждаемой сфере, относятся: кризисное состояние экономики в стране; ослабление социальной защиты ее жителей; рост безработицы и, как следствие этого, снижение жизненного уровня значительной части населения, что служит, в свою очередь, созданию благоприятной почвы для вовлечения ее в преступный бизнес.

Анализ преступности в республике убедительно свидетельствуют об очень высоком

уровне распространения наркопреступлений и наркотизации населения. Так, по данным Министерства здравоохранения республики, сегодня в Республике Таджикистан насчитывается 7 135 наркозависимых. Однако в этом числе учтены лишь лица, вставшие на медицинский учет. По оценке же международной неправительственной Группы по управлению СПИД проектами, количество потребителей только лишь инъекционных наркотиков в Республике Таджикистан составляет примерно 30 тыс. человек [6].

Несмотря на то что, по данным официальной статистики, доля наркоманов в возрасте 18–34 лет в 2017 г. несколько снизилась по сравнению с предыдущими годами, ситуация остается очень сложной [7, с. 6, 16].

Употребление наркотических средств и психотропных веществ является одной из основных причин распространения в стране ВИЧ-инфекции. По состоянию на 31 декабря 2017 г. Государственное учреждение «Республиканский центр по профилактике и борьбе со СПИД» выявило и поставило на учет 9 957 человек с диагнозом ВИЧ, что больше по сравнению с 2016 г. (8 583 человек) на 1 374 человека [7, с. 82]. В период с 1991 по 2017 г. зафиксировано 2 405 случаев смерти зарегистрированных ВИЧ-инфицированных больных.

О высоком уровне рассматриваемой категории преступлений свидетельствуют и сведения, характеризующие ее динамику за период с 2013 по 2018 г. В 2013–2018 гг. В Республике Таджикистан правоохранными органами и силовыми структурами из незаконного оборота было изъято 29 147,322 кг наркотических средств, из них: в 2013 г. — 6 687 кг; в 2014 г. — 6 214 кг; в 2015 г. — 4 676 кг; в 2016 г. — 3 426 кг; в 2017 г. — 4 447 кг; в 2018 г. — 3 696 кг (рис., табл. 2) [7, с. 32].

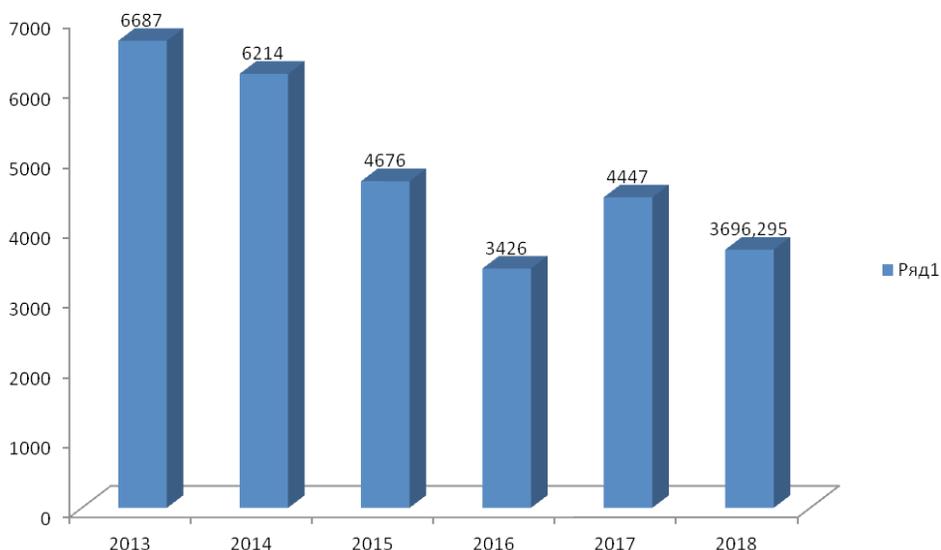

Рисунок.

Количество конфискованных наркотических средств в Республике Таджикистан в 2013–2018 гг.

Таблица 2

Состояние количества и динамика изменения конфискованных наркотических средств на территории Республики Таджикистан в период с 2013 по 2018 г.

Год	Количество конфискованных наркотических средств	Динамика изменения конфискованных наркотических средств, %
2013	6 687	
2014	6 214	-6,82
2015	4 676	-24,75
2016	3 426	-26,76
2017	4 447	+29,80
2018	3 696	-23

Из рисунка и таблицы видно, что с 2013 по 2016 г. наблюдалась тенденция сокращения изъятий наркотических средств. Однако в период с 2017 по 2018 г. количество изъятых наркотических средств по сравнению с 2016 г. вновь резко возросло.

Ежегодно в структуре рассматриваемого вида преступлений 65–70 % зарегистрированных наркопреступлений квалифицируются по ст. 200 Уголовного кодекса Республики Таджикистан¹ (далее – УК РТ) («Незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ с целью сбыта»), около 20 % – по ст. 201 УК РТ («Незаконное производство, изготовление, переработка, приобретение или пересылка нарко-

тических средств и психотропных веществ в мелких количествах без цели сбыта»), около 10 % – по ст. 289 УК РТ («Контрабанда»). Другие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (ст. 202–206 УК РТ), составляют примерно 4 % от общего числа зарегистрированных наркопреступлений.

Эти данные подтверждаются результатами операций «Кукнор», которые были проведены с 2014 по 2018 г. правоохранительными органами республики (табл. 3).

Вышеуказанные данные позволяют определить приоритетные направления в деятельности правоохранительных органов Республики

Таблица 3

Структура преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ, совершенных в 2014–2018 гг. на территории Республики Таджикистан, по результатам операции «Кукнор»

Наименование статьи УК РТ	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Количество зарегистрированных уголовных дел, по фактам связанным с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ, из них:	993	965	856	820	812
по ст. 200 УК РТ	698	672	639	580	551
ст. 201 УК РТ	226	265	181	158	117
ст. 204 УК РТ	15	14	8	13	14
ст. 205 УК РТ	8	6	7	6	5
ст. 206 УК РТ	5	8	20	9	17
ст. 289 УК РТ	141	129	130	50	101

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 03.04.2019).

Таджикистан, непосредственно занимающихся борьбой с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Прежде всего это незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ с целью сбыта, незаконное обращение с ними и их контрабанда. Однако низкий процент зарегистрированных преступлений, квалифицируемых по ст. 202–206 УК РТ, не должен вводить в заблуждение.

Обращают на себя внимание значительные изменения, произошедшие за 10 лет с 2007 по 2017 г., в количественном соотношении видов изымаемых наркотических средств (табл. 4). Так, в 2007 г. правоохранительными органами, пограничными войсками и спецслужбами республики из незаконного оборота было изъято 5 270 кг наркотических средств, в том числе 1 550 кг (29,4 %) героина, 2 546 кг (48,3 %) опий-сырца и 1 174 кг (22,3 %) наркотиков каннабисной группы [9, с. 22–23]. Совершенно иная картина наблюдалась в 2017 г. На территории Республики Таджикистан из незаконного оборота было изъято 4 447 кг наркотиков, из которых героин составил 110 кг (2,5 %), опий – 1 211 кг (27,2 %), гашиш – 2 384 кг (53,6 %), наркотическое средство марихуана – 742 кг (17%) [6, с. 34]. Таким образом, в 2007 г. в общем объеме наркотиков, изъятых в Республике Таджикистан, доля наркотических средств опийной группы значительно превышала долю наркотиков каннабисной группы, в то время как в 2017 г. наблюдалась совершенно противоположная ситуация. К тому же в этом году из незаконного оборота были изъяты также 10 234 таблеток психотропного средства – метиллендиоксиметамфетамин (МДМА), 7 кг 559 г метамфетамина в виде порошка, сильнодействующие вещества трамадол и кетамин, являющиеся синтетическими анальгетиками, а также значительное количество ампул, содержащих раствор психотропного вещества диазепам. Согласно надписям, имевшимся на упаковках и ампулах, вещество было изготовлено в Пакистане и контрабандным путем ввезено в Республику Таджикистан [4, с. 29]. Следует отметить, что изъятие метамфетамина в республике было зарегистрировано лишь в 2012 г. и в последующие годы не отмечалось.

Нельзя не заметить, что объем наркотиков опийной группы, изъятых в 2017 г., увеличился по сравнению с 2016 г. В 2017 г. из незаконного оборота было изъято 1 т 321 кг наркотиков опийной группы, что по сравнению с 2016 г. больше на 88,7 %. В 2017 г. в республике изъято 1 т 321 кг наркотиков опийной группы, в том числе 110 кг героина, что составляет 8,3 % от общего количества изъятых наркотиков опийной группы. В 2016 г. этот показатель составлял 88 кг, или 12,5 %.

Анализ практической деятельности силовых структур Республики Таджикистан показывает, что активной экспансии преступных групп, в том числе международных, подвергаются все области нашей страны. Однако наибольшее число преступлений в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ регистрируется в г. Душанбе, Хатлонской и Согдийской областях, а также в районах республиканского подчинения (РРП) и Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) [8, с. 27]. Так, в 2017 г. доля зарегистрированных в г. Душанбе преступлений в обсуждаемой сфере составила 30,6 %, в Хатлонской области – 29 %, в Согдийской области – 22,9 %, в РРП – 10 % и в ГБАО – 7,5 %.

При этом следует отметить, что основная часть наркотических средств изымается в районах Шамсиддин Шохин, Пяндж, Фархор и М. С. Хамадони Хатлонской области. Ежегодно на их территории изымается свыше 50 % наркотиков от их общего объема. В 2017 г. данный показатель составил 62 % (2 т 779 кг). Значительная доля этих веществ изымается и в районах ГБАО. В 2017 г. было там изъято 515 кг наркотических средств. Это закономерно, поскольку названные районы граничат с Афганистаном [2, с. 51–59].

Исследования показали, что современный наркобизнес приобрел такой размах и размеры, что сейчас он работает как хорошо налаженная отрасль. Преступные группы имеют, как правило, специфическую функциональную структуру и ролевую дифференциацию, обусловленную особенностями этой категории преступлений. Основными признаками

Таблица 4

**Структура и количество наркотических средств,
изъятых на территории Республики Таджикистан в 2007 и 2017–2018 гг.**

Наименование наркотического средства	2007 г.	2017 г.	2018 г.
Героин	1 550 кг	110 кг	282 кг
Опий-сырец	2 546 кг	1 211 кг	1 606 кг
Наркотики каннабисной группы	1 174 кг	3 126 кг	1 807 кг

указанных групп являются: наличие устойчивой связи между ее членами; преступная специализация входящих в группу лиц; элементы иерархической структуры, которая включает в себя ярко выраженных лидеров и их ближайшее окружение, состоящее из наиболее активных участников группы; межрегиональный (международный) характер преступной деятельности; строгое разграничение функциональной деятельности членов группы; наличие коррумпированных связей с представителями властных структур, в том числе в правоохранительных органах.

О групповом характере совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических и психотропных веществ свидетельствует тот факт, что только в 2017 г. правоохранительными органами и силовыми структурами республики была раскрыта и прекращена деятельность 139 преступных наркогруппировок в составе 331 члена, в том числе 7 транснациональных ОПГ.

Наркопреступность неуклонно совершенствуется, повышая свой технический потенциал, адаптируя новейшие достижения научно-технического прогресса к своим потребностям.

Об этом свидетельствует осуществленный нами анализ специальной литературы и следственной практики, показавший, что для распространения наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов активно используются современные системы связи (сотовая связь, электронная почта, социальные интернет-сети), позволяющие преступникам реализовывать свой товар, используя виртуальные платежные системы. Это исключает какой-либо непосредственный контакт между приобретателями наркотиков и лицами, которые причастны к его сбыту [5, с. 220].

Так, группа жителей Яванского района Хатлонской области совместно с гражданами Российской Федерации создали в 2015 г. транснациональную преступную группировку по продаже героина на территории Московской и Нижегородской областях Российской Федерации. Члены этой группировки, возглавляемой гражданином Республики Таджикистан, с июня 2015 по май 2017 г., действуя на территории Московской области Российской Федерации, незаконно приобрели особо крупное количество героина и совместно с другими членами ОПГ реализовывали данное наркотическое средство по частям в виде розничной продажи с использованием специальных закладок на территории Нижегородской области. Местоположение закладок указывалось клиентам СМС-сообщениями, а оплата производилась посредством денеж-

ных переводов с помощью Qiwi кошелька [4, с. 221]. Использование таких технологий для распространения наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров позволяет преступным группам не только значительно обезопасить свою деятельность, но и приобрести связи с другими международными преступными группами и тем самым укрепить и расширить взаимодействие друг с другом. В целях обеспечения криминальной деятельности транснациональные наркосиндикаты закупают современные средства вооружения и боеприпасы, постоянно совершенствуют методы поддержания собственной безопасности. По оценкам специалистов, наркобизнес ежегодно вкладывает около 125 млн долларов в закупку новой «техники сигнальной разведки» [3, с. 102].

Длительному и успешному существованию преступных групп способствует и то, что они действуют нередко под прикрытием коррумпированных сотрудников силовых структур. Эти лица, используя служебную информацию о расстановке и местах патрулирования (засад) нарядов милиции, а также знания о формах и методах, применяемых последними при производстве оперативно-розыскных мероприятий, помогают преступникам избегать разоблачения.

Многие операции, например, связанные с отмыванием денежных средств, осуществляются под прикрытием чиновников различного уровня, которые обеспечивают преступникам надлежащую безопасность [10, с. 49].

Руководство страны трезво и объективно оценивает сложившуюся ситуацию и осуществляет комплекс мер по противодействию указанному виду преступлений. Основные положения государственно-правовой антинаркотической политики изложены в «Национальной стратегии по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в Республике Таджикистан на 2013–2020 годы», которая определяет:

- систему государственных органов, осуществляющих контроль за оборотом наркотиков и противодействие их незаконному обороту;
- основные направления, цели и средства такого контроля и воздействия на наркопреступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, административного законодательства, регулирования практики его применения;
- пути выработки и реализации мер, направленных на предупреждение наркопреступлений;
- способы сокращения спроса на наркотики;
- другие аспекты, включая вопросы профилактики наркомании, лечения от наркозависимости.

мости и реабилитации лиц, прошедших такое лечение².

На основании вышеизложенного следует, что борьба с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ представляет собой сложную и ответственную деятельность различных государственных ведомств Республики Таджикистан и всего общества в целом.

В настоящее время национальное законодательство в области контроля за законным оборотом названных средств приведено в соответствие с международными актами.

Основываясь на этом, в Республике Таджикистан при координации Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан контролем за законным оборотом данных веществ в пределах, определенных законом полномочий, занимаются Министерство здравоохранения и социальной защиты населения, Министерство внутренних дел, Государственный комитет национальной безопасности, а также Таможенная служба.

Важнейшим и эффективным фактором противодействия такому виду преступности является прежде всего совершенствование и координация деятельности служб правоохранительных органов и пограничных войск республики.

При формировании и реализации национальной антинаркотической политики учитываются положения международных антинаркотических конвенций, договоров и соглашений.

Правоохранительные органы Республики Таджикистан наладили взаимовыгодное сотрудничество с соответствующими компетентными органами стран Центральной Азии, Афганистана, Грузии, США, государств – участ-

ников ОБСЕ, ШОС по вопросам выявления, разработки и пресечения нелегальных каналов поставки наркотиков, деятельности транснациональных организованных преступных групп, организации совместных мероприятий в сфере профилактики наркомании в приграничных районах, а также осуществления постоянного обмена информацией относительно деятельности транснациональных организованных преступных групп.

В связи с изложенным можно сделать выводы о том, что незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ является в настоящее время одним из основных видов организованной преступной деятельности на территории Республики Таджикистан, которая, как правило, осуществляется в виде постоянного промысла преступными группировками межрегионального и международного уровня с высоким уровнем организованности и имеющими во властных структурах и правоохранительных органах коррупционные связи, что обеспечивает безопасное существование таких групп в течение продолжительного времени.

Для решения вышеуказанных проблем можем предложить следующее: коренное изменение сложившейся в стране наркоситуации может быть достигнуто, если будут успешно реализовываться государственные программы профилактики наркомании и противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Для этого необходимо прежде всего совершенствовать деятельность учреждений и служб страны, непосредственно осуществляющих контроль в области законного оборота этих средств, повышать эффективность оперативно-розыскных мероприятий, проводимых силовыми структурами, при раскрытии и расследовании преступлений в обсуждаемой сфере, укреплять и развивать международное сотрудничество в данной области с правоохранительными органами зарубежных стран.

² Национальная стратегия по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в Республике Таджикистан на 2013–2020 годы [Электронный ресурс]: указ Президента Республики Таджикистан от 13 февраля 2013 г. № 1409. URL: http://rus.akn.tj/index.php?option=com_content&view=article&id=815:-2013-2020-catid=31:programy-strategiya&Itemid=46 (дата обращения: 03.04.2019).

Список литературы:

1. База справок онлайн УООН по наркотикам и преступности в соответствии с мониторингом наркотического средства. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghan_opium_survey_2017_cult_prod_web.pdf (дата обращения: 03.04.2019).
2. Буряков С. К. Особенности расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // НаркоФронт. 2018. № 1.

References:

1. Baza spravok onlajn UOON po narkotikam i prestupnosti v sootvetstvii s monitoringom narkoticheskogo sredstva. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghan_opium_survey_2017_cult_prod_web.pdf (data obrashchenija: 03.04.2019).
2. Burjakov S. K. Osobennosti rassledovanija prestuplenij v sfere nezakonnoogo oborota narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshchestv // NarkoFront. 2018. № 1.

3. *Войтенко В. П.* Угроза наркотрафика из Афганистана для европейского сообщества // Право и безопасность. 2004. № 1 (100).
4. *Кодиров Д. С.* Незаконный оборот наркотических средств: особенности методики расследования (по материалам Республики Таджикистан): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
5. *Кушпель Е. В.* Криминалистика и судебно-экспертная деятельность: теория и практика: матер. V Всерос. науч.-практ. конф. (19 мая 2017 г.). Краснодар, 2017.
6. Наркомания в Таджикистане: кто преступник? // BBC NEWS. Русская служба. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2012/12/121206_tajikistan_drug_addicts (дата обращения: 03.04.2019).
7. Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2018 год // UNODC. URL: dca@tojikiston.com www.akn.tj. (дата обращения: 03.04.2019).
8. Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2017 год // АКН РТ. URL: dca@tojikiston.com www.akn.tj. (дата обращения: 03.04.2019).
9. Обзор наркоситуации в Республике Таджикистан за 2007 год // АКН РТ. URL: dca@tojikiston.com www.akn.tj. (дата обращения: 03.04.2019).
10. *Романова Л. И.* Наркопреступность: цена, характеристика, политика борьбы. М., 2010.

Для цитирования:

Рустамзода З. Р. Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан: проблемы и пути решения // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 97–104.

For citation:

Rustamzoda Z. R. Illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in the Republic of Tajikistan: problems and solutions // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 97–104.

Ф. Р. ШАРИФЗОДА,
начальник Академии МВД Республики
Таджикистан,
кандидат юридических наук, доцент
Республика Таджикистан, 734012, г. Душанбе,
ул. М. Мاستонгулова, д. 3
E-mail: faizali_74@mail.ru

F. R. SHARIFZODA,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Tajikistan
The Republic of Tajikistan, 734012, Dushanbe,
Mastongulova St., 3
E-mail: faizali_74@mail.ru

А. Д. УЛЬЯНОВ,
доцент кафедры организации деятельности
органов внутренних дел
центра командно-штабных учений,
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125993,
г. Москва, ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8
E-mail: alex_ulyanov@inbox.ru

A. D. UL'JANOV,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Work
Organization of the Law Enforcement's Bodies
and Units (Center for Command Staff Trainings)
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125993, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: alex_ulyanov@inbox.ru

М. С. ШАРИФЗОДА,
адъюнкт* 3-го факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров)
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125993, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: Sharifzoda.mirzo@mail.ru
Научная специальность: 12.00.11 – судебная
деятельность, прокурорская, правозащитная и
правоохранительная деятельность.

M. S. SHARIFZODA
Adjunct** of the 3rd Faculty
(Training Research and Teaching Staff)
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125993, Moscow,
Zoi i Alexandra
Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: Sharifzoda.mirzo@mail.ru
Scientific speciality: 12.00.11 – Judicial Activities;
Prosecutorial Activities; Human Rights and Law
Enforcement.

УДК 355.237:94(575.3)

Дата поступления статьи: 26 апреля 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Кадровый потенциал органов внутренних дел как стратегический ресурс противодействия внутренним угрозам национальной безопасности Республики Таджикистан

Personnel Potential of the Internal Affairs Bodies as a Strategic Resource to Counter the Internal Threats to the National Security of the Republic of Tajikistan

* Ранее – заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан.

** Earlier – Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan.

Аннотация

Актуальность статьи обусловлена необходимостью поиска и использования возможностей совершенствования системы отбора, организации образовательного процесса и непрерывного повышения квалификации сотрудников, реализующих правоохранительную функцию.

Цель работы состоит в исследовании и оптимальном использовании кадровых возможностей, поиске внутренних резервов повышения эффективности оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел в противодействии внутренним угрозам национальной безопасности.

Методы: социологический опрос, сравнения, уточнения терминологии, связанной с понятием «кадровый потенциал».

Выводы: проведенное исследование позволило обосновать необходимость интеллектуализации правозащитной деятельности, улучшения морально-психологической подготовленности личного состава, воспитания устойчивых позитивных качеств личности сотрудников органов внутренних дел и формирования нетерпимого отношения к любым фактам противоправного поведения. Сделан вывод о том, что кадровый потенциал является стратегическим ресурсом, который может быть активизирован в процессе получения знаний, умений и навыков и использован для достижения правоохранительных целей и решения задач обеспечения национальной безопасности страны.

Ключевые слова: национальная безопасность; органы внутренних дел; кадровый потенциал органов внутренних дел как ресурс; интеллектуализация; духовно-нравственные, психологические установки обучаемых.

Annotation

The relevance of the article is due to the need of search for and use of the opportunities to improve selection system, organization of the educational process and continuous training of the employees implementing the law enforcement function.

The purpose of the work is to study and optimize the use of the human resources, search for the internal reserves to improve the efficiency of operational activities of the internal affairs bodies in countering the internal threats to national security.

The methods: sociological survey, methods of comparison, clarification of terminology related to the concept of «human potential».

The conclusions: the study allowed to obtain practical results on the need for intellectualization of human rights activities to improve the moral and psychological preparedness of personnel staff, education of the stable positive qualities of a personality of the internal affairs bodies' employees and formation the intolerance to any facts of illegal behavior. It is concluded that the human resources potential is a strategic resource that can be activated in a process of obtaining knowledge, skills and can be used to achieve law enforcement goals and objectives of national security.

Key words: national security; internal Affairs bodies; personnel staff potential of the internal affairs bodies as a resource; intellectualization; spiritual and moral, psychological attitudes of the trainees.

Эффективность механизма противодействия внутренним и внешним угрозам национальной безопасности Республики Таджикистан тесно связана с безопасностью населения страны. Это объясняется тем, что гражданин, его права и свободы признаются высшей ценностью как отечественной законодательной системой (ст. 5 Конституции Республики Таджикистан), так и международно-правовыми нормами. Сама сущностная характеристика национальной безопасности подчеркивает тесную связь защиты жизненно необходимых интересов с нацией — социально-экономической, культурно-политической и духовной общностью проживающих на определенной территории людей.

Среди элементов системы обеспечения национальной безопасности Республики Таджикистан важное место занимают органы внутрен-

них дел и ее составная часть — милиция как государственный правоохранительный орган исполнительной власти республики. Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон в ежегодном Послании национальному собранию подчеркнул, что руководящий и личный состав правоохранительных органов и военизированных структур при решении своих служебных задач и исполнении обязанностей должны вести непримиримую борьбу против современных угроз и вызовов — терроризма, экстремизма, незаконного оборота наркотиков, иных организованных трансграничных преступных деяний для обеспечения главенства закона, правопорядка, защиты стабильности государства и спокойствия общества [13].

Как утверждают исследователи, наиболее серьезные угрозы национальной безопасности Ре-

спублики Таджикистан носят внутригосударственный характер и в той или иной степени являются последствиями состояния экономической, социальной сферы, политической системы в стране, когда приоритетами становятся необходимость упорядочения и развития гражданского общества как единого социального организма, его форм и способов жизнедеятельности в гармоничном развитии с насущными потребностями научно-технического прогресса путем непрерывного и своевременного проведения инновационных преобразований [15, с. 88; 17].

Исследование оперативно-служебной деятельности милицеейских подразделений в системе органов внутренних дел дает основание полагать, что милиция способна активно противодействовать любым антиобщественным проявлениям. Важнейшей задачей милиции была и остается охрана правопорядка и государства в целом. Милицеейские формирования как органы оперативного реагирования могут не только своевременно пресекать, но и осуществлять профилактические меры, направленные на недопущение правонарушений [9]. Статистика свидетельствует, что по количеству и многообразию правоприменительных функций, числу структурных подразделений, численности и функционалу сотрудников, объему циркулируемой информации, технической положенности, материальной и финансовой сфер система органов внутренних дел многократно превышает другие правоохранительные структуры, вместе взятые. Этим подчеркивается широта их прав и обязанностей, которые позволяют в строжайших рамках законности обеспечивать права населения, интересы общества и государства. Специалисты справедливо утверждают, что роль других правоохранительных структур в правоохранительной работе менее значима, что связано со спецификой реализуемых милицией направлений деятельности [4, с. 108].

Возложение на органы внутренних дел правообеспечивающих функций в сфере защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств является обоснованным, потому что именно они чаще других государственных органов оказывают помощь физическому или юридическому лицу; вследствие широкого круга полномочий, круглосуточного характера работы милицеейские формирования находятся в более тесном контакте с гражданами в сравнении с иными существующими публичными институтами; имеют и реализуют широкие возможности в области поиска, сбора, выдачи информации и оказания государственных услуг населению; постоянно находятся в готовности к применению сил и средств в условиях чрезвычайной ситуации; воспринимаются большей частью населения как ключевой правозащитный

и правоохранительный аппарат [16, с. 130]. Органы внутренних дел также имеют достаточные силы и материально-технические средства, позволяющие эффективно осуществлять меры организационно-правового характера, направленные на защиту от преступных посягательств.

В настоящее время происходят существенные изменения в организационной структуре, деятельности МВД Республики Таджикистан, требующие научного анализа проблем и путей их решения в теоретическом аспекте применительно к области национальной безопасности. Программа реформирования органов внутренних дел Республики Таджикистан на 2014–2020 гг. включает в себя выработку целей, приоритетных направлений и мер по совершенствованию и развитию милицеейских подразделений, поэтапное преобразование работы органов внутренних дел, оптимизацию их структурного построения, приведение их деятельности в соответствие с реальными задачами и требованиями, которые предусмотрены нормами международных правовых документов¹.

Указанный комплекс мер имеет весьма важное значение и может быть реализован в условиях определенных ресурсных ограничений. Поэтому потенциальные возможности повышения эффективности правоохранительной службы органов внутренних дел состоят в первую очередь в переориентации с карательно-административных установок на реализацию социально ориентированной профилактической функции, в оптимальном использовании кадровых возможностей, поиске и нахождении внутренних резервов, во внедрении инновационных приемов и методов работы, новых информационных технологий, улучшении организации и координации совместных действий, повышении научного уровня деятельности и организационной культуры, что в совокупности требует исследования и учета личностного фактора в правоохранительной деятельности [8, с. 46].

В рамках рассмотрения вопросов совершенствования системы подготовки кадров в ведомственном профессионально-правоохранительном образовании для органов внутренних дел Республики Таджикистан представляется возможным оперировать термином «кадровый потенциал», под которым мы понимаем интегративное сочетание личностных характеристик курсантов, слушателей, их специальных знаний, профессиональных умений и практических навыков, а также потенциальных возможностей, которые в процессе служебной деятельности могут быть активизированы и использованы для до-

¹ Программа реформы (развития) милиции на 2014–2020 годы [Электронный ресурс]: постановление Правительства Республики Таджикистан от 3 мая 2014 г. № 296. URL: <http://www.police-reform.tj/index.php/ru/k2/programm> (дата обращения: 10. 01.2017).

стижения правоохранных целей и решения задач, стоящих перед государством.

Социологический опрос свыше 700 респондентов по вопросам, связанным с формированием профессионального кадрового потенциала органов внутренних дел Российской Федерации, показал, что не все возможности, ориентированные на повышение качества кадрового состава, используются в полной мере [6, с. 69].

Авторы опроса обоснованно приходят к выводу о том, что фактический результат опроса свидетельствует о необходимости некоторой перестройки работы кадровых подразделений по улучшению морально-психологической подготовленности личного состава, воспитанию устойчивых позитивных качеств личности и формированию нетерпимого отношения к любым фактам противоправного поведения.

Эти проблемы также касаются кадрового потенциала сотрудников органов внутренних дел Республики Таджикистан. Данный вопрос затрагивает важное обстоятельство, связанное с тем, что в условиях изменения качественных характеристик преступности тенденция дальнейшего развития правоохранительной работы связывается с необходимостью использовать нераскрытые до конца возможности совершенствования системы отбора, подготовки и непрерывного повышения квалификации сотрудников, реализующих правоохранительную функцию.

Справедливо отмечено, что результат исполнения правовых установок зависит не только от качества имеющихся законов, их содержащих, а прежде всего от правильного понимания, верного толкования норм исполнителями этих предписаний [4, с. 5]. Эта потребность свидетельствует о необходимости создания новых благоприятных возможностей совершенствования организации образовательного процесса в средних и высших специализированных учебных заведениях МВД Республики Таджикистан, так как реализация имеющихся рабочих программ обучения, которые отвечают лишь на уже существующие запросы, не может привести к инновационному прорыву в реализации потребностей министерства в личностно-ориентированном формировании современных выпускников, отвечающих всем требованиям отечественного и международного законодательства. Нужны инициатива и настойчивость, активная гражданская позиция в формировании программ обучения [10, с. 92].

Так, в образовательных учреждениях системы МВД Республики Таджикистан курсанты и слушатели изучают дисциплину «Основы национальной безопасности», которая призвана сыграть направляющую и во многом определяющую роль в их профессиональном росте. Многочисленные вызовы, с которыми сталкивается сегод-

ня мировое сообщество в целом, приобретают все более и более сложный, комплексный характер. Адекватно ответить на эти вызовы способны лишь подготовленные сотрудники, воспитанные в духе обязательности неуклонного уважения конституционных прав и свобод человека и гражданина как основного принципа милицеской работы. Они должны знать круг базовых понятий, разъясняющих деятельность органов внутренних дел по противодействию внутренним угрозам национальной безопасности, усвоить соответствующие правовые нормы, четко представлять роль и место органов внутренних дел в этом процессе [13, с. 6].

Например, в Санкт-Петербургском университете МВД России в рамках рабочей программы, которая предназначена для курсантов и слушателей очной и заочной форм обучения, проводятся занятия по учебной дисциплине «Основы теории национальной безопасности» по направлению подготовки (специальности) 030901.65 – Правовое обеспечение национальной безопасности. Одной из целей изучения учебной дисциплины является обучение курсантов и слушателей систематизированным теоретическим и прикладным знаниям и представлениям по организационным и правовым основам функционирования системы обеспечения национальной безопасности, задачам и основным направлениям деятельности правоохранительных структур в противодействии внутренним и внешним угрозам; формирование практических навыков и умелых действий, воспитание внутренних потребностей в их реализации при применении на практике правоприменительных и контрольно-надзорных функций органов внутренних дел.

Кроме того, важность совершенствования обучения сотрудников органов внутренних дел вызывается необходимостью построения обновленной системы подготовки кадрового состава, которая ориентирована на интеллектуализацию правоохранительной функции государства. Сегодня к каждому специалисту (управленцу, менеджеру, дипломату, юристу) приходит осознание того, что мы живем не просто в информационном веке, а в высокоинтеллектуальном. Как справедливо подчеркнул Президент РФ В. В. Путин, все человечество вступает в эпоху кардинальных перемен; мировое развитие становится все более неравномерным; существует почва для возникновения новых конфликтных ситуаций экономического, геополитического, этнического характера; происходит жестокая борьба за ресурсы и прежде всего человеческие ресурсы, за интеллект [14]. Поэтому основным содержательным компонентом правоохранительной деятельности становится умственный ресурс, основанный не только на практически накопленных приемах и навыках, но и на до-

статочном объеме мировоззренческих, творческих и профессиональных знаний и приобретенных навыков, которые дают возможность всестороннего осмысления складывающейся ситуации [15, с. 15]. Можно с уверенностью утверждать, что правоохранительные органы сегодня остро ощущают необходимость в притоке не только высококлассных юристов, но и в специалистах с нестандартным мышлением, инновационными идеями, которые могут активно противостоять нынешним и будущим вызовам [3, с. 7].

Такая постановка проблемы вовсе не случайна — современная преступность пытается использовать мощные интеллектуальные возможности новых информационных технологий, что кардинально меняет формат и содержание традиционно сложившейся системы обеспечения глобальной безопасности, противодействия внутренним и внешним угрозам национальных государственных систем. Поэтому интеллектуализацию правозащитной деятельности необходимо рассматривать как приоритетное направление развития полицейского профессионального обучения [7].

Все большую актуальность в ведомственном специальном обучении приобретают вопросы становления и развития не только интеллектуального, но и духовно-нравственного, психологического потенциала курсантов, слушателей, которые имеют важное воспитательное значение в профессиональной подготовке. В идеале эти связи формируются в отношении, в которых индивидуальные интересы сотрудника полиции совпадают с общесоциальными интересами государства.

В научно-педагогических кругах обосновывается утверждение о том, что процесс восприятия ценностных установок, которые затем выстраиваются в линейку (рейтинг) значимости у молодых людей, будет успешным, когда социокультурные и психолого-педагогические условия обучения тесно связываются с эмоционально-волевыми и личностно-нравственными качествами обучаемых в процессе усвоения общих и специальных знаний [1, с. 115–117]. Превращение на этой основе общечеловеческих ценностей в систему внутриколлективных отношений имеет мотивированное индивидуальное значение для личности и сквозь призму индивидуального развития может способствовать укреплению национальной безопасности. Вполне обоснована убежденность российских авторов в том, что в интересах осознанного и преданного служения

гражданскому обществу в сфере правоохранительной деятельности формирование у сотрудников традиционных духовно-нравственных ценностей, которые составляют основу национальной государственности и консолидируют широкие слои населения, должно происходить в атмосфере высокого эмоционального подъема восприятия и обсуждения ценностей, а также совместной (общей) активной практической и учебно-педагогической работы [2, с. 67].

Разработка концептуальных основ деятельности органов внутренних дел как элемента системы обеспечения национальной безопасности государства позволит с характерного для таджикской социально-гуманитарной науки подхода к основам понимания правоохранительной деятельности в обществе наметить теоретические и осуществить практические шаги в построении обновленной системы подготовки кадров. Весь смысл работы педагогического коллектива заключается в развитии гуманистических качеств обучаемых, формировании творческой, активной индивидуальности курсантов, слушателей, которые с учетом их внутренних потребностей через приобретенные личностно-профессиональные качества и социально-нравственную установку реализуют знания, умения и навыки в общественно полезном характере выполняемой ими правоохранительной функции.

Кадровый потенциал органов внутренних дел как потенциальный ресурс должен быть ориентирован на интеллектуализацию правоохранительной деятельности, систематизированное освоение теоретических представлений об основных направлениях обеспечения национальной безопасности в стране, практических умений и навыков эффективной защищенности жизни, здоровья, прав и свобод граждан, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, поскольку, как подчеркнул глава государства, «обеспечение условий для достойной жизни жителей страны является высшей целью государства и правительства страны, и все наши ресурсы и возможности направляются нами для достижения этой цели» [13].

Таким образом, кадровый потенциал органов внутренних дел, при условии эффективного управления им, становится стратегическим ресурсом активного противодействия внутренним угрозам национальной безопасности в рамках проводимого реформирования и современных требований к правоохранительной деятельности.

Список литературы:

1. Бутинов К. В. Роль гражданско-патриотических ценностей в подготовке офицера

References:

1. Butinov K. V. The role of civic-patriotic values in training police officers // Bulletin of the

- полиции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 1 (23).
2. *Бутинов К. В., Тагиров З. И.* Универсальные духовно-нравственные ценности сотрудников правоохранительной системы как основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Совершенствование деятельности органов государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества в сфере обеспечения национальной безопасности: сб. матер. XVIII междунар. науч.-практ. конф. «Экстремальные ситуации, конфликты, социальное согласие» (Москва, 24 ноября 2016 г.). М., 2016.
 3. Встреча главы МВД России с участниками смены «Молодые юристы России» на международном форуме молодежных проектов «Селигер-2014» // Полиция России. 2014. № 8.
 4. *Гончаров И. В., Барбин В. В., Киричѣк Е. В.* Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел: учебник / под ред. И. В. Гончарова. М., 2015.
 5. *Гордиенко В. В.* Основные направления совершенствования подготовки руководящих кадров органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 3 (31).
 6. *Горошко И. В., Эльман Т. В.* О некоторых итогах изучения вопросов, связанных с формированием профессионального кадрового состава органов внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 2 (34).
 7. Из выступления *Рахимова Р. Х.* на совещании руководителей кадровых аппаратов Министерств внутренних дел государств – участников СНГ (г. Душанбе, Республика Таджикистан, 6 июня 2012 г.). URL: <http://mvd.tj/index.php/ru/vystuplenie> (дата обращения: 10.01.2017).
 8. *Морозов В. А., Федулов Б. А., Чернов Ю. Н.* Государственно-правовые аспекты формирования личностно-профессионального отношения сотрудника полиции к профессиональной деятельности // Алтайский юридический вестник. 2016. № 2 (14).
 9. *Назаров Н. Д.* Организационно-правовые основы становления и развития милиции Таджикистана (1917–2006 гг.): автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2007.
 10. *Носкова Л. Г.* Формирование человеческого капитала как проблема организации эффективного общения руководителя органа внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 2 (30).
 11. Основы теории национальной безопасности: учеб. пособ. М., 2014.
 - Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2016. № 1 (23).
 2. *Butinov K. V., Tagirov Z. I.* Universal'nye duhovno-nravstvennye cennosti sotrudnikov pravooxranitel'noj sistemy kak osnova obespechenija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Sovershenstvovanie dejatel'nosti organov gosudarstvennoj vlasti, mestnogo samoupravlenija i institutov grazhdanskogo obshchestva v sfere obespechenija nacional'noj bezopasnosti: sb. mater. XVIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «'Ekstremal'nye situacii, konflikty, social'noe soglasie» (Moskva, 24 nojabrja 2016 g.). M., 2016.
 3. Vstrecha glavy MVD Rossii s uchastnikami smeny «Molodye juristy Rossii» na mezhdunarodnom forumе molodezhnyh projektov «Seliger-2014» // Policija Rossii. 2014. № 8.
 4. *Goncharov I. V., Barbin V. V., Kirichjok E. V.* Obespechenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina v dejatel'nosti organov vnutrennih del: uchebnik / pod red. I. V. Goncharova. M., 2015.
 5. *Gordienko V. V.* Main areas of improvement leadership training of the interior // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2014. № 3 (31).
 6. *Goroshko I. V., 'El'man T. V.* Some results of the study of issues related to the formation of the professional staff of the internal affairs bodies Russian Federation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2015. № 2 (34).
 7. Iz vystuplenija *Rahimova R. H.* na soveshchanii rukovoditelej kadrovyyh apparatov Ministerstv vnutrennih del gosudarstv – uchastnikov SNG (g. Dushanbe, Respublika Tadjzhikistan, 6 ijunya 2012 g.). URL: <http://mvd.tj/index.php/ru/vystuplenie> (data obrashchenija: 10.01.2017).
 8. *Morozov V. A., Fedulov B. A., Chernov Ju. N.* State and Legal Aspects of Building Personal and Professional Attitude of a Police Officer to Law Enforcement Activity // Altai Law Journal. 2016. № 2 (14).
 9. *Nazarov N. D.* Organizacionno-pravovye osnovy stanovlenija i razvitija milicii Tadjzhikistana (1917–2006 gg.): avto-ref. dis. ... d-ra. jurid. nauk. M., 2007.
 10. *Noskova L. G.* Human capital formation as a problem of the organization of effective communication of the head of the internal affairs // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2014. № 2 (30).
 11. Osnovy teorii nacional'noj bezopasnosti: ucheb. posob. M., 2014.
 12. *Petrova S.* Upravlenie razvitiem kadrovogo potenciala v innovacionnoj 'ekonomike // Kadrovik. Kadrovij menedzhment. 2010. № 2.

12. Петрова С. Управление развитием кадрового потенциала в инновационной экономике // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2010. № 2.
13. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 20 января 2016 г. URL: <http://www.president.tj/ru/node/10587> (дата обращения: 11.01.2017).
14. Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (дата обращения: 26.09.2016).
15. Раджабов Д. Х. Национальная безопасность Республики Таджикистан: методология исследования в пограничной сфере. Душанбе, 2015.
16. Рябцев А. В., Гунич С. В. Формы и методы деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в системе обеспечения национальной безопасности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28).
17. Холов Х. К. Особенности национальной безопасности Республики Таджикистан в контексте вызовов и угроз современности: дис. ... канд. полит. наук. Душанбе, 2011.
13. Poslanie Prezidenta Respubliki Tadjhikistan, Lidera nacii 'Emo-mali Rahmona Madzhlisi Oli Respubliki Tadjhikistan ot 20 janvarja 2016 g. URL: <http://www.president.tj/ru/node/10587> (data obrashchenija: 11.01.2017).
14. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii V. V. Putina Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii ot 12 dekabrja 2012 g. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (data obrashchenija: 26.09.2016).
15. Radzhabov D. H. Nacional'naja bezopasnost' Respubliki Tadjhikistan: metodologija issledovanija v pograničnoj sfere. Dushanbe, 2015.
16. Rjabcev A. V., Gunich S. V. Formy i metody dejatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii v sisteme obespechenija nacional'noj bezopasnosti // Juridicheskaja nauka i pravoohranitel'naja praktika. 2014. № 2 (28).
17. Holov H. K. Osobennosti nacional'noj bezopasnosti Respubliki Tadjhikistan v kontekste vyzovov i ugroz sovremennosti: dis. ... kand. polit. nauk. Dushanbe, 2011.

Для цитирования:

Шарифзода Ф. Р., Ульянов А. Д., Шарифзода М. С. Кадровый потенциал органов внутренних дел как стратегический ресурс противодействия внутренним угрозам национальной безопасности Республики Таджикистан // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 105–111.

For citation:

Sharifszoda R. F., Ul'janov A. D., Sharifzoda M. S. Personnel potential of the internal affairs bodies as a strategic resource to counter the internal threats to the national security of the Republic of Tajikistan // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 105–111.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ретроспектива

О. А. АНДРЕЕВА,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
доктор философских наук, профессор
Таганрогский институт управления и экономики
Российская Федерация, 347900, Ростовская
область, г. Таганрог, ул. Петровская, д. 45
E-mail: ol-andr1@yandex.ru

O. A. ANDREEVA,
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Theory and History
of State and Law
Taganrog Institute of Management and Economics
Russian Federation, 347900, Rostov region,
Taganrog, Petrovskaya St., 45
E-mail: ol-andr1@yandex.ru

М. Ю. ФИСАКОВ,
старший следователь
контрольно-методического управления
ГСУ ГУ МВД России по Ростовской области
Российская Федерация, 344114,
г. Ростов-на-Дону,
ул. Обороны, д. 8
E-mail: fisakov_m@mail.ru

M. Yu. FISAKOV,
Senior Investigator of Control and Methodical
Management Department
The Main Investigative Department of The Main
Department of the Ministry of Internal Affairs
of Russia in the Rostov region
Russian Federation, 344114, Rostov-on-Don,
Oborony St., 8
E-mail: fisakov_m@mail.ru

12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве.

Scientific speciality:
12.00.01 — Theory and History of Law and State;
History of Doctrines about Law and State.

УДК 351.74:94(47)

Дата поступления статьи: 8 апреля 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Реформирование российских следственных органов в XIX в.: динамика смены моделей деятельности

Reform of the Russian Investigative Bodies of the XIX Century: Dynamics of Change of Models of Activity

Аннотация

Актуальность историко-правового анализа характера изменений деятельности правоохранительных органов в первой и во второй половине XIX в. позволяет понять их причины и особенности в связи с изменяющимися реалиями общественного и государственного развития того периода. Теоретико-методологической основой исследования особенностей их функционирования в системе органов государственной власти явились принципы диалектики, исторического познания, детерминизма, альтернативности и другие, обосновывающие необходимость из-

Annotation

The relevance of the historical and legal analysis of the nature of changes in the activities of law enforcement agencies in the first and second half of the nineteenth century makes it possible to understand their causes and characteristics in connection with the changing realities of social and state development of that period. The theoretical and methodological basis for studying the characteristics of their functioning in the system of state authorities was the principles of dialectics, historical knowledge, determinism, alternativeness, and others that substantiate the need to change the

менения компетенций полицейских органов, осуществлявших предварительное следствие и дознание в процессе изменения судебной системы в течение XIX в. В результате установлено, что как бы ни менялась деятельность правоохранительных органов от эпохи к эпохе, ее общие начала присутствуют в правовой системе государства, поскольку борьба с преступностью всегда была и остается одной из его основных функций. Выводы, полученные в результате исследования, заключаются в том, что формирование новых правоотношений начинается с пересмотра сложившейся практики и примерки к ней устоявшихся правовых конструкций, которые в будущем и уже в новой форме будут отражать иные общественные отношения. Формы и методы расследования преступлений, имевшие место в прошлом, как бы отодвигаются на второй план, но они продолжают присутствовать в новых концепциях по умолчанию.

Ключевые слова: история; государство; право; уголовная политика; полиция; судебный следователь; суд; реформы; следственные органы; формы и методы расследования.

competences of police bodies that carried out preliminary investigation and inquiry in the process of changing the judicial system during the XIX century. As a result, it was established that no matter how the activity of law enforcement agencies changes from era to era, its common principles are present in the legal system of the state, since the fight against crime has always been and remains one of its main functions. The conclusions obtained as a result of the study are that the formation of new legal relations begins with a revision of the established practice and fitting to it established legal structures that in the future and in the new form will reflect other social relations. Forms and methods of investigating crimes that have occurred in the past are relegated to the background, but they continue to be present in new concepts by default.

Key words: history; state; right; criminal policy; police; judicial investigator; court; reforms; investigative agencies; forms and methods of investigation.

В истории правоохранительных органов принцип преемственности становится эффективным в процессе анализа причин и механизмов их преобразования, вызванных новыми требованиями, предъявляемыми к их деятельности. В такие переломные периоды преемственность позволяет сохранить из старого знания и опыта наиболее позитивное, соответствующее новым требованиям, их накопление, и трансформация становится основой нового, оказывающего влияние на правовые, методологические и методические основы деятельности следственных органов в изменившихся исторических условиях. Историко-правовой подход позволил выявить закономерность трансформации деятельности полицейских органов в течение XIX в. на основе диалектики их развития и того, что новое знание не возникнет из ничего, а имеет глубокие корни в предыдущих этапах их деятельности.

Основной задачей следственных органов является исполнение законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство и расследование преступлений, соответствующего социально-экономическим, политическим, социокультурным и другим периодам истории Российского государства и права. До настоящего времени сохраняются серьезные проблемы в досудебном производстве, предварительном расследовании, понимании процессуальной самостоятельности следователя, специфике рас-

следования преступлений, совершаемых с помощью современных технологий, решение которых может повысить эффективность всей системы правоохранительных органов. Историко-правовую преемственность в деятельности правоохранительных органов можно рассматривать как исторический интервал, в рамках которого происходит ее модернизация и приспособление к новым реалиям общественного развития.

В истории Российской империи первыми следственными органами, осуществлявшими предварительное расследование, являлись «майорские» следственные канцелярии, созданные Указом Петра I от 25 июля 1713 г. «О создании следственной канцелярии гвардии майора М. И. Волконского». Они просуществовали недолго, лишь до 1726 г., но внесли положительный опыт в историю деятельности органов предварительного следствия и полиции. Прогрессивные изменения организационного характера в деятельности правоохранительных органов, осуществлявших предварительное расследование, произошли в связи с изданием Екатериной II Устава благочиния, или полицейского [3] в 1782 г., в котором особое внимание уделялось структуре и организационно-правовым вопросам деятельности полиции. Согласно Уставу полицейские органы были отнесены к исполнительной власти, а не к общей компетенции, поскольку за ними сохранялись судеб-

ные полномочия, требовавшие предварительного расследования преступного деяния и наказания виновных¹, исполнение которого возлагалось на полицию. В губернских и уездных городах были созданы Управы благочиния с целью охраны «покоя и добронравия», что означало правомерное поведение и порядок его соблюдения.

В декабре 1806 г. в Указе Московскому военному губернатору «О градской и земской полиции, разделении последней на станы и станových приставов» устанавливалось, что предварительное расследование в Санкт-Петербурге и Москве должно проводиться следственными приставами Московской градской полиции, которые в случае необходимости могли подключать земскую полицию Московского уезда [9]. Проведение предварительного следствия по уголовным делам было поручено специальному должностному лицу Указом от 29 августа 1808 г. «О следственных приставах, определяемых при полиции», в котором устанавливались цели и задачи их деятельности. Причиной издания данного указа, с одной стороны, стал рост преступности в столице Российской империи, с другой — проблемы, связанные с организацией предварительного следствия, его спецификой, необходимостью наличия профессиональных знаний и опыта при расследовании преступлений. В это время в профессиональной среде обсуждалась идея разделения земской полиции и нижних земских судов с целью повышения качества и сокращением сроков расследования преступлений, но самой сложной проблемой для того времени являлось упрощение бюрократических процедур.

Посредством правовой регламентации в первой половине XIX в. осуществлялась борьба с преступностью, профилактика и пресечение, раскрытие и расследование преступлений, что нашло отражение в Положении о земской полиции, изданном в 1837 г., и Наказе чинам и служителям земской полиции [4]. От объема их полномочий и правового статуса в системе органов государственной власти зависела оперативность деятельности и качество выполнения возложенных полномочий в условиях сохранения крепостного права и пережитков феодализма. Предварительное расследование преступлений осуществляли следственные органы земской полиции и земские исправники, надзор за их деятельностью осуществлялся губернским

прокурором и его помощниками на уровне уездов. В порядке надзора прокурор имел право:

- побуждать и наставлять следователей;
- приостанавливать рассмотрение дела;
- отстранять от участия в расследовании следственных (становых) приставов, а в особых случаях отстранять от должности и др.

В результате вместо независимости лица, осуществлявшие предварительное расследование, оказались в подчинении у высших представителей административной власти, имевших ресурсы воздействия на них. В условиях отсутствия специальных образовательных учреждений, готовящих к профессиональной деятельности сотрудников для расследования преступлений, взаимодействия с иными структурами правоохранительных органов, контроля со стороны государства, создавались предпосылки применению незаконных методов, произвола и коррупции.

Последующие реформы полицейских органов были продиктованы отменой крепостного права и необходимостью укрепления правопорядка после его отмены. В 60–70-х гг. XIX в. в Российской империи среди населения популярной была идея конституционной монархии и законодательного закрепления прав и свобод личности. Однако отсутствие диалога между властью и обществом, существовавший бюрократизм и сопротивление со стороны дворянства подготовке и проведению реформ привели к недовольству населения ею, что инициировало попытки деморализации государственной власти посредством экстремизма, терроризма, крестьянских бунтов. А. И. Суворов отмечает, что именно в то время сформировалась идея оправдания насилия со стороны подданных, если оно направлено против насилия со стороны власти [7, с. 127], которой пришлось защищать и сохранять себя на фоне произошедших в Западной Европе демократических преобразований государства и права. С другой стороны, деятельность народников привела к тому, что последующими экстремистами и в общественном сознании борьба за «счастье народа» посредством терроризма и экстремизма стала восприниматься как благое дело, традиция.

В ходе судебной реформы 1864 г., проводившейся параллельно с другими реформами, учитывался российский исторический опыт правоохранительных органов по обеспечению правопорядка и безопасности, использовались теория и практика уголовного законодательства ряда государств Западной Европы, в результате чего была создана современная для того времени модель процессуального порядка расследования преступлений. В соответствии с ней предварительное следствие, заключающееся в сборе доказательств с целью установления и избличения виновного лица, разделялось на два

¹ Согласно Уставу 1782 г. полиция пресекала уголовные правонарушения, имела право выносить судебные решения по гражданско-правовым спорам до 20 руб. и мелким кражам (ст. 70, 72); привлекала чиновников за взяточничество (ст. 251–252) и т. д. К ведению полиции относилось пресечение противоправных действий и сопротивление решениям властей, что требовало проведения расследования.

вида: предварительное и формальное. В процессе предварительного расследования устанавливались обстоятельства совершенного преступного деяния. В то же время в ходе формального следствия выяснялось, действительно ли лицо, в отношении которого осуществляется предварительное следствие, совершило преступление и подлежит ли оно наказанию. А. Ф. Кони писал, что «судебная реформа призвана была нанести удар худшему из видов произвола — судебному, прикрывающемуся маской формальной справедливости» [5, с. 13]. В условиях сохранения пережитков феодализма, принцип формальной справедливости и равномерности применения закона не мог быть реализован в действовавшей тогда системе формальных доказательств, где количественные оценки играли большую роль, чем объективные обстоятельства дела. В настоящее время формальное или правовое равенство граждан заключается в равной правоспособности, т. е. возможности приобретать права и дифференцированную ответственность в зависимости от тяжести совершенного правонарушения.

Канцелярией Александра II был разработан законопроект «О следствии», на основании которого функции предварительного расследования передавались суду, в результате чего следователи были отнесены к судебной власти. Указом Императора Александра II от 8 июня 1860 г. на них возлагалась обязанность производить расследование по всем преступлениям, относящимся к ведению судов, а менее тяжкие преступления и проступки были переданы в ведение полиции. Законами от 8 июня 1860 г. «Учреждение судебных следователей» и «Наказ судебным следователям» [1–2, 4, 11] суды получили право контроля деятельности судебных следователей. Они могли давать им предписания, отменять распоряжения, приостанавливать или прекращать следственные действия. Указанные изменения судебной системы в то время объяснялись необходимостью определения компетенции полицейских органов, осуществлявших предварительное следствие и дознание. В среде специалистов в области следственных практик и уголовного судопроизводства шли дискуссии о том, насколько могут быть независимыми следственные органы, необходимо ли создание органа, объединяющего полномочия в сфере оперативно-розыскной деятельности, дознания и предварительного следствия.

В это же время был разработан и введен в исполнение Наказ полиции о производстве дознаний по преступлениям и проступкам, в соответствии с которым в компетенцию полиции было передано осуществление расследования проступков, незначительных преступлений и дознание по некоторым уголовным делам. Новшеством в указанном Наказе было разделение

осуществления предварительного расследования на дознание и предварительное следствие, что было необходимым для разграничения компетенций в проведении расследования судебными следователями и полицейскими органами.

Ретроспективный анализ истории следственных органов помогает понять процесс их трансформации, место, которое они занимали в правовой системе государства, специфику их процессуального положения, полномочия, организацию взаимодействия с органами полиции и прокуратуры и все то, что оказывало влияние на эффективность их деятельности. Новым этапом уголовной политики Российской империи явились реформы 1860–1864 гг., основные новации которых нашли отражение в Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. В нем впервые было установлено, что «власть обвинительная отделяется от судебной...», а целью уголовного процесса является достижение объективной истины. И. Я. Фойницкий по этому поводу писал, что «истина — высший закон правосудия, стремлением к ней должны быть проникнуты все меры его» [12, с. 510]. Свобода оценки доказательств должна была основываться на внутреннем убеждении должностных лиц, ведущих процесс, основанный на объективном, всестороннем рассмотрении и учете всех обстоятельств дела. В соответствии с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. судебные следователи получили следующие процессуальные полномочия:

- начинать расследование с момента получения информации о преступлении и до судебного решения (ст. 212);
- самостоятельно взаимодействовать с прокурором (ст. 249, 278), судом (ст. 275, 277) и полицией (ст. 256);
- осуществлять предварительное следствие по уголовным делам (ст. 293);
- иметь право начать предварительное следствие в связи с обстоятельствами, указанными в ст. 297, и другие [10, с. 57].

В связи с указанными полномочиями возросли и требования к лицам, желающим стать судебными следователями. Так, кандидаты на указанные должности должны были иметь трехлетний стаж работы по судебной части, высшее юридическое образование и т. д.

Судебными следователями могли стать и присяжные поверенные при наличии свидетельства о добросовестном исполнении своих обязанностей из судов, где они работали, и наличие стажа работы не менее 10 лет [8]. В обязанности следователя входило выяснение обстоятельств совершенного преступления, получение доказательств, уличающих обвиняемого, и получение сведений, его оправдывающих. Следователю запрещалось принуждать лицо, совершившее пре-

ступление, к даче показаний, а также применять в отношении него какое-либо воздействие (психическое и физическое) с целью получения признательных показаний. В случае отказа обвиняемого в ходе допроса давать показания следователь должен был сделать об этом соответствующую запись в протоколе. Также в обязанности следователя входило принятие должных мер, направленных на производство предварительного следствия. За исключением случаев, предусмотренных законом, судебный следователь мог осуществлять проверку собранных полицией материалов о совершенном преступлении, дополнять проведенное дознание, отменять необоснованные и незаконные решения, вынесенные при производстве дознания, и поручать полиции сбор необходимой информации [10, с. 64].

Судебные следователи не могли прибегать к процессуальной обвинительной односторонности и предвзятости в процессе расследования преступлений, что имело большое значение с точки зрения либерально-правовой концепции уголовного судопроизводства. Конструкцией действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² следователь отнесен к стороне обвинения, в соответствии с разделом 2 гл. 6, в которой ст. 38 указывает на его правовое положение и то, что он уполномочен выполнять. Близкими компетенциями обладали и судебные следователи, которые позволяли им устанавливать в ходе расследования все обстоятельства совершенного преступления, что, по нашему мнению, с одной стороны, способствовало совершенствованию их деятельности, с другой – смене модели правоохранительных органов.

В 1870 г. были учреждены должности судебных следователей по важнейшим делам, а затем в 1875 г. при окружных судах появились следователи по особо важным делам. У созданного аппарата возникли сложности в расследовании преступлений, что было вызвано отсутствием необходимой помощи со стороны полиции, относящейся к ним с недоверием, что в свою очередь привело к возникновению ряда проблем законодательного разграничения предварительного следствия и полицейского дознания. Из-за возникавших конфликтов интересов между полицией и судебными следователями последние не редко дублировали функции дознания, несогласованность в их действиях приводила к ненадлежащему расследованию дел, в том числе утрате доказательств, что в результате приводило к возможности уклонения от уголовной ответственности подозреваемого лица. Кроме того, в работу следователей в рамках действующего процес-

суального контроля вмешивалось и региональное начальство в лице губернатора и губернского прокурора, имевших право давать указания, предписания и предложения, что нарушало принцип их независимости. С другой стороны, судебные следователи в процессе своей деятельности не всегда были добросовестными и безупречными, ими допускались нарушения принципа законности. В обязанность председателя окружного суда входило восстановление прав, нарушенных их действиями, что предполагало дисциплинарную или уголовную ответственность.

Особенностью уголовной политики Российской империи в период проведения судебной реформы 1864 г. являлась ее противоречивость, заключающаяся в том, что наряду с прогрессивными тенденциями продолжали сохраняться пережитки феодализма [6, с. 8–14]. Особенно это было заметно в процессе предварительного следствия, включившего в себя как новые принципы, так и пережитки дореформенного уголовного процесса. Так, следственный процесс носил закрытый характер, в ходе проведения следственных действий с подозреваемым лицом в совершении преступления отсутствовал защитник, контролировавший действия следователя и многое другое, что с точки зрения современного права является нарушением прав лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Прогрессивным методом в борьбе с преступностью можно назвать хотя и слабо развивающуюся, но внедряющуюся в следственную деятельность криминалистику, развитие которой способствовало изобличению лиц, совершающих преступления.

Необходимо отметить, что опыт создания указанного органа судебных следователей в России был положительный, что свидетельствует о его неоспоримой важности в обеспечении беспристрастного и качественного расследования преступлений. Однако его создание как в прошлом, так и настоящем было связано с дискуссиями об их необходимости и влиянии на принятие судебного решения. С одной стороны, данный орган являлся преградой от нарушений, допускаемых полицией, с другой – выделение следствия в отдельный орган не помогло в XIX в. реализации стоящих перед ним задач. В настоящее время также отмечается смешивание следственных и оперативных функций, что, безусловно, влияет на качество и на сроки расследования.

Рождение новых идей и теорий в уголовном праве и правовой политике государства связано с влиянием различных факторов социально-экономического, политического, культурного, национального характера. Однако рождение новых правоотношений начинается с пересмотра сформировавшейся практики и примерки

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

к ним устоявшихся правовых конструкций, которые впоследствии в новой форме будут отражать иные общественные отношения. Формы и методы расследования преступлений, имевшие место в прошлом, как бы отодвигаются на второй план, но они непременно продолжают присутствовать в новых идеях по их усовершенствованию по умолчанию. Мы рассматриваем это как специфическую черту деятельности следственных органов, которая возможна непременно на базе преемственности, а применительно к теории права — правопреемственности, так как право в общем смысле является юридическим оформлением политических решений, т. е. больше идеологией, чем наукой.

Деятельность следственных органов на протяжении всей истории своего существования неоднократно подвергалась различного рода изменениям: смене подчинения, способам и методам расследования преступлений и так далее, что всегда является поводом для дискуссии. Однако на сегодняшний день нет единого подхода, позволившего понять, какая именно модель организации деятельности органов предварительного следствия является наиболее эффективной в борьбе с преступностью, в том числе и в настоящее время. По нашему мнению, в настоящее время наиболее эффективными в борьбе с преступностью являются следственные подразделения МВД России, так как их деятельность осуществляется в полном взаимодействии с сотрудниками других служб органов внутренних дел, что способствует своевременному раскрытию и расследованию преступлений.

Любые реорганизации института предварительного следствия были связаны с возникающими изменениями в государстве и в обществе, в том числе изменением правосознания, сформировавшейся правоприменительной практикой и особенностями борьбы с преступностью. До настоящего времени не существовало и сейчас не существует совершенной законодательной модели, регулирующей деятельность предварительного следствия, но необходимо стремиться к ее созданию. Если она не будет основываться на вышеуказанных факторах, то, по нашему мнению, непременно будет давать сбои в ходе практической деятельности, компрометируя при этом идеалы передовой теоретической мысли, демократической организации уголовного судопроизводства, уголовного права и процесса. Такой подход к истории правоохранительных органов позволяет показать динамику смены моделей правоотношений, определявших деятельность следственных органов как единственного направления их развития в виде ветвящейся графики. На основании изложенного необходимо отметить, что следственная деятельность во все периоды истории относится к диссипативной системе, т. е. далекой от равновесия. Эта деятельность находится в постоянном становлении и эволюционирует с возникающими изменениями в государстве и обществе благодаря механизмам отбора. Как бы ни менялась деятельность правоохранительных органов от эпохи к эпохе, ее общие начала присутствуют в основе всех правовых систем, поскольку борьба с преступностью всегда была и остается одной из функций государства.

Список литературы:

1. Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления или проступок от 8 июня 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. № 35892.
2. Наказ судебным следователям от 8 июня 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. № 35891.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. № 14392.
4. Положение о земской полиции от 1 июля 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. № 10306.
5. *Смолярчук В. И.* Гиганты и чародеи слова. Русские судебные ораторы второй половины XIX — начала XX века. М., 1984.
6. Современная уголовно-правовая политика российского государства: тенденции развития и направления модернизации: мо-

References:

1. Nakaz policii o proizvodstve doznaniya po proisshествiyam, mogushchim zaklyuchat' v sebe prestupleniya ili prostupok ot 8 iyunya 1860 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. № 35892.
2. Nakaz sudebnym sledovatelyam ot 8 iyunya 1860 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. № 35891.
3. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. № 14392.
4. Polozhenie o zemskoj policii ot 1 iyulya 1837 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. № 10306.
5. *Smolyarchuk V.I.* Giganty i charodei slova. Russkie sudebnye oratory vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka. M., 1984.
6. Sovremennaya ugovolno-pravovaya politika rossijskogo gosudarstva: tendencii razvitiya i napravleniya modernizacii: monografiya /

- нография / О. В. Карягина, О. А. Андреева, А. В. Карягина и др. Таганрог, 2018.
7. Суворов А. И. Антитеррористическая деятельность в дореволюционной России // Социс. 2000. № 6.
 8. Тарасов А. В. Реформа предварительного следствия – три века одна проблема // Юридическая техника. 2011. № 5.
 9. Указ Московскому военному губернатору «О градской и земской полиции, разделенных последней на станы и станových приставов» от 1 декабря 1806 г. // Собрание законов о полицейском управлении или наказы губернаторские и Устав Управы благочиния с включением законов, им предшествовавших и последовавших, с 1708 по апрель месяц 1823. СПб., 1823.
 10. Устав уголовного судопроизводства. Российское законодательство X–XX в.: в 9 т. Судебная реформа М., 1991. Т. 8.
 11. Учреждение судебных следователей от 8 июня 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. № 35890.
 12. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. 2.

Для цитирования:

Андреева О. А., Фисаков М. Ю. Реформирование Российских следственных органов XIX в.: динамика смены моделей деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 112–118.

For citation:

Andreeva O. A., Fisakov M. Yu. Reform of the Russian investigative bodies of the XIX century: dynamics of change of models of activity // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 112–118.

Л. Ю. ВАРЕНЦОВА,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
кандидат исторических наук, доцент
Нижегородская академия МВД России
Российская Федерация, 603950, г. Нижний
Новгород, Анкундиновское шоссе, д. 3
E-mail: l_varentsova.65@mail.ru

Научная специальность:
12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве.

УДК 351.74

Дата поступления статьи: 14 декабря 2018 г.
Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Борьба милиции со спекуляцией в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Police Struggle Against Speculation in the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)

Аннотация

Проблема: в статье идет речь о борьбе со спекуляцией как одном из важнейших направлений деятельности милиции в годы Великой Отечественной войны. Источниками для данного исследования послужили опубликованная и неопубликованная делопроизводственная документация, законодательство, периодическая печать времен Великой Отечественной войны. Наиболее важными источниками стали доклады МВД СССР по борьбе со спекуляцией за 1943–1945 гг., сохранившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации. Они дают представление о деятельности органов внутренних дел по пресечению спекуляции в различных регионах Советского Союза, показывают формы и методы спекуляции в период Великой Отечественной войны.

Цель: научная новизна статьи определяется введением в научный оборот новых исторических источников, прежде всего архивных материалов – делопроизводственной неопубликованной документации, находящейся в фонде 9515 «Главное управление милиции МВД СССР» в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва).

Методы: в данной статье использовались историко-сравнительный, системный, статистический методы исследования.

L. Yu. VARENTSOVA,

Candidate of History, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of Theory and History of State and Law,
Nizhny Novgorod academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 603950, Nizhny Novgorod,
Ankudinovskoye highway, 3
E-mail: l_varentsova.65@mail.ru

Scientific speciality:
12.00.01 – Theory and History of Law and State;
History of Doctrines about Law and State.

Annotation

The problem statement: the article deals with the fight against speculation as one of the most important activities of the police during the Great Patriotic war. The sources for this study were published and unpublished records, legislation, periodicals of the Great Patriotic war. The most important sources were the reports of the Interior Ministry of the USSR on combating speculation for the 1943–1945, preserved in the funds of the State archive of the Russian Federation. They give an idea of the activities of the law enforcement bodies to suppress speculation in the various regions of the Soviet Union, show the forms and methods of speculation during the Great Patriotic war.

The purpose: the scientific novelty of the article is determined by introduction into scientific circulation of new historical sources, especially archival material – unpublished office documentation, located in the Fund 9515 «Main police department of the Ministry of internal Affairs of the USSR» in State archive of the Russian Federation (GARF, Moscow).

The methods: this article uses historical comparative, system, statistical methods of research.

The results: the specifics of the soviet police in the terms of personnel hunger, growth of the economic crimes during wartime are analyzed; special attention is given to the service of the Department

Выводы: проанализирована специфика деятельности советской милиции в условиях кадрового голода, роста экономических преступлений в период военного времени; особое внимание уделено службе ОБХСС; приведены ценные статистические сведения по борьбе со спекуляцией в годы Великой Отечественной войны; названы органы милиции, добившиеся наилучших результатов в расследовании экономических преступлений в СССР в 1941–1945 гг.

Ключевые слова: спекуляция; милиция; Великая Отечественная война; преступность.

Against Misappropriation of Socialist Property; provides valuable statistical information on the fight against speculation during the Great Patriotic war; the police bodies that achieved the best results in investigation of the economic crimes in the USSR in 1941–1945 are named.

Key words: speculation; police; Great Patriotic war; criminality.

Приказом НКВД СССР от 16 марта 1937 г. № 00118 в составе Главного управления милиции был создан отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией. В прошлом, 2017 г., исполнилось 80 лет со дня основания службы ОБХСС [12, с. 22]. За это время произошло много перемен: трансформировались структура, название службы, методы деятельности на различных этапах ее функционирования. На каждом из этапов были своя специфика и особенности борьбы с экономическими преступлениями.

Актуальность данной статьи заключается в изучении исторического опыта деятельности органов внутренних дел в особо сложных условиях военного времени. Цель настоящего исследования – проанализировать борьбу со спекуляцией как одно из направлений деятельности советской милиции в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). К данной проблеме в той или иной степени обращались такие ученые, как А. В. Афанасьев, Ю. В. Галкин [1], А. М. Емелин [2], В. И. Костин [7, 8], С. В. Постников [11], С. В. Ханин [9] и другие исследователи.

Научная новизна статьи определяется введением в научный оборот новых исторических источников, прежде всего архивных материалов – делопроизводственной неопубликованной документации, находящейся в фонде 9515 «Главное управление милиции МВД СССР» в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва).

Важнейшими являются следующие исторические источники: 1) «НКВД СССР. Главное управление милиции. Доклад о работе органов милиции по борьбе с расхищениями социалистической собственности и спекуляцией за 1943 г.» [3]; 2) «Министерство внутренних дел СССР. Доклад о работе органов милиции по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией за 1944 г.» [4]; 3) «Министерство внутренних дел СССР. Доклад о работе органов мили-

ции по борьбе с хищениями, разбазариванием социалистической собственности и спекуляцией за 1945 г.» [5]. За первые два года Великой Отечественной войны подобных отчетов нет.

Великая Отечественная война считается одним из главнейших событий в истории нашей страны в XX столетии. Война являлась серьезным испытанием для всего советского народа. 7 июля 1941 г. вышла директива НКВД СССР, в которой определялись задачи милиции на период военного времени. В это время к сотрудникам органов внутренних дел предъявлялись жесткие требования по организации их работы. Они обязывались бдительно охранять важные государственные объекты, колхозные поля, склады, зернохранилища, бороться со всеми видами преступности. Беспощадно разоблачались воры, спекулянты, расхитители социалистической собственности [14, с. 1]. Преступления экономической направленности доминировали среди преступлений периода Великой Отечественной войны. В июне 1941 г. приблизительно 35 % личного состава милиции оказалось мобилизованным на фронты [12, с. 30]. На оставшихся в тылу сотрудников была возложена ответственность за правопорядок в СССР.

Охрана социалистической собственности, бережное расходование продуктов питания, товаров первой необходимости ставились под контроль Государственного комитета обороны, ЦК ВКП(б), центральных комитетов республик, партийных организаций на местах [13, с. 170].

В годы Великой Отечественной войны сотрудники ОБХСС бережно охраняли народное богатство, боролись с расхитителями социалистической собственности, валютчиками, фальшивомонетчиками, способствовали укреплению экономической мощи СССР, вернули государству многие ценности, крупные суммы денег [12, с. 51]. ОБХСС в годы Великой Отечественной войны входил в состав Главного управления милиции. Региональные подразделения службы не подверглись изменениям [11, с. 263]. Весь военный период ОБХСС ГУМ МВД СССР возглавлял ко-

миссар милиции 3-го ранга Владимир Яковлевич Громилов (1940–1947 гг.) [12, с. 33].

Только в 1945 г. сотрудниками ОБХСС было изъято у преступников 148 530 957 руб. наличных денег, золота на сумму 154 170 руб., изделий из золота 40,4 кг, 7 415 т продуктов, других товаров на сумму 18 802 157 руб., промтоваров на 126 608 773 руб. [5, л. 25].

В 1941–1945 гг. спекуляция и хищения мешали нормальному снабжению армии и населения продуктами и предметами первой необходимости. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» дела о спекуляции могли передаваться на рассмотрение военных трибуналов [10].

Под спекуляцией в виде промысла следует понимать такую систематическую деятельность по скупке и перепродаже товаров или предметов с целью наживы, которая является для виновного основным или дополнительным источником средств существования. Спекуляция в виде промысла имеет два обязательных признака: систематичность действий и извлечение из спекулятивной деятельности постоянного дохода [6, с. 27].

Борьба со спекуляцией стала одним из важнейших направлений деятельности милиции в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Основное внимание органов милиции в обстановке военного времени было направлено на максимальное вскрытие спекулятивного подполья и каналов спекуляции в различных торгово-хозяйственных организациях [3, л. 4]. Согласно «Докладу о работе органов милиции по борьбе с расхитителями социалистической собственности и спекуляцией за 1943 г.» в ряде городов СССР неплохо была организована работа по борьбе со спекуляцией (Сталинград, Москва, Тула, Горький, Ярославль, Иваново) [3, л. 10].

Многие отделы милиции продолжали вести борьбу со спекуляцией неудовлетворительно. К ним относятся органы милиции Азербайджанской и Таджикской ССР, Приморского и Алтайского краев, Марийской и Мордовской АССР, Вологодской, Иркутской, Курганской, Рязанской областей [3, л. 31].

В 1943 г. основное внимание уделялось увеличению агентурного аппарата по спекуляции в торговле, потребительской кооперации, в отделах рабочего снабжения и объектах карточной системы, в пищевых предприятиях, в сельском хозяйстве, на предприятиях текстильной, легкой промышленности [3, л. 7]. Существовавший агентурный аппарат вырос, а качественно улучшился еще недостаточно.

В 1943–1944 гг. органы милиции выполняли требования постановления Государственного комитета обороны от 22 января 1943 г. об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продо-

вольственных и промышленных товаров и приказов НКВД СССР от 13 февраля 1943 г. № 00316 и от 22 июня 1943 г. № 001020. Значительным образом была увеличена агентура на обслуживаемых объектах [5, л. 4].

В «Докладе о работе органов милиции по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией за 1944 г.» отмечено, что наиболее распространенными формами и методами спекуляции являлись: а) связи спекулянтов с работниками торговых, снабженческо-сбытовых и других организаций и использование их в качестве источников приобретения продовольственных и промышленных товаров для спекуляции; б) непосредственная спекуляция товарами и продуктами работниками этих организаций; в) деятельность кустарей, занимавшихся незаконным приобретением товаров и изготовлением различных изделий для продажи по спекулятивным ценам; г) скупка в сельскохозяйственных районах продуктов и перепродажа их по завышенным ценам в городах и рабочих центрах [4, л. 8].

Для беспрепятственного проезда по железным дорогам и провоза товаров, предназначенных для перепродажи, спекулянты использовали преступные связи с работниками железнодорожного транспорта, служебные и фиктивные командировки, работников предприятий и учреждений, различного рода поддельные документы (удостоверения, пропуска) [4, л. 8]. В 1944 г. проведено дел о спекуляции 23 579, по которым привлечено 31 591 человек [4, л. 9].

Лучшими по борьбе со спекуляцией в 1944 г. являлись органы милиции Узбекской ССР, Башкирской АССР, Краснодарского края, Сталинградской области [4, л. 9]. Недостаточно в 1944 г. в этом направлении была организована работа в Мордовской АССР, Алтайском крае, Владимирской, Ивановской, Кировской, Пензенской, Рязанской областях, [4, л. 9]. После освобождения от немецкой оккупации территории Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы, Латвии, Карело-Финской ССР борьба со спекуляцией на этих территориях имела свою специфику. Там была допущена частная торговля, привлекались агенты из числа частных торговцев [4, л. 9].

К концу Великой Отечественной войны количество агентуры для борьбы со спекуляцией продолжало увеличиваться. Если на 1 января 1945 г. для этих целей имелось 34 133 человека, то к началу 1946 г. — 39 161 человек, т. е. число агентов выросло на 5 028 человек или на 14,7 % [5, л. 9].

Размеры спекуляции к 1945 г. уменьшились. Наиболее распространенным методом спекуляции к концу войны являлась связь спекулянтов с работниками торговых, заготовительных, снабженческих и других организаций и использование их в целях приобретения похищенных товаров для спекуляции [5, л. 25–26]. Например, в Ле-

нинграде была арестована группа спекулянтов из пяти человек, которая систематически сбывала сливочное масло, консервы и другие продукты.

В «Докладе о работе органов милиции по борьбе с хищениями, разбазариванием социалистической собственности и спекуляцией за 1945 г.» указано, что спекулянты Орлов, Лукин и другие имели преступную связь с работниками отдела снабжения пересыльного пункта Ленинградского военного округа Курькиным, Морозовым, Соловьевым, у которых скупали похищенные продукты для спекуляции [5, л. 26]. Всего ими было скуплено и перепродано 875 кг сливочного масла, 1 000 банок консервов, 15 кг чая. У участников преступной группы сотрудниками милиции было изъято 200 000 руб., других ценностей на сумму более 50 000 руб. [5, л. 26].

Широко распространились выезды спекулянтов в сельскохозяйственные районы для сбыта промышленных товаров и одновременной закупки сельскохозяйственных продуктов для реализации в городах и рабочих поселках.

Для проезда по железнодорожным путям спекулянты устанавливали преступные связи с работниками поездных бригад. В «Докладе о работе органов милиции по борьбе с хищениями, разбазариванием социалистической собственности и спекуляцией за 1945 г.» приведен следующий пример. В городе Кропоткин Краснодарского края была арестована группа спекулянтов из 11 человек, возглавлявшаяся инвалидом Великой Отечественной войны П. Кишиловым. Эта группа скупала в промышленных районах Ивановской и Владимирской областей в больших количествах мануфактурные товары. При содействии работников поездных бригад железнодорожного транспорта К.М. Чалой, Е.Л. Бочкаревой мануфактурные товары доставлялись в Краснодарский край и продавались по спекулятивным ценам. Одновременно спекулянты скупали в различных районах Краснодарского края масло, сало и другие сельхозпродукты, которые доставлялись для реализации в Иваново, Ковров, Владимир. Всего закупили и перепродали 10 000 м мануфактуры и более 1 000 кг сельхозпродуктов. При аресте у спекулянтов изъято 293 000 руб., 216 м мануфактуры и большое количество сельхозпродуктов [5, л. 26–27].

Согласно докладу МВД СССР за 1945 г. имели место факты, когда отдельные представители министерств, предприятий, учреждений при выездах в служебные командировки скупали в больших количествах разные товары широкого потребления для реализации их по спекулятивным ценам. Например, в г. Сталинске Кемеровской области был арестован прибывший туда в командировку начальник планового отдела Спецстройтреста Министерства черной металлургии СССР М.С. Лученок, который привез с собой разной готовой одежды и других промтоваров на сумму

100 000 руб. Реализацию товаров он производил через местных спекулянтов Харькина, Малютина и др. [5, л. 27].

Установлено, что некоторые спекулянты имели связи с отдельными работниками управлений рынками, за взятки оказывавшими спекулянтам содействие в реализации на рынках сельхозпродуктов под видом колхозной торговли [5, л. 27].

Одним из источников снабжения спекулянтов товарами являлись кустари, занимавшиеся незаконной выработкой разных изделий из похищенного сырья и полуфабриката. Органами милиции было выявлено около 40 000 кустарей, занимавшихся незаконной выработкой разных изделий [5, л. 28]. Например, Управлением милиции Московской области арестован бывший кустарь С.С. Алферов, дважды судимый, совершивший побег из мест заключения, проживавший в Московской области по документам на имя Киселева. Он организовал в Салтыковском районе Московской области нелегальную мастерскую по выработке кремней для зажигалок и спиралей к электроплитам с использованием четырех наемных рабочих. У работников заводов «Серп и Молот», «Химкраска» скупал похищенные фосфор, бакелит, бертолетовую соль, цинковую пыль, хромированную проволоку и другие материалы. Алферовым было изготовлено более 10 000 000 штук кремней и 100 000 спиралей, которые реализовывались через спекулянтов, а также в магазинах и киосках. При аресте у Алферова сотрудниками милиции было изъято 296 000 руб., 700 000 кремней для зажигалок, 500 штук спиралей и более трех т сырья и полуфабрикатов [5, л. 29].

В военное время стало распространенным такое общественное явление, как «мешочничество», вызванное сложностью в обеспечении населения продовольствием, ставшее одним из источников для спекуляции. «Мешочники» в огромных количествах концентрировались близ железнодорожных вокзалов, препятствовали нормальному движению поездов. Государственным комитетом обороны 25 сентября 1942 г. было принято постановление, согласно которому органы внутренних дел обязывались вести решительную борьбу с «мешочниками» [1, с. 100]. С этой целью введен контроль за грузами, перевозившимися железнодорожным и водным транспортом. Гражданину было разрешено провозить груз не более 16 кг. В противном случае груз могли изъять и сдать в торговую организацию.

Нарушители установленных правил задерживались и привлекались к ответственности [1, с. 100]. В 1943 г. проблема борьбы с «мешочничеством» не была окончательно ликвидирована. «Мешочников» можно было встретить на товарных поездах Юго-Восточной, Казанской, Куйбышевской,

Оренбургской, Московско-Рязанской железных дорог. Они мешали движению воинских эшелонов. В места скопления «мешочников» направлялись специальные милицейские отряды. Органами милиции арестовывались служащие железнодорожного и водного транспорта, вступавшие в сделки с «мешочниками» [13, с. 171].

Несмотря на ограничение в проезде по железным дорогам, продолжало развиваться «мешочничество». В 1944 г. транспортной милицией было снято с поездов 87 907 «мешочников», у них изъято 4 460 т сельхозпродуктов. В 1945 г. снято 75 826 «мешочников» [5, л. 29].

Вплоть до окончания Великой Отечественной войны широкое распространение имела мелкая спекуляция. На каждом из городских рынков имелись простые рыночные спекулянты из числа стариков, инвалидов, несовершеннолетних.

Вследствие усиления агентурно-оперативной работы по борьбе со спекуляцией количество уголовных дел и вскрытых спекулятивных групп увеличивалось. В 1944 г. имелось 23 579 законченных уголовных дел, по которым привлечено 31 598 человек, в 1945 г. — 24 516 дел и 33 524 человека [5, л. 31]. В отдельных городах и областях следствие по делам о спекуляции велось на низком уровне (Воронежская, Ивановская, Московская, Омская, Пензенская, Рязанская области, Москва, Ленинград) [5, л. 32].

После окончания Великой Отечественной войны появились факты скупки у военнослужащих Красной Армии и членов их семей товаров и различных ценностей заграничного производства и реализации их на рынках по спекулятивным ценам [5, л. 29].

В «Докладе о работе органов милиции по борьбе с хищениями, разбазариванием социалистической собственности и спекуляцией за 1945 г.» отмечалось, что «некомплект в штатах работников ОБХСС в городских отделах составлял 27 %, городских управлениях милиции — 24 %, в республиканских, краевых, областных аппаратах — 18,6 %, в городских отделениях милиции — 15 %» [5, л. 4].

В годы Великой Отечественной войны сотрудники милиции внесли свой важнейший вклад в достижение победы над врагом. В сложнейших исторических условиях они обеспечивали правопорядок, пресекали различные виды преступлений. Борьба со спекуляцией являлась важнейшим направлением их деятельности. Исторический опыт деятельности органов внутренних дел в 1941–1945 гг. имеет огромное значение. Этот исторический опыт следует учитывать и максимально использовать в современных условиях по нескольким причинам.

Во-первых, в годы Великой Отечественной войны применялись такие законодательные акты, которые позволяли с большой эффективностью вести борьбу с экономическими преступлениями на территории огромной страны. Во-вторых, в СССР в период военных испытаний была высокая раскрываемость преступлений, которая возрастала с каждым годом. В-третьих, Великая Отечественная война — это период деятельности советской милиции в экстремальных условиях, когда значительная часть сотрудников оказалась на фронтах, ощущалась нехватка кадров. Это яркий пример для руководства МВД России рационального использования сил сотрудников в экстремальных ситуациях.

Список литературы:

1. Афанасьев А. В., Галкин Ю. В. Российская милиция. Краткая хроника (октябрь 1917–2000 г.). Саратов, 2001.
2. Емелин С. М. Борьба со спекуляцией как одно из основных направлений деятельности органов внутренних дел в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9.
3. НКВД СССР. Главное управление милиции. Доклад о работе органов милиции по борьбе с расхищениями социалистической собственности и спекуляцией за 1943 г. // ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 91.
4. Министерство внутренних дел СССР. Доклад о работе органов милиции по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией за 1944 г. // ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 92.
5. Министерство внутренних дел СССР. Доклад о работе органов милиции по борь-

References:

1. Afanas'ev A. V., Galkin Yu. V. Rossijskaya miliciya. Kratkaya hronika (oktyabr' 1917–2000 g.). Saratov, 2001.
2. Emelin S. M. Bor'ba so spekulyaciej kak jedno iz osnovnyh napravlenij deyatel'nosti organov vnutrennih del v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Istoriya gosudarstva i prava. 2010. № 9.
3. NKVD SSSR. Glavnoe upravlenie milicii. Doklad o rabote organov milicii po bor'be s raskhishcheniyami socialisticheskoj sobstvennosti i spekulyaciej za 1943 g. // GARF. F. 9415. Op. 5. D. 91.
4. Ministerstvo vnutrennih del SSSR. Doklad o rabote organov milicii po bor'be s hishcheniyami socialisticheskoj sobstvennosti i spekulyaciej za 1944 g. // GARF. F. 9415. Op. 5. D. 92.
5. Ministerstvo vnutrennih del SSSR. Doklad o rabote organov milicii po bor'be s hishcheniyami, razbazarivaniem socialisticheskoj sob-

- бе с хищениями, разбазариванием социалистической собственности и спекуляцией за 1945 г. // ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 5. Д. 93.
6. Колосова В. И., Суховерхий В. Л., Михолап Г. Д. Эффективные меры борьбы со спекуляцией. Горький, 1977.
 7. Костин В. И. История российской милиции. Н. Новгород, 1997.
 8. Костин В. И. Милиция в годы Великой Отечественной войны. Н. Новгород, 1995.
 9. Костин В. И., Ханин С. В. История органов внутренних дел России: учеб. пособ. Н. Новгород, 2015.
 10. О военном положении (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г.) // Хрестоматия по истории государства и права России: учеб. пособ. / сост. Ю. П. Титов. М., 2010.
 11. Постников С. В. Становление и развитие органа, осуществляющего правоохранительную функцию государства в сфере экономики в период с 1937 по 1991 год (на примере отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26).
 12. Становление и развитие подразделений экономической безопасности МВД России. Исторический очерк (посвящается 80-летию службы БХСС – БЭП – ЭБиПК): монография / Л. Ю. Варенцова, Е. П. Колодеев, А. Н. Лушин и др. Н. Новгород, 2017.
 13. Советская милиция: история и современность 1917–1987. М., 1987.
 14. Хорошо работают // На страже. 1941. № 32 (412).
- stvennosti i spekulyaciej za 1945 g. // GARF. F. 9415. Op. 5. D. 93.
 6. Kolosova V. I., Suhoverhij V. L., Miholap G. D. Ehffektivnye mery bor'by so spekulyaciej. Gor'kij, 1977.
 7. Kostin V. I. Istoriya rossijskoj milicii. N. Novgorod, 1997.
 8. Kostin V. I. Miliciya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. N. Novgorod, 1995.
 9. Kostin V. I., Hanin S. V. Istoriya organov vnutrennih del Rossii: ucheb. posob. N. Novgorod, 2015.
 10. O voennom polozhenii (Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 22 iyunya 1941 g.) // Hrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii: ucheb. posob. / sost. Yu. P. Titov. M., 2010.
 11. Postnikov S. V. Stanovlenie i razvitie organa, osushchestvlyayushchego pravoohranitel'nyuyu funkciyu gosudarstva v sfere ehkonomiki v period s 1937 po 1991 god (na primere otdela po bor'be s hishcheniyami socialisticheskoy sobstvennosti i spekulyaciej) // Yuridicheskaya nauka i praktika: Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia. 2014. № 2 (26).
 12. Stanovlenie i razvitie podrazdelenij ehkonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. Istorieskij ocherk (posvyashchaetsya 80-letiyu sluzhby BHSS – BEHP – EubiPK): monografiya / L. Yu. Varencova, E. P. Kolodeev, A. N. Lushin i dr. N. Novgorod, 2017.
 13. Sovetskaya miliciya: istoriya i sovremennost' 1917–1987. M., 1987.
 14. Horosho rabotayut // Na strazhe. 1941. № 32 (412).

Для цитирования:

Варенцова Л. Ю. Борьба милиции со спекуляцией в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 119–124.

For citation:

Varentsova L. Yu., Police Struggle Against Speculation in the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 119–124.

Р. С. МУЛУКАЕВ,
главный научный сотрудник научно-
исследовательского центра,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации

Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125993, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

Научная специальность:
12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве.

R. S. MULUKAEV,
Doctor of Law, Professor,
Merited Researcher of the Russian Federation,
Chief Researcher at the Research Center
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125993,
Moscow, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
Scientific speciality: 12.00.01 — Theory and History
of Law and State; History of Doctrines about Law
and State.

УДК 351.74:94(47)

Дата поступления статьи: 22 января 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Эволюция системы пресечения и раскрытия преступлений в полиции Российской империи (статья вторая)*

Evolution of the System of Suppression and Disclosure of Crimes in the Russian Empire Police (Article Two)**

Аннотация

Актуальность статьи состоит в том, что в ней на основе анализа документального, статистического и иного материала раскрываются объективные факторы, которые привели к формированию единой системы пресечения и раскрытия преступлений в полиции дореволюционной России.

Постановка проблемы: изучение исторического опыта деятельности полиции дореволюционной России показало, что к концу XIX – началу XX в. уровень преступности в стране явился предпосылкой для создания уголовно-сыскного аппарата. В статье показывается объективная обусловленность такого решения, его роль и значение в пресечении и раскрытии преступлений. Подчеркивается, что создание уголовно-сыскных подразделений стало завершением процесса создания единой системы пресечения и раскрытия преступлений в полиции России.

Цель исследования: на примере развития системы пресечения и раскрытия преступлений в

Annotation

The relevance: the article reveals the objective factors that led to the formation of a unified system of suppression and detection of crimes in the police of pre-revolutionary Russia drawing on the analysis of documentary, statistical and other material.

The problem statement: the study of the historical experience of the police of pre-revolutionary Russia showed that by the end of XIX – the beginning of the XX century the level of crime in the country was a prerequisite to a criminal detective unit. The article shows the objective conditionality of such a decision, its role and importance in the suppression and detection of crimes. It is emphasized that the creation of criminal investigation units was the completion of the process of creating a unified system of suppression and disclosure of crimes in the Russian police.

The purpose of the study is to show the regularity and objective nature of the historical development of society on the example of the develop-

* Статья первая «Эволюция системы пресечения и раскрытия преступлений в полиции Российской империи» // Труды Академии МВД России. 2018. № 4. С. 37–42.

** Article one «Evolution of the System of Suppressing and Disclosing the Crimes by Police in the Russian Empire» // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2018. № 4. P. 37–42.

российской полиции показать закономерность и объективный характер исторического развития общества.

Методы исследования: метод материалистической диалектики, принцип историзма.

Результаты и ключевые выводы: на основе проведенного исследования было установлено, что с созданием сыскных отделений в российской полиции была образована действенная система пресечения и раскрытия преступлений. Аппарат полиции приобрел завершённый вид.

Ключевые слова: Эволюция системы пресечения и раскрытия преступлений; розыск; сыск.

ment of the system of suppression and disclosure of crimes in the Russian police.

The research methods: the method of materialistic dialectics, the principle of historicism.

The results and key findings: based on the study it was found that with the creation of detective departments in the Russian police an effective system of suppression and detection of crimes was formed. The police apparatus has acquired a complete form.

Key words: evolution of system of suppression and disclosure of crimes; search; investigation.

Ключевой проблемой, сформированной в первой статье, является положение о том, что организационные формы, методы, приемы деятельности российской полиции по пресечению и раскрытию преступлений обуславливались объективными факторами. Социально-экономическое развитие русского общества определяло многие процессы и явления общественной жизни, в том числе такое явление, как преступность, а точнее говоря, ее масштабы. В прошлой статье отмечалось, что в условиях господства феодальных отношений, крепостной зависимости крестьян, малочисленности городского населения уровень преступности оставался сравнительно невысоким. Ситуация коренным образом изменилась в начале 60-х гг. XIX в.

После отмены крепостного права в 1861 г., давшего ранее зависимым крестьянам личную свободу, интенсивно начала возрастать численность городского населения. Это происходило за счет создававшихся в городах фабрик и заводов, рабочими на которых стали освобожденные крестьяне. Поскольку жизненные условия рабочих были крайне тяжелыми, закономерным являлось резкое обострение криминогенной ситуации в стране. Ситуация приобрела весьма острый характер, поскольку в 60-е гг. XIX столетия темпы роста преступности начали существенно превышать темпы роста народонаселения. Об этом с нескрываемой тревогой писали современники, в частности П. Ткачѳ [10].

Криминогенная ситуация, связанная с ростом уровня преступности, сохранялась на протяжении последней четверти XIX и начала XX в. В 1900 г. общее количество уголовных дел по сравнению с 1884 г. увеличилось на 48 % [3, с. 43].

В условиях такого скачка преступности организация и эффективность деятельности полиции оставались крайне неудовлетворитель-

ными. Во-первых, в ее структуре отсутствовали уголовно-сыскные подразделения. Во-вторых, уголовное законодательство отводило полиции, по сути дела, второстепенную роль: оказание содействия судебным следователям. Согласно закону главным предназначением полиции являлось принятие мер по сохранению следов преступления. Закон – Устав уголовного судопроизводства 1864 г. допускал возможность самостоятельных действий полиции только в экстренных случаях: 1) когда подозреваемый застигнут на месте преступления и факт преступления очевиден, а значит будут найдены явные следы преступления; 2) когда на месте преступления необходимо произвести не терпящие отлагательства осмотры, освидетельствования, обыски, выемки, чтобы сохранить следы преступления. Полиция также не имела права осуществлять допрос свидетелей или обвиняемых, кроме случаев, если бы кто-то из них был тяжело болен или имелось опасение, что он не доживет до прибытия следователя. В 1878 г. в уездах были введены должности урядников, которым разрешалось негласно собирать сведения у жителей своего участка [8].

Как видим, в российской действительности сложилось очевидное противоречие, приобретшее значение объективного фактора: преступность существенно возрастала, а в правоохранительной системе отсутствовало важное звено, без которого, по сути дела, нельзя было минимально эффективно пресекать и раскрывать преступления.

Следует указать, что сложившаяся объективная потребность находила отражение среди сотрудников полиции, которые понимали необходимость принятия более действенных мер борьбы с растущей преступностью. В 1866 г. оберполицимейстер Санкт-Петербурга Ф. Ф. Трепов поставил перед императором Александром II вопрос о создании в структуре столичной поли-

ции сыскного отделения, которое должно было в своей деятельности опираться главным образом на негласные методы. В 1866 г. в Петербурге было образовано сыскное отделение [7, с. 286], благодаря которому в столице заметно снизился уровень преступности.

Несмотря на то что вслед за Санкт-Петербургом сыскные отделения были созданы в некоторых других крупных городах (Киеве, Москве, Тифлисе, Баку, Ростове-на-Дону), это не решало проблемы. Вопрос заключался в необходимости создания в полиции единой общегосударственной системы уголовно-сыскных отделений. Острота ситуации обуславливалась тем, что в начале XX в. уровень преступности в Российской империи неуклонно повышался. Достаточно сказать, что в первые девять лет XX в. ежегодный прирост преступности достигал 7 %. По данным Министерства юстиции, 31 % всех следствий по уголовным делам прекращался из-за неудовлетворительного состояния розыска в органах полиции [12].

Актуальность создания сыскных отделений во всех органах полиции была очевидной. Тем более, что по данным официальных источников, «там, где были созданы сыскные части, количество разысканных преступников было меньше, чем там, где борьбу вела наружная полиция» [13].

Вопрос о создании общегосударственной системы сыскных отделений возник и у сотрудников судебного ведомства, утверждавших, что учреждение сыскных отделений «не может не поднять успешности розысков по уголовным делам уже потому, что ими в этом случае будут заниматься люди, более подготовленные к этой деятельности и при этом не обремененные многочисленными другими служебными обязанностями» [14].

Когда уровень преступности приобрел истине угрожающие масштабы для сохранения стабильности в обществе, вопрос о повышении эффективности борьбы с ней стал предметом рассмотрения Государственной Думы. Депутаты с тревогой отмечали, что «состояние сыска в империи представляет собою, несомненно, прямую опасность во время столь быстрого роста преступности». Государственная Дума признала необходимой создание сыскных отделений в органах полиции в масштабе всего государства [1, с. 202].

Позиция Государственной Думы не могла остаться без внимания: 6 июля 1908 г. был издан Закон «Об организации сыскной части» [6].

Рассматривая место и роль этого закона в развитии полицейского аппарата в России, следует отметить, что, с одной стороны, он существенно запоздал, что привело к серьезным трудностям в формировании сыскных отделений, прежде

всего, кадровым трудностям, с другой — закон способствовал более эффективной деятельности полиции по пресечению и раскрытию преступлений. Он заложил правовые основы формирования в масштабе Российского государства единой организационной структуры, применявшей оперативно-розыскные методы для пресечения и раскрытия преступлений.

Сыскные отделения, созданные на основании Закона «Об организации сыскной части», охватывали практически всю территорию страны. На сотрудников сыскных отделений распространялись «все права и обязанности, согласно Судебным уставам и другим узаконениям, присвоенные полиции по преследованию преступных деяний» [6].

Для общего руководства и координации деятельности сыскных отделений в составе Департамента полиции Министерства внутренних дел было образовано 8-е делопроизводство. При нем учреждалось Центральное регистрационное бюро, а также устанавливалась связь с полицией западноевропейских государств, а также с фирмами, изготавливавшими аппаратуру для сыскных отделений. Чины 8-го делопроизводства становились инструкторами в школе по подготовке сотрудников сыскных отделений, выезжали на места для обучения этих сотрудников технике сыска [11]. Закон «Об организации сыскной части» имел основополагающее значение, носил учредительный характер. Поэтому 9 августа 1910 г. в его развитие был издан ведомственный акт Министерства внутренних дел, подписанный министром П. А. Столыпиным, — Инструкция чинам сыскных отделений [4]. Инструкция регламентировала порядок деятельности сыскных отделений, более конкретно определяла их организационную структуру. Первостепенное внимание Инструкция уделяла кадрам сыскных отделений. И это не случайно. Проблема кадров полиции в России всегда была актуальной. М. М. Сперанский еще в начале XIX в., говоря о необходимости реформы полиции, вынужден был признать, что это трудно сделать, так как большая часть служащих малограмотна и не способна выполнять свои обязанности [9, с. 146].

Рассматривая положения Инструкции, касающиеся кадров, следует обратить внимание на то, что на первый план выносятся те, которые связаны с их морально-нравственными качествами. В Инструкции говорилось, что чины сыскных отделений должны исполнять «службу Его императорского величества по совести, памятуя священные слова присяги, принятой при определении на службу». Служащий сыскного отделения должен был быть «честен, безусловно правдив, вести жизнь нравственную, трезвую, ни в чем не зазорную, исполнять свои обязанности ревностно, высказывать на службе тер-

пение, рассудительность, мужество, решительность» [4, с. 3].

Наиболее высокие требования предъявлялись к подбору руководителей сыскных отделений. От губернаторов требовалось, чтобы на должности руководителей сыскных отделений назначались лица опытные, профессионально подготовленные, достойные доверия. Инструкция как документ не только правовой, но и практическое руководство к действию четко формулировала задачи сыскных отделений – «негласное расследование и производство дознаний в видах предупреждения, устранения, разоблачения и преследования преступных деяний общеуголовного характера» [4, с. 3].

Профессиональное предназначение сыскных отделений определяло их структуру. Каждое сыскное отделение состояло из четырех столов: 1) личного задержания; 2) розыска; 3) наблюдения; 4) справочного регистрационного бюро.

Именно это бюро составляло основу сыскного отделения, поскольку оно производило регистрацию преступников, систематизировало все сведения о них, устанавливало личность преступника, производило розыск скрывшихся лиц.

В основу розыскной деятельности сотрудников сыскных отделений был положен принцип специализации. Это закреплялось в § 56 Инструкции, в которой специализация характеризовалась как «наиболее правильная и вполне соответствующая организации борьбы с преступностью» система.

Устанавливалось три категории специализации, которые охватывали практически все виды профессиональной преступности. Соответственно категориям специализации личный состав сыскного отделения распределялся на три группы. Такая организация была основой продуктивной работы сотрудников. В некоторых крупных отделениях создавалась четвертая группа – «летучий» отряд, который осуществлял постоянные дежурства в театрах, на вокзалах, обходы, облавы на бродяг, нес дневную и ночную патрульную службу на улицах, рынках. Инструкция чинам сыскных отделений определяла основные методы работы чинов сыскных отделений – использование негласной агентуры и наружное отделение.

Негласная агентура вербовалась из числа тех лиц, которые по роду своих занятий могли наблюдать за многими гражданами, – посыльных, дворников, железнодорожных служащих.

Инструкция чинам сыскных отделений устанавливала строгий порядок поведения негласных агентов, полностью исключала возможность их участия в преступных посягательствах.

В качестве негласных сотрудников использовались лица из преступной среды. Однако практика показывала, что это не всегда себя оправ-

дывало. Журнал «Вестник полиции» сообщал: «...полагаться на сведения, добываемые исключительно таким путем, – доводить дело до того, что становится неизвестным, где кончается преступник и начинается в нем сыщик, где распутываемые узлы старого преступления превращаются таким образом в завязь нового» [2].

Необходимо отметить, что руководство полиции (в частности, А. Ф. Кошко) относилось к агентам из уголовной среды с недоверием и старалось тщательно проверять сведения, которые такие агенты сообщали.

С созданием системы сыскных отделений в масштабе всего государства получают развитие такие формы и методы пресечения и раскрытия преступлений, которые определялись самой природой этих отделений и которые в обобщенном виде имеют название «оперативно-розыскная деятельность». Довольно обстоятельно об этом повествует в своей книге «Очерки уголовного мира царской России» один из наиболее известных деятелей российской полиции А. Ф. Кошко [5].

В арсенале сыскной полиции важное место занимало наружное и скрытое наблюдение, которое осуществлялось чинами сыскной полиции либо негласными агентами. При этом могло использоваться гримирование и переодевание, применялись автомобили и велосипеды. Наблюдение велось за возможными местами сбыта похищенных вещей (банки, ломбарды, ссудные кассы, рынки, меняльные лавки). Не оставались без внимания места наиболее вероятного появления преступников (трактиры, клубы, рестораны, вокзалы).

Серьезным источником сведений о преступлениях и лицах, их совершивших, являлось наведение справок (о судимости, штрафные списки сыскной полиции, запросы сыскных отделений по России, полицейских участков о личности подозреваемого, о кличках).

Сыскные отделения собирали образцы для сравнительного исследования предметов или документов. Изымались образцы почерка, следы крови и т. д. Большое значение придавалось отождествлению личности, которое проводилось опознанием по фотографиям, образцам почерка и дактилоскопическим отпечаткам.

Действенным методом раскрытия преступлений являлось оперативное внедрение служащих сыскных отделений, агентов, не принадлежавших к преступному миру. Применялась внутрикамерная разработка с помощью негласных агентов, скрытой фотосъемки. Производилось прослушивание телефонных разговоров, обследование помещений, участков местности, контроль почтовых отправок [5].

Кроме того, сыскные отделения пользовались такими источниками, как: а) слухи, доно-

сы (анонимные сообщения и письма); б) сведения и справки, доставляемые лицами всевозможных профессий как за вознаграждение, так и в силу постоянного общения с чинами сыскной полиции.

В последней четверти XIX в. в полицейских органах европейских стран для раскрытия преступлений начинают применяться научные методы и технические средства. В области научных методов идентификации развивались антропометрия (наука измерения тела) и дактилоскопия (изучение отпечатков пальцев).

Антропологическая система Бертильона (по имени ее автора — А. Бертильона) была введена в России в 1890 г. Однако она имела ряд недостатков. Отклонения в тех измерениях, которые велись по этой системе, наступали вследствие болезней, которые вели к патологическим изменениям отдельных частей тела. Кроме того, изменения частей тела происходили в преклонном возрасте человека.

Поэтому в России была введена система регистрации преступников, основанная на дактилоскопии (апрель 1907 г.). В Департаменте полиции было создано Центральное регистрационное бюро, в сыскных отделениях на местах — регистрационные бюро, которые строили работу на использовании дактилоскопии и фотографии. В Центральном регистрационном бюро была разработана специальная система для розыска и опознания преступников, которая содержала 120 вопросов. В целях ее упрощения Департамент полиции положил в основу регистрационной системы таблицу родов преступности, включавшую 30 категорий преступников [1, с. 209]. В соответствии с ней к 1 января 1915 г. был переработан весь материал, находившийся в Центральном регистрационном бюро. Вслед за этим был усовершенствован так называемый циркулярный (письменный) розыск. Он был централизован. Сыскные ведомости стали издаваться Центральным регистрационным бюро еженедельно. В экстренных случаях, через несколько часов после получения требования о сыске, делались выписки, которые бесплатно рассылались во все полицейские органы. Все это способствовало улучшению работы службы сыска.

Создание единого общероссийского аппарата уголовного сыска привело к завершению процесса формирования общегосударственной системы пресечения и раскрытия преступлений в российской полиции. Тем самым была реализована сложившаяся к середине XIX в. объективная потребность в организации такой системы. В обществе возникло реальное противоречие между общегосударственным масштабом преступности и состоянием имевшихся в распоряжении государства организационно-правовых средств противодействия ей. Существ-

ственным упущением власти являлось отсутствие должного понимания столь важной проблемы, практически отрицательно влиявшей на государственные устои.

Отсутствие сыскных подразделений в структуре полиции приводило к тому, что она утрачивала свое качество основного правоохранительного органа государства, призванного ограждать общество от наиболее опасных правонарушений — преступлений. С нашей точки зрения, именно пресечение и раскрытие общеуголовных преступлений — основное предназначение полиции. Только так полиция воспринимается в общественном сознании. И, как нам представляется, именно такой в полной мере российская полиция стала после принятия Закона «Об организации сыскной части».

Отмечая этот, несомненно, важный факт в истории российской полиции, нельзя не признать, что свершился он с заметным опозданием, что существенно усложнило кадровую проблему в сыскных отделениях.

Необходимо отметить, что царское правительство уделяло большое внимание кадровому составу уголовного сыска, стремясь сделать его надежным и эффективным. Особое внимание уделялось выбору руководителей сыскных подразделений. 28 июля 1908 г. начальникам тех губерний, где предполагалось открыть сыскные отделения, Департамент полиции разослал директиву, в которой указывалось на необходимость вручить это живое и ответственное дело (руководство сыскными отделениями — Р. М.) лицам опытным, вполне достойным доверия и по возможности ознакомленным заранее с теми приемами предстоящей работы, которые выяснены практикой.

В целях обеспечения условий, при которых начальники сыскных отделений и их помощники соответствовали бы своему назначению, Закон «Об организации сыскной части» требовал при определении их на службу, чтобы губернатор входил «в предварительное сношение» с прокурором окружного суда. Законодатель исходил из того, что именно «ему (прокурору) известны способности полицейских чинов его округа в розыскной деятельности».

Чтобы привлечь на службу в новые подразделения наиболее квалифицированных чиновников, начальники сыскных подразделений по своему служебному положению были поставлены выше полицейских приставов. По Закону «Об организации сыскной части» в сыскных отделениях первого разряда должность начальника определялась в VII, а в остальных в VIII классном чине по Табели о рангах. Полицейские же приставы состояли на должности в IX, а в некоторых крупных городах — в VIII классном чине.

Тем не менее, как отмечалось в одном из документов Департамента полиции, «почти никто из пользующихся безупречной служебной и нравственной репутацией приставов и их помощников добровольно занять пост начальника отделения не пожелал». Поэтому 75 % лиц, возглавивших вновь созданные сыскные отделения, составляли бывшие участковые и стантовые приставы, их помощники и даже околоточные надзиратели. Профессиональный уровень этой категории полицейских чинов, как правило, не соответствовал требованиям, необходимым начальнику сыскного отделения.

С созданием сыскных отделений встал вопрос о профессиональной подготовке их служащих. В августе 1908 г. по распоряжению министра внутренних дел П. А. Столыпина для начальников сыскных отделений в Петербурге были открыты двухмесячные курсы. Обучение на курсах предусматривало теоретическую подготовку слушателей и практические занятия. Последние проводились ежедневно. Программа курсов включала в себя довольно широкий круг дисциплин: государственное право; полицейское право; уголовное право; судебную медицину; методы регистрации преступников; приемы уголовного сыска; приемы самообороны; ознакомление с оружием и взрывчатыми веществами; ознакомление с гримом и переодеванием; тайнопись преступников (шифры и дешифровка); разбор выдающихся сыскных дел; присутствие по возможности при вскрытии трупов; посещение полицейского музея и других учреждений; практические занятия по «словесному портрету», антропометрии, дактилоскопии, по снятию слепков и рисунков следов; по исследованию документов; приемы дрессировки собак для защитных, сторожевых и сыскных

целей; практику дознания; практику розыска и выслеживания преступников. Конечно, обучение на курсах способствовало повышению квалификации определенной части сотрудников уголовного сыска. Однако не решало проблемы в целом.

Наиболее дальновидные руководители полиции предпринимали различные шаги, чтобы поднять уровень общеобразовательной и профессиональной подготовки чинов сыскных отделений. Много делалось журналом «Вестник полиции», на страницах которого печатались учебные программы занятий с теми, кто готовился к розыскной деятельности, предлагались проекты устройства частных школ для сыщиков. На состоявшемся в 1913 г. Всероссийском съезде чинов сыскной полиции остро обсуждался вопрос о требованиях, предъявляемых к личному составу, о его профессиональной подготовке, говорилось о необходимости открытия курсов для классов чинов, школ для нижних чинов сыскной полиции.

Однако главное состоит в том, что, несмотря на трудности, возникшие проблемы с созданием сыскных отделений в полиции, была создана действенная система пресечения и раскрытия преступлений. Аппарат полиции как важнейший правоохранительный орган государства приобрел заверченный вид.

Даже за тот относительно непродолжительный период существования сыскных отделений в полиции Российской империи был накоплен заслуживающий внимания опыт, который не остался невостребованным. Он использовался в работе советского уголовного розыска. Полагаем, что и сегодня следует обратиться к нему, имея в виду не только познавательные, но практические цели.

Список литературы:

1. Борисов А. В., Малыгин А. Я., Мулукаев Р. С. Полиция Российской империи. М., 2018.
2. Вестник полиции. 1909. № 34.
3. Гернет М. Н. Избранные произведения. М., 1974.
4. Инструкция чинам сыскных отделений. СПб., 1910.
5. Кошко А. Ф. Очерки уголовного мира царской России. М., 1992.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXV. № 30607.
7. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. Исторический очерк. 1903.
8. Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1878 год. 1880. № 148.

References:

1. Borisov A. V., Malygin A. Ja., Mulukaev R. S. Policija Rossijskoj imperii. M., 2018.
2. Vestnik policii. 1909. № 34.
3. Gernet M. N. Izbrannye proizvedenija. M., 1974.
4. Instrukcija chinam sysknyh otdelenij. SPb. 1910.
5. Koshko A. F. Ocherki ugovolnogo mira carskoj Rossii. M., 1992.
6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. 3-e. T. HHV. № 30607.
7. Sankt-Peterburgskaja stolichnaja policija i gradonachal'stvo. Istoricheskij ocherk. 1903.
8. Sbornik cirkuljarov i instrukcij Ministerstva vnutrennih del za 1878 god. 1880. № 148.
9. Speranskij M. M. Plan gosudarstvennogo preobrazovanija (vvedenie k Ulozheniju gosudarst-

9. *Сперанский М. М.* План государственного преобразования (введение к Уложению государственных законов 1809). Записка об устройстве государственных и правительственных учреждений России. М., 1905.
 10. *Ткачев П.* Статистические этюды. М., 1981.
 11. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 1217. Оп. 1. Д. 11. Л. 72.
 12. ЦГИА. Ф. 1218. Оп. 2. Д. 67. Л. 700.
 13. ЦГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 6. Л. 701.
 14. ЦГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 189. Л. 17.
10. *Tkachev P.* Statisticheskie 'etjudy. M., 1981.
 11. Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (CGIA). F. 1217. Op. 1. D. 11. L. 72.
 12. CGIA. F. 1218. Op. 2. D. 67. L. 700.
 13. CGIA. F. 1278. Op. 2. D. 6. L. 701.
 14. CGIA. F. 1405. Op. 531. D. 189. L. 17.

Для цитирования:

Мулукаев Р. С. Эволюция системы пресечения и раскрытия преступлений в полиции Российской империи (статья вторая) // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 125–131.

Forcitation:

Mulukaev R. S. Evolution of the system of suppression and disclosure of crimes in the Russian Empire police (article two) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 125–131.

ТРИБУНА

молодого ученого

С. М. ЖОЛДАСКАЛИЕВ,
адъюнкт* 3-го факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров)
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125993, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: siko0717@mail.ru
Научная специальность: 12.00.11 – судебная
деятельность, прокурорская, правозащитная
и правоохранительная деятельность.

S. M. ZHOLDASKALIYEV,
Adjunct** of the 3rd Faculty
(Training Research and Teaching Staff)
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125993, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: siko0717@mail.ru
Scientific speciality: 12.00.11 – Judicial Activities;
Prosecutorial Activities; Human Rights
and Law Enforcement.

УДК 343.8:94(574)

Дата поступления статьи: 27 февраля 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Организационно-правовые аспекты реализации досудебной пробации в Республике Казахстан: проблемы и пути решения

Organizational and Legal Implementation Aspects of the Pre-Trial Probation in the Kazakhstan Republic: Problems and Solutions

Аннотация

Проблема: казахстанский законодатель в вопросах регламентации деятельности службы пробации пошел по пути заимствования успешных правоприменительных практик зарубежных стран. Однако вполне закономерно, что одномоментное включение в законодательство Казахстана всех видов пробации, явившихся в зарубежных правовых системах результатом достаточно длительной эволюции института, создало на первоначальном этапе целый ряд организационно-правовых затруднений, что в особенности проявилось в рамках досудебной пробации. *Методы:* исследование базируется на основополагающих диалектических методах, в частности, на методе системного ана-

Annotation

The problem: a Kazakh legislator in matters of the regulation probation service has taken the way of borrowing the successful law enforcement practices of the foreign countries. However, it is quite natural that simultaneous inclusion in the legislation of Kazakhstan of all the types of probation, which were the result of a fairly long evolution of the institute in the foreign legal systems, created at the initial stage a number of the organizational and legal difficulties, which in particular manifested itself in a framework of pre-trial probation. *The methods:* the study is based on the basic dialectical methods, in particular, a method of system analysis, as well as the use of the special legal

* Ранее – преподаватель-методист факультета заочного обучения Костанайской академии МВД Республики Казахстан.

** Earlier – Lecturer-Methodist, Faculty of Distance Education of the Kostanai Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan

лиза, а также на применении специально-юридических методов, таких как формально-юридический, сравнительно-правовой. *Результаты:* на основе последовательного сопоставления нормативно-правового материала и имеющихся организационно-функциональных, кадровых ресурсов казахстанской службы пробации выявлены наиболее значимые проблемные аспекты реализации досудебной пробации. *Выводы:* необходимо скорейшее законодательное обеспечение и создание действенных организационно-правовых механизмов, а также системы подготовки (переподготовки) кадров службы пробации для преодоления возникших затруднений, имеющих выраженный системно-дефектный характер.

Ключевые слова: организация деятельности службы пробации; пробация; служба пробации; досудебная пробация; досудебный доклад; социальное исследование.

methods, such as formal legal, comparative legal. *The results:* on a basis of a consistent comparison of the regulatory material and the available organizational and functional, human resources of the Kazakhstan probation service, the most significant problematic aspects of pre-trial probation implementation were identified. *The conclusions:* there is a need for early legislative support and creation of the effective organizational and legal mechanisms, as well as a system of training (retraining) of probation service personnel to overcome the difficulties that have a pronounced systemic defect.

Key words: organization of the probation service; probation; probation service; pre-trial probation; pre-trial report; social research.

Уголовно-исполнительная система Министерства внутренних дел Республики Казахстан (далее – МВД РК) в последние годы подверглась серьезному реформированию, одним из направлений которого стало внедрение института пробации как особой формы воздействия на лиц, совершивших уголовные правонарушения. В соответствии с ч. 1 ст. 1 Закона РК «О пробации»¹ «пробация – система видов деятельности и индивидуально определяемых мер контрольного и социально-правового характера, направленных на коррекцию поведения лиц, категории которых определены законом, для предупреждения совершения ими уголовных правонарушений». Начальный этап внедрения в правоприменительную практику института пробации связан с принятием в 2012 г. Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам службы пробации»², существенно изменившим формат работы ранее функционировавших уголовно-исполнительных инспекций, на базе которых и была сформирована казахстанская служба пробации. Однако указанный нормативный правовой акт еще не содержал дифференциации видов пробации. Законом РК «О пробации» был окончательно сформирован весь пробационный цикл, который к настоящему времени представлен четырьмя видами

пробации, имеющими своего специфического адресата, особые формы и методы осуществления, а также содержание преследуемых социально-полезных целей: досудебная (ст. 13), приговорная (ст. 15), пенитенциарная (ст. 16), постпенитенциарная (ст. 17) пробации. Степень участия всех субъектов пробации в рамках того или иного предусмотренного законом вида пробации различна и определяется набором предусмотренных (либо не запрещенных) законодательством РК мероприятий социально-вспомогательного характера. Что же касается службы пробации уголовно-исполнительной системы МВД РК, то функциональные обязанности в рамках каждого вида пробации имеют существенные различия. Фактически именно деятельность службы пробации в контексте досудебной, приговорной, пенитенциарной и постпенитенциарной пробации определяет видовую дифференциацию всего процесса контрольного и социально-правового воздействия на правонарушителя.

Наибольшее количество проблемных вопросов правового и организационного характера возникли в связи с включением в спектр функциональных обязанностей службы пробации досудебного и пенитенциарного участия. В двух остальных видах пробации (приговорная, постпенитенциарная) наблюдается преемственность с ранее существовавшими формами контрольной деятельности уголовно-исполнительных инспекций (а с 2012 г. – службы пробации), в связи с чем проблемные вопросы имеют в определенной степени стабильный характер и нередко поднимаются в теоретических исследованиях (вопросы совершенствования кадрового кор-

¹ О пробации: закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38-VI // Ведомости Парламента РК. 2016. № 24. Ст. 128.

² О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам службы пробации: закон Республики Казахстан от 15 февраля 2012 г. № 556-IV // Ведомости Парламента РК. 2012. № 5. Ст. 35.

пуга, повышение технической оснащенности службы пробации, оптимизация количества подучетных лиц на одного сотрудника службы пробации и многие другие). Проблемные аспекты в контексте досудебной и пенитенциарной пробации возникли именно по той причине, что отсутствовали идентичные, гомогенные виды деятельности в предшествующих периодах функционирования соответствующих служб уголовно-исполнительной системы МВД РК.

Как указывает известный эксперт по вопросам казахстанской модели пробации и автор единственного к настоящему моменту диссертационного исследования по данной проблеме М. Р. Гета, досудебная пробация представляет собой «социально-правовое исследование личности поднадзорного, информационно-аналитическую деятельность службы пробации в отношении индивидуально-определенных поднадзорных в целях установления социально-психологических особенностей данных лиц, выявления их потребности в социально-психологической помощи, назначения оптимальной программы ресоциализации и определения необходимого объема и уровня интенсивности пробационного надзора» [6, с. 7]. В преддверии внедрения в казахстанскую правоприменительную практику института пробации большинство исследователей усматривали в данном институте весомое социальное значение именно с точки зрения его разделения на досудебные и пенитенциарные стадии. Так, доктор юридических наук А. Ш. Ещанов за пять лет до образования казахстанской службы пробации указывал, что данный институт является своеобразным инструментом против кризиса наказания в виде лишения свободы, случившегося повсеместно, включая развитые страны. При этом автор подчеркивает, что пробационное воздействие должно начинаться с самых первых стадий реализации уголовной ответственности [7, с. 93]. В свою очередь, авторы российско-казахстанской научной публикации по вопросам эффективности альтернативных видов наказания в системе наказаний отдельных стран СНГ В. И. Селивёрстов, Г. А. Майстренко, С. М. Баймолдина указывают, что «целесообразно внедрение технологий пробации, в частности, учета выводов докладов о социальном обследовании» [16, с. 92]. Современный исследователь вопросов функционирования российской уголовно-исполнительной системы С. А. Борсученко полагает, что реформирование в настоящее время невозможно без внедрения института пробации, которое потребует принятия взвешенных законодательных, организационных, кадровых решений, поскольку предполагает кардинальное изменение формата воздействия на лиц, совершивших преступные посягатель-

ства, включая и расширение границ (объема) ресоциализирующего сопровождения преступников [2, с. 26–27]. Соответственно, мониторинг реализации института пробации в Республике Казахстан (в особенности таких новых форм воздействия на правонарушителя, как досудебное исследование личности) может быть весьма информативным и практически значимым как с точки зрения заимствования положительных аспектов, так и с позиции недопущения отдельных негативных явлений и издержек, сопровождающих внедрение данной принципиально новой уголовно-исполнительной практики.

Итак, обратимся к анализу действующей казахстанской модели досудебной пробации. В ст. 13 Закона РК «О пробации» отсутствует четко сформулированная форма определения данного вида пробационного воздействия, имеются только указания на то обстоятельство, что она применяется по письменному заявлению самого подозреваемого, обвиняемого, осуществляется на добровольной основе в отношении отдельных категорий лиц: 1) несовершеннолетних; 2) инвалидов; 3) женщин в возрасте 58 и свыше лет; 4) беременных женщин; 5) женщин, имеющих малолетних детей в возрасте до трех лет; 6) мужчин в возрасте 63 лет и старше; 7) мужчин, в одиночку воспитывающих малолетних детей в возрасте до трех лет.

Деятельность сотрудников службы пробации в досудебной стадии включает два основных аспекта: 1) составление досудебного доклада (абсолютно преобладающая функция в рамках досудебной пробации в зарубежных странах); 2) составление программы социально-правовой помощи, а равно ее оказание (в зарубежной практике встречается крайне редко). В соответствии со ст. 14 Закона РК «О пробации» «досудебный доклад – информация о личностных особенностях подозреваемого, обвиняемого, выполнении ими мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой оказания социально-правовой помощи, следовании рекомендациям службы пробации и принятии ее помощи»³. Уже на первый взгляд данная формулировка представляется не вполне удачной. Акцент в данном случае производится на оценке сотрудником службы пробации не статичных данных относительно конкретной ситуации жизни лица на период совершения уголовного правонарушения (и после его совершения), а на динамической (поведенческой) составляющей, которая может быть выражена в позитивном аспекте по причине того, что лицо стремится к формированию в отношении него благополучного досудебного доклада.

³ О пробации: закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38-VI // Ведомости Парламента РК. 2016. № 24. Ст. 128.

Досудебная деятельность сотрудника пробации, конечно же, должна существенным образом отличаться от досудебной деятельности сотрудников органов уголовного преследования. В особенности это касается необходимости исключения фактов дублирования содержания и характера исследуемой информации в отношении лица, совершившего уголовное правонарушение, поскольку преследуются различные цели. Так, согласно ч. 3 ст. 299 Уголовно-процессуального кодекса РК в описательно-мотивировочной части обвинительного акта в контексте характеристики лица, совершившего уголовное правонарушение, исследуются: обстоятельства, отягчающие и смягчающие ответственность подозреваемого; сведения о подозреваемом (гражданство, семейное положение, род занятий, образование, место жительства, наличие судимостей), иные характеризующие его данные; избранная в отношении него мера пресечения; сведения об обстоятельствах, являющихся предпосылками применения лечения от алкогольной, наркотической или другой зависимости⁴.

В соответствии с ч. 2 ст. 14 Закона РК «О пробации» в описательной части досудебного доклада излагаются следующие сведения о подозреваемом и обвиняемом: 1) гражданство, семейное положение, род занятий, образование, место жительства, наличие судимости, иные характеризующие их данные; 2) выполнение мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой оказания социально-правовой помощи; 3) социальная характеристика; 4) результаты психосоциального тестирования личности; 5) оценка рисков совершения ими уголовных правонарушений; 6) следование рекомендациям службы пробации и принятие ее помощи. В целом, за исключением пункта, касающегося сведений относительно подозреваемого (оба законодательных акта имеют аутентичную формулировку), все остальные обстоятельства значительно отличаются. Проблематичность заключается в том, как именно сотрудник пробации должен оценивать «иные характеризующие данные», поскольку методика его оценки должна отличаться от оценки должностного лица органа уголовного преследования. Определенные вопросы возникают и относительно параметра «социальная характеристика», который должен оценивать сотрудник казахстанской пробации, имеющий в настоящее время преимущественно юридический профиль подготовки (поскольку это, как пра-

вило, бывший сотрудник уголовно-исполнительной инспекции).

Следует отметить, что в связи с принятием Закона РК «О пробации» Законом РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам пробации»⁵ Уголовно-процессуальный кодекс РК был дополнен только одной законодательной ремаркой: лицо имеет право «обратиться в службу пробации для проведения в отношении него досудебной пробации» (п. 13-1 ст. 64). Данный вариант корректировки уголовно-процессуального закона следует признать неудовлетворительным, поскольку не учитывается ни участие сотрудника службы пробации, предоставляющего досудебный доклад, ни деятельность суда по оценке данных, содержащихся в досудебном докладе. Соответственно, действующий вариант уголовно-процессуального регулирования позволяет обходиться без представления досудебных докладов.

Итак, досудебное исследование личности сотрудником службы пробации уголовно-исполнительная система МВД РК представляет собой совершенно специфический вид социально-оценочной и прогностической деятельности, который до настоящего времени не имел аналогов в правоприменительной практике РК. Деятельность по сбору социальной информации о правонарушителе и составление досудебного доклада включают несколько отдельных подфункций: социально-ориентированное исследование личности правонарушителя и его жизненной ситуации; оценка рисков совершения данным лицом повторного уголовного правонарушения; формирование досудебного доклада с рекомендациями суду относительно мер уголовно-правового воздействия на данного правонарушителя; непосредственное участие инспектора службы пробации в суде. Как совершенно справедливо указывали исследователи, рассуждая о недостаточном объеме применения альтернативных видов наказания в недавнем прошлом, «если у судьи будет уверенность в достижении цели наказания при осуждении к альтернативе, то он и будет применять наказания без лишения свободы» [14, с. 101]. Однако данные в отношении личности лица, совершившего уголовное правонарушение, не всегда дают достаточный объем информации, на основе которой у суда может сложиться соответствующая правовая позиция. Именно по этой причине во многих странах в рамках возникших моделей деятельности служб пробации постепенно начала обособляться деятельность в досудеб-

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан № 231-IV: принят Парламентом Республики Казахстан 4 июля 2014 г. // Казахстанская правда от 10 июля 2014 г. № 133 (27754).

⁵ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам пробации: закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 39-VI // Ведомости Парламента РК. 2016. № 24. Ст. 129.

ной стадии, направленная на социально-ориентированное исследование личности правонарушителя. Более или менее достоверный прогноз относительно возможной дальнейшей преступной деятельности лица, совершившего уголовное правонарушение, может быть построен не на основе обстоятельств совершенного уголовного правонарушения, а на оценке условий его жизни, семейного положения, окружения, специфики мотивационной сферы, отношения к лица к различным фактам и событиям и т. д. Соответственно, и исследование этих вопросов может быть возложено только на автономный от уголовного процесса орган, а также с условием преобладания социально-ориентированного аспекта исследования над юридическим анализом. Именно такого рода деятельность в настоящее время и оформлена в досудебную пробацию.

Социальное исследование личности, конечно же, должно производиться с учетом логического построения этапов данного исследования. Первоначально сотрудником службы пробации должны быть восприняты, по крайней мере в общем виде (эмпирически), данные непосредственно о самом уголовном правонарушении, которое совершило конкретное лицо. Последующее исследование, если обратиться к зарубежному опыту досудебной пробации, должно касаться следующих аспектов: 1) установления прежних судимостей правонарушителя на основе официальных данных полиции; 2) «социальной характеристики», т. е. его биографии, условий жизни, способствовавших формированию личности; 3) медицинского обследования правонарушителя, выяснения его физического и психического состояния; 4) проверки и уточнения сведений о правонарушителе, выяснения отношения к нему лиц, с которыми он жил и работал [19]. Таким образом, для зарубежной практики характерен более заметный, чем в казахстанском варианте досудебной пробации, социально-ориентированный аспект (если отталкиваться от ранее приведенной законодательной формулировки).

В связи с необходимостью проведения социального исследования личности в процессе досудебной пробации возникает вопрос о достаточности сроков для проведения соответствующих мероприятий. В целом, закон не ограничивает сотрудника пробации по времени. Исходя из логического толкования закона, время досудебного исследования личности правонарушителя и составления досудебного доклада ограничивается временем досудебного расследования по соответствующему уголовному делу. В законодательных актах не предусматривается пролонгация сроков досудебной пробации (например, если лицо обратилось для производства

досудебной пробации не сразу с начала досудебного расследования). Полагаем, что деятельность сотрудника службы пробации не должна ставиться в полную зависимость от сроков проведения досудебного расследования. В связи с чем должны быть четко предусмотрены сроки ее проведения, а также возможность пролонгации (по аналогии с пролонгацией самого досудебного расследования) при наличии тех или иных обстоятельств, требующих дополнительных временных затрат. Безусловно, сроки должны быть разумными, позволяющими выполнить все необходимые мероприятия, но исключающими возможность умышленного затягивания соответствующих действий. Кроме того, следует учитывать, что качество социального исследования правонарушителя и его жизненной ситуации требует значительных временных затрат и усилий. Исследователи констатируют, что проведение социального исследования личности получает все большее распространение в зарубежных странах, поскольку «затратность» данной деятельности в полной мере компенсируется положительным эффектом от ее осуществления [12, с. 233].

В упрощенном варианте результат социального исследования личности можно представить в виде сформулированных сотрудником службы пробации ответов на следующие вопросы. Опасно ли данное лицо, совершившее уголовно правонарушение, для общества в случае применения к нему альтернативных лишения свободы видов наказания? Насколько изоляция от общества необходима и каким образом она повлияет на правонарушителя? Выиграет ли в конечном итоге общество, если преступнику будет назначено альтернативное наказание? Каковы выгоды для самого правонарушителя при применении к нему альтернативных санкций (с точки зрения его ресоциализации)? Насколько учитываются интересы потерпевшего в случае назначения правонарушителю альтернативного вида уголовного наказания?

Считаем необходимым особо обратить внимание на учет интересов потерпевших, так как, согласно Минимальным стандартным правилам Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремных заключением (Токийские правила,) рекомендуется учитывать интересы жертвы преступления, его близких и родных (п. 1.4)⁶. Между тем в законодательной регламентации досудебной пробации в РК акцента на данном аспекте не производится. В целом следует отметить, что варианты со-

⁶ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных наций в отношении мер, не связанных с тюремных заключением (Токийские правила): приняты 14 декабря 1990 г. Резолюцией № 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901739170> (дата обращения: 10.08.2018).

держания досудебного доклада могут меняться в зависимости от правоприменительной практики соответствующего государства. Так, имеются указания на то, что в досудебном докладе иногда отражается отношение населения соответствующей местности к совершенному правонарушению [19].

Таким образом, досудебная работа службы пробации явилась самым ощутимым новшеством для казахстанской правоприменительной системы. До настоящего времени официальные статистические данные относительно объема и структуры досудебного участия сотрудников казахстанской службы пробации за истекший период после соответствующего законодательного нововведения (2017–2018 гг.) на официальном сайте Комитета уголовно-исполнительной системы МВД РК отсутствуют. Отметим, что исследователи сразу отреагировали на потенциальные риски нововведения, преимущественно прогнозируя сложности в его реализации. Отсутствие официальной статистической отчетности объясняется тем, что в правоприменительной практике Казахстана применение досудебной пробации пока не нашло достаточно использования (это связано с тем, что существенно ограничен круг лиц, в отношении которых она применяется, а также с отсутствием необходимых уголовно-процессуальных механизмов). Соответственно, будет справедливым обратиться к опыту стран, которые имеют схожую с Казахстаном предшествующую уголовно-исполнительную практику, но демонстрируют определенные успехи в реализации института пробации в целом и досудебной пробации, в частности.

Так, на Украине, как указывают доступные информационные источники, за полтора года после введения досудебной пробации было вынесено около 30 тыс. досудебных докладов в отношении обвиняемых и заключенных. Отмечается крайне негативное отношение к досудебным докладом со стороны прокуратуры, что обуславливается, по словам представителей данного государственного органа, следующими обстоятельствами: низкое качество подготовленных досудебных докладов, невозможность проверить достоверность содержащихся в них сведений; все необходимые материалы, касающиеся характеристики не только совершенного преступления, но и лица, его совершившего, находят достаточное отражение в материалах уголовного дела; поскольку досудебный доклад имеет исключительно рекомендательный характер, его представление только затягивает судебный процесс [13]. Однако судебные работники Украины, напротив, расценивают подобный скепсис как нормальную реакцию на нововведение и утверждают, что: 1) вопрос о качестве подготовленного для суда материала возника-

ет в практике и в отношении материалов уголовного дела; 2) сотрудник пробации по причине возможности установить доверительные отношения с клиентом может получить более достоверную информацию; 3) если сотрудник службы пробации составил доклад с соблюдением всех требований объективности и детализации элементов социальной характеристики, то данный материал реально способен помочь суду в решении вопроса о назначении того или иного вида наказания.

Таким образом, «отторжение» досудебного участия службы пробации со стороны других правоохранительных структур имеет вполне объективные основания, связанные с понятным нежеланием менять сложившуюся практику, стремлением избавиться от своеобразных «конкурентов» в уголовном процессе. Между тем в данном случае вести речь о какой-либо конкуренции материалов досудебного расследования и данных досудебного доклада не приходится, поскольку они не находятся в правовой оппозиции, а выполняют абсолютно автономные функции. Напротив, разносторонность представленных материалов позволит суду сформировать объективную позицию по уголовному делу, а также решить вопрос о возможности (невозможности) применения альтернативных санкций. Как пишет В.Е. Южанин, «задача у следователя узкая, ему необходимо выявить те свойства и качества личности обвиняемого, которые значимы применительно к задачам уголовного судопроизводства... изучение следователем личности обвиняемого имеет уголовно-правовое направление (для определения вида и меры ответственности)» [18, с. 72]. Таким образом, констатируется определенный предел изучения личности лица, совершившего уголовное правонарушение, ограниченный теми фактами и обстоятельствами, которых достаточно для оценки личности в рамках реализации уголовной ответственности. Действительно, для квалификации содеянного и назначения наказания могут не иметь значения факты из биографии, но они могут оказать влияние на социально-коррекционную работу.

Вполне закономерно, что на начальных стадиях функционирования досудебной пробации имеются некоторые риски чрезмерной акцентуации сотрудником службы пробации тех обстоятельств жизненной ситуации правонарушителя, которые могут привести к применению альтернативных санкций. Это нормальная психологическая и поведенческая реакция на нововведение, выражающаяся в чрезмерном рвении объективировать свою новую функцию, продемонстрировать обществу потенциал службы пробации и т. д. Со временем такого рода издержки неизбежно сглаживаются.

Следует отметить, что вопрос о необходимости более тщательного изучения личности лица, совершившего преступление, ставился в науке задолго до того, как случилась актуализация института пробации в Казахстане, России и других странах постсоветского пространства. Так, в частности, М. Устинов и А. Васяев указывали, что перечень вопросов, подлежащих обязательному выявлению при изучении личности подсудимого, должен включать в себя: 1) установочные данные; 2) данные об образовании; 3) данные о семейном положении; 4) данные о состоянии здоровья; 5) данные о жизни и деятельности в прошлом, т. е. события его биографии; 6) наличие (отсутствие) судимости; 7) данные о личных качествах и чертах характера; 8) наличие родственных отношений [3, с. 119]. Причем одинаковую важность имеют в том числе и обстоятельства, отрицательно характеризующие личность преступника. Как справедливо указывают исследователи, в практике проведения досудебного расследования сложилась такая ситуация, что негативные аспекты личности правонарушителя исследуются только в том контексте, в котором они необходимы для квалификации содеянного и для применения к лицу соответствующих отягчающих ответственность и наказание обстоятельств [10, с. 91]. Таким образом, при оценке личности субъекта, совершившего кражу, будет иметь значение факт употребления наркотических средств (поскольку именно данное обстоятельство непосредственно привело к совершению преступления), однако характеристика по месту работы, по месту жительства, те или иные факты его биографии, которые могли бы указать на причину формирования преступно-корыстной мотивации, не будут важны. Вместе с тем именно данные обстоятельства, скорее всего, будут иметь решающее значение при проведении службой пробации коррекционной работы с правонарушителем на любой стадии пробационного процесса.

Важность получения полной социальной характеристики правонарушителя отмечается и сотрудниками пенитенциарных ведомств. В частности, указывается на то обстоятельство, что начальникам отрядов приходится проводить работу «методом проб и ошибок», а наличие достоверной информации об осужденном, в которой указывались бы основные «точки» необходимого коррекционного воздействия, способствовало бы более эффективной работе [8, с. 47]. Согласно рекомендациям международных стандартов по обращению с лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы, индивидуальные качества личности, в том числе и отрицательно характеризующие лицо, должны учитываться при размещении осужден-

ных в пенитенциарном учреждении, разработке и применении соответствующих программ по коррекции их поведения и т. д.⁷

В данном случае акцент на потребностях уголовно-исполнительной системы вполне обоснован, поскольку преимущественный объем обязанностей по коррекционному воздействию на осужденного ложится на плечи именно ее сотрудников. Так, если органам уголовного преследования достаточно той совокупности сведений, которая дает возможность правильно квалифицировать содеянное, оценить постпреступное поведение виновного лица, то для сотрудника уголовно-исполнительной системы наиболее значима именно социальная информация. В частности, результаты проведенного исследователями интервьюирования сотрудников исправительных учреждений показали, что причиной недостаточной эффективности индивидуально-воспитательной работы является отсутствие достоверных данных о личности осужденного (39 %), условиях его нравственно-психологического формирования (34 %), поведении на разных этапах следствия и судебного процесса (27 %). Большинство опрошенных отмечало плохую представленность такой информации в документах, имеющих в личных делах осужденных, и недостоверность сведений, получаемых при личных беседах с заключенными (97%) [9, с. 158].

Таким образом, участие сотрудников службы пробации в досудебной стадии имеет значение не только для суда при вынесении решения относительно назначаемого правонарушителю уголовного наказания, но и для иных субъектов правоприменения, которые в последующем будут осуществлять психолого-педагогическую и иные виды коррекционной работы с осужденным. Исследователь зарубежных систем пробации Н. Хуторская отмечает, что задача участия сотрудника пробации в досудебной стадии заключается в том, чтобы «установить степень общественной опасности правонарушителя, перспективы его исправления в случае назначения тюремного заключения или альтернативного наказания, а в конечном итоге — предвидеть возможность совершения нового преступления» [17, с. 48].

Аналитических и научных публикаций по обобщению опыта применения досудебной пробации в Казахстане в течение 2017–2018 года практически нет. Немногие публикации по вопросу, имеющиеся в СМИ, преимущественно

⁷ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы): приняты 17 декабря 2015 г. Резолюцией № 70/175 Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. URL: http://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf (дата обращения: 10.08.2018).

связаны с прогнозированием существенных организационных рисков в деятельности сотрудников пробации в досудебной стадии. Досудебная пробация неизбежно должна поменять сложившуюся практику отправления правосудия за счет того, что суды, помимо оценки материалов досудебного расследования, будут также принимать во внимание и данные результатов социального исследования личности, проведенного сотрудником службы пробации и представленном в досудебном докладе. Так, национальным экспертом по пенитенциарным вопросам Е.А. Саламатовым выделен целый ряд проблем организационно-правового характера при осуществлении досудебной пробации. Автор отмечает выявленную за истекший период тенденцию взаимной незаинтересованности в досудебной пробации как со стороны сотрудников службы пробации (отсутствие результата от работы в случае, если уголовное дело в итоге прекращается за примирением сторон; ограниченные сроки для проведения достаточно полного исследования; слабый уровень взаимодействия субъектов пробации; отсутствие необходимых знаний в силу преимущественно юридического профиля подготовки сотрудников пробации и др.), так и со стороны самих подозреваемых и обвиняемых (в частности, по той причине, что они воспринимают досудебную пробацию как факт признания своей вины в содеянном, а также ввиду того, что предпочитают тратить время на выполнение юридически значимых действий, которые повлияют в дальнейшем на приговор суда). Эксперт ставит и целый ряд других вопросов: отсутствие организационных форм проведения психосоциального исследования личности подозреваемого, обвиняемого приводит к тому, что оно осуществляется в различных организациях (с точки зрения доступности для инспектора службы пробации), что приводит к принципиальным различиям в содержательной части результатов исследования; под сомнение ставится необходимость оказания социально-правовой помощи в стадии досудебной пробации, учитывая незначительные сроки досудебного расследования (два-три месяца); указывается, что социальные доклады не должны составляться лицами с юридическим образованием, поскольку они, вероятней всего, будут иметь репрессивный уклон и некоторые другие проблемные вопросы [15].

Многие аспекты, отмеченные казахстанским экспертом, на наш взгляд, обусловлены тем, что казахстанская практика не имела до сих пор аналогов подобных социально-ориентированных досудебных практик. Большинство теоретических исследований по вопросам организации деятельности службы пробации, произведенных отечественными и зарубежными ис-

следователями, демонстрируют тот факт, что изначально пробация функционировала как метод своеобразного испытания осужденного при условном невынесении обвинительного приговора [11, с. 20]. Так, например, в США служба пробации, функционирующая с середины XIX в., по-прежнему в качестве основного содержательного элемента деятельности ее сотрудников имеет надзор за исполнением лицом обязанностей, возложенных на него судом [5, с. 114]. Досудебная форма пробации в США стала развиваться только к концу XX в. Таким образом, в данном случае досудебная пробация явилась своего рода результатом эволюции самого института пробации, постепенного осмысления законодателем и правоприменительной практикой реальных социальных дивидендов от коррекционных программ, что способствовало перенесению социально-ориентированной деятельности должностных лиц службы пробации на более ранние (досудебные) стадии. Следует отметить, что участие службы пробации уже на досудебных стадиях стало причиной серьезного возрастания престижности данной службы и доверия к ней со стороны как общества, так и правонарушителей. В казахстанской же модели пробации произошла своего рода ускоренная ассимиляция правоприменительной практики зарубежных государств, имеющих длительный период формирования национальных моделей пробации. Соответственно, текущие проблемы, справедливо отмеченные экспертами, были практически неизбежны, а сопротивление со стороны практических работников вполне объяснимы, учитывая, что расширение полномочий в рамках различных видов пробационного воздействия произошло практически одномоментно, без заметных кадровых реорганизаций, дополнительной профессиональной подготовки сотрудников и т. д.

Учитывая поступательно сложившуюся практику многих государств в вопросах реализации пробации, следует признать, что тенденции к постепенному расширению деятельности инспекторов пробации на судебной стадии констатируются исследователями в отношении многих государств, что свидетельствует о том, что данная практика является оправданной. Именно участие службы пробации привело к тому, что существенно расширился диапазон мер коррекционного воздействия, применения специальных программ по отношению к правонарушителю [4, с. 24–25]. Соответственно, именно в этом и должна заключаться деятельность сотрудников службы пробации РК в досудебной стадии: не предоставление альтернативных материалов досудебного расследования или данных, предоставляемых защитником по уголовному делу, сведений, а объективной социальной характери-

стики лица, совершившего уголовное правонарушение. Мы согласны с исследователями в том, что необходимо в настоящее время в обязательном порядке решить вопрос относительно процессуального статуса сотрудника службы пробации, осуществляющего досудебную пробацию и составляющего досудебный доклад, равно как и включить непосредственно в Уголовно-процессуальный кодекс РК вопрос о процедуре исследования и учета судом данных, представленных в досудебном докладе.

Кроме того, по нашему мнению, установленный в Законе РК «О пробации» круг лиц, в отношении которых может быть применена досудебная пробация, требует корректировки. Обращает на себя внимание тот факт, что в законодательной практике стран, недавно воспринявших пробацию в качестве собственной модели коррекционного воздействия на правонарушителей и предупреждения совершения ими повторных уголовных правонарушений, отсутствует выделение определенной категории, в отношении которой применяется данный вид пробационного воздействия.

В частности, согласно ст. 1 Закона Латвии «О Государственной службе пробации»⁸ досудебный доклад определяется как «информация, подготовленная Государственной службой пробации, характеризующая клиента пробации». Аналогично в соответствии со ст. 2 Закона Украины «О пробации», досудебный доклад определяется как «письменная информация для суда, характеризующая обвиняемого»⁹.

В соответствии со ст. 3 Закона Кыргызской Республики «О пробации»¹⁰ пробационный доклад – «заключение органов пробации по итогам проведенного социально-психологического исследования личности, социально-бытовых условий и иных обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и выводов о возможности (невозможности) применения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и принудительных мер уголовно-правового воздействия».

В законе Республики Молдова «О пробации»¹¹ указывается, что «досудебный доклад относительно психосоциальной оценки личности является письменным документом консультативного и ориентировочного характера, целью кото-

рого является предоставление органу уголовного преследования, прокурору, судебной инстанции данных о подозреваемом, обвиняемом, подсудимом, касающихся уровня их школьной подготовки, поведения, семьи, круга друзей и факторов, которые повлияли или могут повлиять на их общее поведение». Таким образом, можно констатировать, что страны со схожей Казахстану предшествующей уголовно-исполнительной практикой не используют ограничительные конструкции при регламентации вопросов досудебной пробации.

Мы полагаем, что сложившиеся в современной практике казахстанской службы пробации негативные факторы восприятия роли досудебного доклада обусловлены отчасти именно тем, что данный документ, согласно ст. 14 Закона «О пробации», составляется исключительно в отношении социально уязвимых категорий лиц, совершивших уголовное правонарушение, для которых в судебной практике и без того имеются правовые механизмы к более широкому применению мер, не связанных с изоляцией от общества. Соответственно, как мы полагаем, в ст. 13 Закона РК «О пробации» следует отказаться от ограничения круга лиц, являющихся адресатами досудебной пробации.

По нашему мнению, опыт стран ближнего и дальнего зарубежья также может помочь в решении еще одной сложившейся в казахстанской практике проблемы – «отторжение» досудебной пробации со стороны правонарушителя. Так, введение в законодательную практику положения об инициации досудебного доклада судом, прокуратурой или органом уголовного преследования сняло бы вопрос о том, что сам подозреваемый не стремится к обращению для производства в отношении него досудебной пробации. Здесь мы присоединяемся к выводам казахстанских исследователей относительно целесообразности подобного изменения в законодательстве РК [1, с. 108]. Так, в законодательной практике отдельных государств, напротив, инициация досудебной пробации в виде психосоциального исследования личности производится по инициативе органов уголовного преследования, прокуратуры, суда (ст. 8 Закона Республики Молдова «О пробации»).

Также нам представляется обоснованной ранее приведенная позиция Е.А. Саламатова относительно того, что в рамках досудебной пробации осуществлять мероприятия по социально-правовому сопровождению подозреваемого, обвиняемого нецелесообразно. Необходимо, чтобы сотрудник службы пробации сосредоточил свои усилия на социально-ориентированном исследовании и составлении на его основе досудебного доклада.

⁸ О Государственной службе пробации: закон Латвии от 18 декабря 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.juvenjust.org/txt/index.php/t1156.html> (дата обращения: 12.10.2018).

⁹ О пробации: закон Украины от 15 февраля 2015 г. № 160-VIII [Электронный ресурс]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=73543 (дата обращения: 29.09.2018).

¹⁰ О пробации: закон Кыргызской Республики от 24 февраля 2017 г. № 34 [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111517> (дата обращения: 30.09.2018).

¹¹ О пробации: закон Республики Молдова от 14 февраля 2008 г. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://lex.justice.md/ru/328128/> (дата обращения: 14.11.2018).

Изученные нами материалы относительно зарубежного опыта действий сотрудников пробации в досудебных стадиях показывают, что составление досудебного доклада — это приоритетная функция службы пробации на данной стадии работы с правонарушителем. Полагаем, что в ст. 13 Закона РК «О пробации» достаточно ограничиться указанием на составление проекта индивидуальной программы социально-правовой помощи, которая будет реализовываться в случае его осуждения к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. Соответственно, содержание досудебного доклада должно быть основано исключительно на данных социального исследования и социальной характеристики правонарушителя, все вопросы относительно участия в коррекционных программах, в мероприятиях службы пробации следует исключить из его структуры. Данный аспект должен быть отражен посредством соответствующих изменений ст. 14 Закона РК «О пробации», равно как следует исключить из целей пробации (ч. 2 ст. 1) указания на цель «коррекции поведения подозреваемого, обвиняемого».

Одной из осязаемых проблем, безусловно, является острый дефицит работников социального профиля в кадровом корпусе казахстанской службы пробации, без участия которых проведение качественного социального исследования личности правонарушителя представляется затруднительным. Эту проблему была призвана решать Методика составления досудебного доклада, утвержденная приказом МВД РК от 4 февраля 2017 г. № 90¹², которая должна была дать действенное руководство для сотрудников казахстанской службы пробации (которые преимущественно имеют образование юридического профиля) относительно того, каким образом должно производиться социальное ис-

¹² Об утверждении Методики проведения психосоциального тестирования личности подозреваемого, обвиняемого на стадии досудебной пробации и Методики подготовки досудебного доклада: приказ Министра внутренних дел РК от 4 февраля 2017 г. № 90.

следование личности подозреваемого, обвиняемого.

Однако, на наш взгляд, данный документ нельзя назвать методикой в чистом понимании данного слова, так как он не дает достаточно четких процедур, алгоритма исследования того или иного аспекта, а преимущественно только детализирует последовательность действий сотрудника пробации. Так, такие разделы, как «иные данные, характеризующие личность», «социальная характеристика» специалист с юридическим образованием оценит совершенно иначе, чем социальный работник. В итоге имеется серьезный риск, что в определенной части досудебный доклад будет дублировать данные о личности подозреваемого, обвиняемого, содержащиеся в материалах уголовного дела. Мы полагаем, что указанный документ требует серьезной доработки с точки зрения предоставления действующим сотрудникам реального инструментария, в частности, для составления «социальной характеристики» (легальное определение данного понятия отсутствует в законодательстве РК). Безусловно, требуются и соответствующие кадровые решения, в частности, в плане большей дифференциации профессиональной специализации кадров службы пробации, привлечение к работе в структуре данной службы педагогов, социальных работников, психологов.

Таким образом, перечень организационно-правовых затруднений, которые возникли у сотрудников казахстанской службы пробации по поводу реализации досудебной пробации, достаточно внушительный. Однако, учитывая тот факт, что эффективность соответствующей деятельности подтверждается положительным зарубежным опытом функционирования служб пробации, данные затруднения не должны рассцениваться как непреодолимое препятствие. Необходимо уже сейчас принять целый ряд мер по преодолению возникших организационно-правовых проблем с учетом рекомендаций, изложенных в настоящей статье.

Список литературы:

1. Бачурин С. Н., Исергенова А. К. Эволюция развития и функционирования досудебной пробации в зарубежных странах и в законодательстве Республики Казахстан (сравнительно-правовой анализ) // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Рязань, 2017. Т. 3.
2. Борсученко С. А. Проблемы реформирования уголовно-исполнительной системы России на современном этапе // Место и роль уголовно-исполнительной системы в механизме Рос-

References:

1. Bachurin S. N., Isergepova A. K. Evolyuciya razvitiya i funkcionirovaniya dosudebnoj probacii v zarubezhnyh stranah i v zakonodatel'stve Respubliki Kazahstan (sravnitel'no-pravovoj analiz) // III Mezhdunarodnyj penitencijarnyj forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie». Ryazan', 2017. T. 3.
2. Borsuchenko S. A. Problemy reformirovaniya ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii na sovremennom etape // Mesto i rol' ugovovno-ispolnitel'noj sistemy v mekhanizme Rossijsk-

- сийского государства: матер. межвуз. науч.-практ. конф. (10 марта 2011 г.). Самара, 2011.
3. *Васяев А., Устимов М.*, Установление обстоятельств, характеризующих личность подсудимого // Уголовное право. 2008. № 2.
 4. *Воронова Е. Л.* Создание службы пробации в России // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 3 (23).
 5. *Гаврилова А. И.* Зарубежный опыт деятельности служб пробации // Современные проблемы пенитенциарной практики на этапе реформирования УИС: матер. V межрег. науч.-практ. конф. (Казань, 1 июля 2010 г.). Казань, 2010.
 6. *Гета М. Р.* Концептуальная организационно-правовая модель пробации в Республике Казахстан: аналитическая записка, подготовленная Центром исследования правовой политики при поддержке Института Открытого Общества (Open Society Institute). Алматы, 2011.
 7. *Ещанов А. Ш.* Возможности и перспективы внедрения службы пробации в Республике Казахстан (к вопросу о социальной реабилитации осужденных) // Вестник института законодательства Республики Казахстан. 2007. № 3 (7).
 8. *Калинин Ю. И.* Действуй творчески, ломая стереотипы // Воспитание и правопорядок. 1987. № 11.
 9. *Крайнова Н. А.* Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002.
 10. *Мельникова Ю. Б.* Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск, 1989.
 11. *Никитин А. М., Плющева Е. Л.* Зарубежный опыт постпенитенциарной адаптации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы // Российская юстиция. 2013. № 8.
 12. *Пертли Е. А.* Сущность организации пробации во Франции, Великобритании и Швеции // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2.
 13. Прокуроры и судья спорят о значении досудебного доклада. URL: <https://sud.ua/ru/news/publication/120611-prokurory-i-sudi-sporyat-o-znachenii-dosudebnogo-doklada> (дата обращения: 16.09.2018).
 14. *Ручкин Ф. В.* Развитие системы исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, как составная часть уголовной и уголовно-исполнительной политики России на современном этапе и их реализация в деятельности ФСИН России // Государственная политика в области назначения и исполнения уголовных наказаний: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 20–21 ноября 2008 г.): в 2 ч. Вологда, 2008. Ч. 2.
 15. *Саламатов Е. А.* Досудебная пробация: проблемы и пути решения. URL: <http://www.zakon.kz/4927553-dosudebnaya-probatsiya-problemy-i-puti-resheniya>
 - ого государства: матер. межвуз. науч.-практ. конф. (10 марта 2011 г.). Самара, 2011.
 3. *Vasyaev A., Ustimov M.*, Ustanovlenie obstoystatel'stv, harakterizuyushchih lichnost' podsudimogo // Ugolovnoe pravo. 2008. № 2.
 4. *Voronova E. L.* Sozdanie sluzhby probacii v Rossii // Voprosy yuvenal'noj yusticii. 2009. № 3 (23).
 5. *Gavrilova A. I.* Zarubezhnyy opyt deyatel'nosti sluzhby probacii // Sovremennye problemy penitenciarnej praktiki na etape reformirovaniya UIS: mater. V mezhhreg. nauch.-prakt. konf. (Kazan', 1 iyulya 2010). Kazan', 2010.
 6. *Geta M. R.* Konceptual'naya organizacionno-pravovaya model' probacii v Respublike Kazahstan: analiticheskaya zapiska, podgotovlennaya Centrom issledovaniya pravovoj politiki pri podderzhke Instituta Otkrytogo Obshchestva (Open Society Institute). Almaty, 2011.
 7. *Eshchanov A. Sh.* Vozmozhnosti i perspektivy vnedreniya sluzhby probacii v Respublike Kazahstan (k voprosu o social'noj reabilitacii osuzhdennykh) // Vestnik instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan. 2007. № 3 (7).
 8. *Kalinin Yu. I.* Dejstvuy tvorcheski, lomaya stereotipy // Vospitanie i pravoporyadok. 1987. № 11.
 9. *Krajnova N. A.* Problemy resocializacii neodnokratno sudimyh lic: dis. ... kand. yurid. nauk. Vladivostok, 2002.
 10. *Mel'nikova Yu. B.* Differenciaciya otvetstvennosti i individualizaciya nakazaniya. Krasnoyarsk, 1989.
 11. *Nikitin A. M., Plyushcheva E. L.* Zarubezhnyy opyt postpenitenciarnej adaptacii lic, osvobodzhdayushchihsy iz mest lisheniya svobody // Rossijskaya yusticiya. 2013. № 8.
 12. *Pertli E. A.* Sushchnost' organizacii probacii vo Francii, Velikobritanii i Shvecii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2011. № 2.
 13. Prokurory i sud'ya sporyat o znachenii dosudebnogo doklada. URL: <https://sud.ua/ru/news/publication/120611-prokurory-i-sudi-sporyat-o-znachenii-dosudebnogo-doklada> (data obrashcheniya: 16.09.2018).
 14. *Ruchkin F. V.* Razvitie sistemy ispolneniya nakazaniy, ne svyazannyh s lisheniem svobody, kak sostavnaya chast' ugolovnoj i ugolovno-ispolnitel'noj politiki Rossii na sovremennom etape i ih realizaciya v deyatel'nosti FSIN Rossii // Gosudarstvennaya politika v oblasti naznacheniya i ispolneniya ugolovnykh nakazaniy: sb. mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Vologda, 20–21 noyabrya 2008 g.): v 2 ch. Vologda, 2008. Ch. 2.
 15. *Salamatov E. A.* Dosudebnaya probaciya: problemy i puti resheniya. URL: <http://www.zakon.kz/4927553-dosudebnaya-probatsiya-problemy-i-puti.html> (data obrashcheniya: 21.09.2018).

- problemy-i-puti.html (дата обращения: 21.09.2018).
16. Селиверстов В. И., Майстренко Г. А., Баймолдина С. М. Альтернативы лишению свободы по законодательству Республики Казахстан, Республики Кыргызстан и Республики Таджикистан // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. 2 (26).
 17. Хуторская Н. Быть или не быть... probation в России? // Преступление и наказание. 2008. № 4.
 18. Южанин В. Е. Изучение личности преступника в системе уголовной юстиции // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2014. № 1.
 19. Янцен М. Организация и деятельность службы probation за рубежом: аналитический обзор. URL: <https://pandia.ru/text/80/170/12968.php> (дата обращения: 12.09.2018).
 16. Seliverstov V. I., Majstrenko G. A., Bajmoldina S. M. Al'ternativy lisheniyu svobody po zakonodatel'stvu Respubliki Kazakhstan, Respubliki Kyrgyzstan i Respubliki Tadzhikistan // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. 2 (26).
 17. Hutorskaya N. Byt' ili ne byt' ... probacii v Rossii? // Prestuplenie i nakazanie. 2008. № 4.
 18. Yuzhanin V. E. Izuchenie lichnosti prestupnika v sisteme ugovolnoy yusticii // Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami. 2014. № 1.
 19. Yancen M. Organizaciya i deyatelnost' sluzhby probacii za rubezhom: analiticheskij obzor. URL: <https://pandia.ru/text/80/170/12968.php> (data obrashcheniya: 12.09.2018).

Для цитирования:

Жолдаскалиев С. М. Организационно-правовые аспекты реализации досудебной probation в Республике Казахстан: проблемы и пути решения // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 132–143.

For citation:

Zholdaskaliyev S. M. Organizational and legal implementation aspects of pre-trial probation in the Republic of Kazakhstan: problems and solutions // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 132–143.

В. А. КРЫМОВ,
адъюнкт* 3-го факультета
(подготовки научных и научно-
педагогических кадров)
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125993, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8.
E-mail: krymov-19@mail.ru
Научная специальность:
12.00.09 – уголовный процесс.
ORCID 0000-0003-1463-6811

V. A. KRYMOV,
Adjunct** of the 3rd Faculty
(Training Research and Teaching Staff)
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125993, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8.
E-mail: krymov-19@mail.ru
Scientific speciality:
12.00.09 – Criminal Proceeding.

УДК 343.211

Дата поступления статьи: 24 апреля 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Начало производства по уголовному делу и уголовно-процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов его участников

Initiation of Criminal Case and Criminal Procedural Guarantees of Ensuring the Rights and Legitimate Interests of its Participants

Аннотация

Актуальность темы данного исследования обусловлена тем, что вопрос обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства является наиболее острым и открытым, поскольку затрагивает частную жизнь человека и гражданина. Особая роль в обеспечении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства принадлежит системе уголовно-процессуальных гарантий, которая является предметом исследования настоящей статьи. При этом правовое регулирование принципов уголовного судопроизводства, прав и обязанностей его участников, составляющих систему уголовно-процессуальных гарантий, требует определенных изменений российского уголовно-процессуального законодательства в части обеспечения права на защиту и участия при производстве по уголовному делу защитника. Особенно это актуально на начальном этапе производства по уголовному делу.

Цель исследования: выработка законодательных предложений по внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство,

Annotation

The relevance of this study is due to the fact that the issue of ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings is the most acute and open since it affects the private life of a person and a citizen. A special role in ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings belongs to the system of criminal procedural guarantees, which is the subject of this article. At the same time, the legal regulation of the principles of criminal proceedings, the rights and obligations of its participants, which make up the system of criminal procedural guarantees, requires certain changes in the Russian criminal procedural legislation in terms of ensuring the right to protection and participation in the criminal proceedings of the defender. This is especially true at the initial stage of criminal proceedings.

The purpose of the study: development of legislative proposals for amendments to the criminal procedure legislation aimed at ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings.

* Ранее – следователь Следственного управления УМВД России по г. Вологде Вологодской области.

** Earlier – Investigator of Investigation Department of Ministry of internal Affairs of Russia on the Vologda, Vologda region.

направленных на обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Методы исследования: диалектический, формально-логический, конкретно-социологический, анкетирование, статистический, юридико-технический анализ.

Результаты и ключевые выводы: результатом исследования стали предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства на начальном этапе расследования, в том числе внесение изменений в ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и включение полномочия защитника (адвоката) отстаивать интересы как лица, заподозренного в совершении преступления, так и других лиц с момента начала проведения проверки сообщения о преступлении; изменение редакции статьи 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в целях обеспечения участвующим в производстве по уголовному делу лицам права на защиту.

Ключевые слова: начало производства по уголовному делу; уголовно-процессуальные гарантии; принципы уголовного судопроизводства; уголовно-процессуальная деятельность; уголовно-процессуальные правоотношения.

The research methods: dialectical, formal-logical, concrete-sociological, questioning, statistical, legal-technical analysis.

The results and key conclusions: the study resulted in a number of proposals for legislative improvement of the criminal procedure legislation in terms of ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings at the stage of investigation considered in the article, including amendments to article 49 of the Criminal procedure code of the Russian Federation and the inclusion of the power of a defender (lawyer) to promote the interests of both a person suspected of committing a crime and other persons since the beginning of the verification of a crime report; revision of article 16 of the code of Criminal procedure of the Russian Federation in order to ensure the right to protection for all persons involved in criminal proceedings.

Key words: initiation of criminal case; criminal procedural guarantees; principles of criminal proceedings; criminal procedural activity; criminal procedural legal relations.

О начале производства по уголовному делу. Анализ российского уголовно-процессуального законодательства позволяет утверждать, что досудебное производство, являясь первой частью уголовного судопроизводства, определяется моментом получения сообщения о преступлении и заканчивается принятием прокурором решения о направлении уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу (п. 9 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ))¹. В свою очередь, производство по уголовному делу, по нашему мнению, представляет собой уголовно-процессуальную деятельность уполномоченных на то должностных лиц правоохранительных и судебных органов, начало осуществления которой определяется моментом получения сообщения о преступлении.

При определении понятия «начало производства по уголовному делу» некоторую дискуссию вызывает одна из его составляющих — «уголовное дело», которое, с одной стороны, пред-

полагает наличие уже вынесенного постановления о возбуждении уголовного дела, минуя тем самым первую стадию уголовного процесса и главный ее этап — проверку сообщения о преступлении, а с другой — трактуется законодателем шире и имеет место до принятия соответствующего процессуального решения о возбуждении уголовного дела. Подтверждение этому нашло отражение в ряде уголовно-процессуальных норм (ст. 5, 18, 49 УПК РФ). Так, в соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитнику предоставлено право участия в производстве ряда следственных и иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, хотя фактически уголовное дело еще не возбуждено.

Таким образом, под началом производства по уголовному делу нами понимается уголовно-процессуальную деятельность уполномоченных на то уголовно-процессуальным законом правоохранительных органов и их должностных лиц (по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения) и судебных органов (по уголовным делам частного обвинения), осуществляемая в рам-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

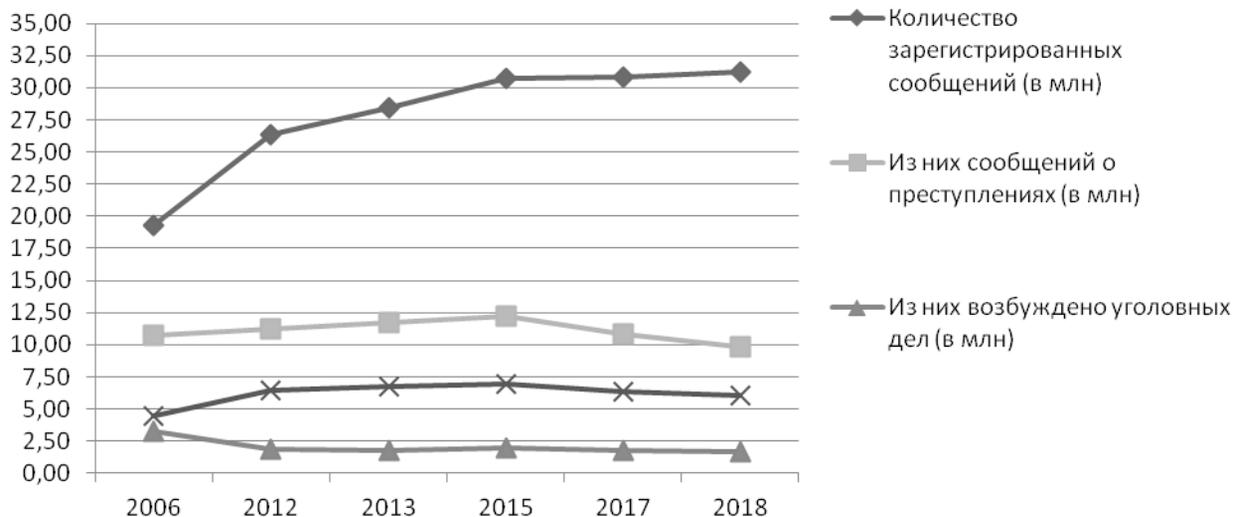

График № 1.

Соотношение принятых по результатам проверки сообщения о преступлении процессуальных решений о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом к общему числу зарегистрированных заявлений, сообщений о преступлениях, административных правонарушений и происшествиях за 2006–2018 гг.

как уголовно-процессуальных правоотношений, по рассмотрению поступившего заявления (сообщения) о преступлении. Моментом начала производства по уголовному делу является принятие сообщения о преступлении (*фактический момент*) и его регистрация (*момент юридический*).

Основу данного определения составил сделанный нами вывод о сближении стадий досудебного производства, к которому привели и чему сегодня способствуют регулярные изменения правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности на рассматриваемом этапе с момента принятия в 2001 г. УПК РФ. При этом необходимо отметить, что проверка сообщения о преступлении, включающая в себя всевозможные атрибуты (получение объяснений, осмотр места происшествия, изъятие предметов и документов, специальные исследования, назначение и производство судебных экспертиз и т. д.), фактически уже является предварительным расследованием и составляет неотъемлемую его часть.

Дискуссионный характер понятия правовой сущности и определения досудебного производства и принятие законодателем различного рода изменений в уголовно-процессуальное законодательство во многом объясняются особенностями уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных и судебных органов, осуществляемой на этапе проверки сообщения о преступлении, что также позволяет утверждать об ее существенном влиянии не только на дальнейшее производство по уголовному делу, но и на вовлеченных в него лиц.

Так, из общего объема корреспонденции, поступающей к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москаль-

ковой, на протяжении многих лет обращения по поводу защиты прав человека в уголовном судопроизводстве имеют наибольший удельный вес и составляют одну треть всех обращений граждан. В 2017 г. их число составило 12 779, при том что по ходатайству Уполномоченного по правам человека подвергаются проверке материалы по постановлениям об отказе в возбуждении уголовного дела и пересматриваются вступившие в силу приговоры. При этом в сравнении с 2016 г. возросло количество обращений граждан по вопросам, касающимся нарушения их прав при приеме, регистрации и рассмотрении заявлений о преступлениях (+17,6%), а также нарушения прав на защиту (+11%) [7]. Это связано, на наш взгляд, в том числе и с изменением соотношения количества принятых по результатам проверки сообщений о преступлении процессуальных решений как о возбуждении уголовного дела, так и об отказе в этом, что наглядно отображено на графике.

Выработка предложений по совершенствованию процессуальных правил начала производства по уголовному делу, безусловно, требует исследования не только данных официальной статистики, но и теоретических основ правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела, анализа следственной и судебной практики, изучения мнения практических работников правоохранительных органов.

На сегодняшний день учеными-процессуалистами стадия возбуждения уголовного дела сопоставляется с «фильтром», задачей которого является определение материалов, обладающих признаками состава преступления [13; 14, с. 49]. При этом многократное увеличение (с 1,3 млн

в 1992 г. до 6,0–6,8 млн в 2016–2018 гг.) процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела свидетельствует, что эта роль давно утрачена, и сегодня она, напротив, отражает недостоверность статистических показателей состояния преступности [4].

Следует учитывать и результаты проведенного нами анкетирования 13 руководителей следственных органов и 115 следователей Следственного комитета Российской Федерации по Вологодской, Курганской, Новгородской, Псковской и Рязанской областям, 34 руководителей следственных органов и 305 следователей ГУ МВД России по г. Москве, УМВД России по Вологодской, Псковской и Рязанской областям, 68 должностных лиц органов дознания УМВД России по Вологодской и Костромской областям, отражающие противоречивость отношения к институту возбуждения уголовного дела. Так, на вопрос о необходимости сохранения действующих процессуальных норм о возбуждении уголовного дела и об отказе в этом 73,8 % респондентов ответили положительно, 9,4 % высказались за отмену этих процессуальных норм, остальные 16,8 % затруднились ответить. В свою очередь 42,5 % респондентов положительно оценили возможность производства следственных и иных процессуальных действий непосредственно с момента поступления сообщения о преступлении, 37,3 % высказали отрицательное мнение и 20,2 % затруднились ответить.

С учетом вышеизложенного представляется, что этот «фильтр» перестал выполнять свою функцию, став, наоборот, труднопреодолимым барьером для миллионов граждан, пострадавших от преступлений, о чем нами было отмечено ранее [8, с. 19–20]. Подтверждением этого являются результаты проведенного по заказу Фонда поддержки пострадавших от преступлений исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения [12], согласно которым жертвами преступлений в 2016–2017 гг. стали 7 % респондентов (порядка 10 млн чел.). Из них неоднократно становились потерпевшими 39 %. При этом в правоохранительные органы за последние пять лет обращалось только 17 % опрошенных, а 49 % не обращалось, поскольку считали, что им невозможно помочь. Отдельного внимания заслуживает вопрос принятия сообщений о преступлениях (17 % респондентов отметили, что сотрудники полиции пытались отговорить их от подачи заявления), а также процессуальных решений по результатам их доследственной проверки (32 % опрошенных сообщили о том, что не были уведомлены о принятом решении по результатам рассмотрения заявления) [11]. Так, председателем Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкиным было отмечено, что

ежегодно порядка 3 млн граждан в России страдают от преступлений [2].

Необходимо отметить, что особая роль в обеспечении прав и законных интересов человека и гражданина в российском уголовном судопроизводстве в целом и на начальном этапе производства по уголовному делу в частности отводится институту уголовно-процессуальных гарантий, понятие и система которых анализируются в данной статье.

Об уголовно-процессуальных гарантиях. В общем смысле под гарантией (от франц. *garantie* – обеспечение) понимается поручительство, обеспечение [10, с. 110], в юридическом – предусмотренное законом обязательство [15, с. 74]. В свою очередь, уголовно-процессуальные гарантии представляют собой совокупность закрепленных УПК РФ норм, обеспечивающих права и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

Гарантии являлись предметом научной дискуссии и в советский период. Так, например, А. П. Гуляев [5, с. 5] отмечает, что задача гарантий – обеспечить охрану прав и законных интересов вовлеченных в производство по уголовному делу лиц. Позиция указанного автора справедлива. Однако применительно к современному состоянию российского уголовно-процессуального законодательства следует отметить, что уголовно-процессуальные гарантии не в полной мере обеспечивают назначение уголовного судопроизводства.

Свою позицию мы обосновываем тем, что ст. 6 УПК РФ относится к принципам уголовного судопроизводства, которые, по сути, являются составляющей системы уголовно-процессуальных гарантий, что будет отмечено далее. Учитывая мнение Ю. Г. Овчинникова о том, что процессуальные гарантии представляют собой систему средств обеспечения в виде правовых норм [9, с. 57], представляется, что все же совокупность этих норм образует систему уголовно-процессуальных гарантий, а не наоборот, поскольку в науке уголовного процесса имеет место и позиция, согласно которой под уголовно-процессуальными гарантиями в широком смысле подразумеваются все нормы уголовно-процессуального закона [3, с. 60–61].

Проведенный нами анализ системы уголовно-процессуальных гарантий позволил определить разнообразие их классификаций в доктрине уголовного судопроизводства. В свою очередь синтез этих классификаций позволяет представить систему уголовно-процессуальных гарантий в следующем виде:

- права и обязанности участников уголовного судопроизводства;
- принципы уголовного процесса;
- контрольно-надзорная деятельность.

В связи с этим целесообразным представляется рассмотрение вышеуказанных категорий системы уголовно-процессуальных гарантий применительно к началу производства по уголовному делу.

О доступе к правосудию в стадии возбуждения уголовного дела. Гарантом принятия законных и обоснованных решений в стадии возбуждения уголовного дела служит контрольно-надзорная деятельность в российском уголовном судопроизводстве, которая осуществляется в форме процессуального контроля, прокурорского надзора и судебного контроля.

Выявлению и разрешению проблем процессуального контроля, прокурорского надзора и судебного контроля на начальном этапе производства по уголовному делу, которые вызывают наибольший по сравнению с социальным контролем научный интерес, способствует определение степени их эффективности на результаты предварительного расследования. Проведенный нами анализ 213 архивных уголовных дел, расследованных следователями, показал, что в большинстве случаев (85,7 %) постановления об отказе в возбуждении уголовного дела своим постановлением отменял прокурор, и только в 14,3 % — руководитель следственного органа. При этом анализ последующих за отменой процессуальных решений показал, что в 47,4 % случаев постановления об отказе в возбуждении уголовного дела выносились вновь, в 31,5 % случаев материал передавался по подследственности, и лишь в 21,1 % случаев принималось процессуальное решение о возбуждении уголовного дела.

Согласно данным судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судов, ежегодно количество жалоб на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное производство (ст. 125 УПК РФ), составляет 125–134 тыс. При этом удовлетворению из них ежегодно подлежит не более 10 % [6], что в целом свидетельствует о значительном объеме и роли предшествующих судебному процессуального контроля и прокурорского надзора.

Исключительность деятельности суда на рассматриваемом нами в статье этапе уголовного процесса характеризуется тем, что в отличие от процессуального контроля и прокурорского надзора она начинается только при поступлении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, а не инициируется самостоятельно, не выходит за ее рамки и в целом призвана защищать права граждан.

В соответствии с постановлениями Конституционного Суда Российской Федера-

ции от 29 июня 2004 г. № 13-П², а также Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29³ при производстве по уголовным делам должностные лица, представляющие и осуществляющие от имени государства уголовное преследование и обвинение, обязаны придерживаться предусмотренного УПК РФ порядка уголовного судопроизводства, реализуя назначение и принципы уголовного судопроизводства, закрепленные уголовно-процессуальным законом, в том числе:

- принимать законные, обоснованные и мотивированные решения (ст. 7 УПК РФ), на основании которых последующее обвинение будет признано обоснованным и не будет опровергнуто стороной защиты;

- обеспечивать охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ);

- придерживаться презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ);

- обеспечивать подозреваемому и обвиняемому право на защиту (ст. 16 УПК РФ).

В связи с этим особая роль в реализации конституционного права на доступ к правосудию принадлежит нормам УПК РФ, регулиющим функцию защиты в уголовном судопроизводстве (ст. 16, 49 и другие нормы). Уголовно-процессуальная деятельность защитника, в качестве которого, как правило, участвует адвокат, в уголовном судопроизводстве, согласно УПК РФ, направлена на защиту исключительно лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в соответствии со ст. 144 УПК РФ, подозреваемого, обвиняемого и подсудимого.

В свою очередь ст. 2 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ⁴ адвокатом признает лицо, получившее в установленном порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность, оказывая юридическую помощь, участвуя в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве. Статья первая указанного федерального закона адвокатской деятельностью признает квалифицированную юридическую помощь, оказываемую на профессиональной основе лицами, получившими статус

² По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

³ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

⁴ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

адвоката в установленном данным законом порядке, физическим и юридическим лицам (доверителям) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию.

При этом очевидным является отличие положений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», не разделяющих участников уголовного судопроизводства на стороны, от УПК РФ. Отмечается [1, с. 8], что на практике адвокаты защищают и представляют интересы не только подозреваемых и обвиняемых, но и других лиц, например, свидетеля на допросе или очной ставке. Естественно, что такое участие адвоката обеспечивается лицом, которое имеет потребность в такой помощи, а не государством. Соответственно, это не должно являться препятствием для включения в УПК РФ полномочия защитника (адвоката) отстаивать интересы и других лиц, в том числе официально не признанных участниками уголовного процесса.

Изложенное позволяет сформулировать предложения о внесении следующих изменений в УПК РФ:

ч. 1 ст. 49 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту участников уголовного судопроизводства и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу»;

п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ изложить в следующей формулировке: «С момента начала проведения проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 настоящего Кодекса»;

ч. 6 ст. 49 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Одно и то же лицо не может быть защитником нескольких участников производства по одному уголовному делу, за исключением случаев, когда оно представляет интересы двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них не противоречат интересам другого»;

название ст. 16 УПК РФ изменить на «Право на защиту» и изложить часть первую данной статьи в следующей редакции: «Участникам уголовного судопроизводства разъясняется право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя».

Список литературы:

1. Азизова О. А. Адвокат как участник уголовного судопроизводства со стороны защиты: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.
2. Александр Бастрыкин прочитал лекцию студентам юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1301271/?pdf=1> (дата обращения 23.04.2019).
3. Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М., 2004.
4. Гаврилов Б. Я. Доктрина досудебного производства: настоящее и будущее // Российская юстиция. 2018. № 1.
5. Гуляев А. П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела предварительного расследования. М., 1976.
6. Данные судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdcp.ru> (дата обращения: 20.04.2019).
7. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2017 год // Официальный сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2018/04/16/>

References:

1. Azizova O. A. Advokat kak uchastnik ugolovno-go sudoproizvodstva so storony zashchity: dis. ... kand. jurid. nauk. Vladimir, 2006.
2. Aleksandr Bastykin prochital lekciju studentam juridicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta // Oficial'nyj sajt Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1301271/?pdf=1> (data obrashchenija 23.04.2019).
3. Bagautdinov F. N. Obespechenie publicnyh i lichnyh interesov pri rassledovanii prestuplenij. M., 2004.
4. Gavrilov B. Ja. Doktrina dosudebnogo proizvodstva: nastojashchee i budushchee // Rossijskaja justicija. 2018. № 1.
5. Guljaev A. P. Processual'nye sroki v stadijah vzbuzhdenija ugolovno-go dela predvaritel'nogo rassledovanija. M., 1976.
6. Dannye sudebnoj statistiki o dejatel'nosti federal'nyh sudov obshchej jurisdikcii i mirovyh sudej // Oficial'nyj sajt Sudebnogo departamenta pri Verhovnom sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdcp.ru> (data obrashchenija: 20.04.2019).
7. Doklad o dejatel'nosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2017 god // Oficial'nyj sajt Rossijskoj gazety. URL: <https://rg.ru/2018/04/16/doklad-site-dok.html> (data obrashchenija: 23.04.2019).

- doklad-site-dok.html (дата обращения: 23.04.2019).
8. *Крымов В.А.* Начало производства по уголовному делу: от практики к теории // Российский следователь. 2017. № 22.
 9. *Овчинников Ю.Г.* Система уголовно-процессуальных гарантий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. № 10.
 10. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: около 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М., 1986.
 11. Пострадавшие от преступлений: в надежде на справедливость // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 20.04.2019).
 12. Реализация принципов уголовной политики в сфере защиты прав пострадавших от преступных посягательств // Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации. URL: <https://www.oprf.ru/press/conference/2609> (дата обращения: 23.04.2019).
 13. *Середнев В.А.* Стадия возбуждения уголовного дела: рудимент или необходимость? // Российское право. 2016. № 4.
 14. *Шадрин В.С.* Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1.
 15. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. Я. Сухарева; редкол. 2-е изд., доп. М., 1987.
 8. *Крымов В.А.* Nachalo proizvodstva po ugovnomu delu: ot praktiki k teorii // Rossijskij sledovatel'. 2017. № 22.
 9. *Ovchinnikov Ju. G.* Sistema ugovolno-processual'nyh garantij // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 10.
 10. *Ozhegov S.I.* Tolkovyy slovar' russkogo jazyka: okolo 57 000 slov / pod red. N. Ju. Shvedovoj. 18-e izd., stereotip. M., 1986.
 11. Postradavshie ot prestuplenij: v nadezhde na spravedlivost'' // Oficial'nyj sayt Vserossijskogo centra izuchenija obshchestvennogo mnenija. URL: <https://wciom.ru> (data obrashchenija: 20.04.2019).
 12. Realizacija principov ugovolnoj politiki v sfere zashchity prav postradavshih ot prestupnyh posjagatel'stv // Oficial'nyj sayt Obshchestvennoj palaty Rossijskoj Federacii. URL: <https://www.oprf.ru/press/conference/2609> (data obrashchenija: 23.04.2019).
 13. *Serednev V.A.* Stadija vobuzhdenija ugovalnogo dela: rudiment ili neobhodimost'? // Rossijskoe pravo. 2016. № 4.
 14. *Shadrin V.S.* Sud'ba stadii vobuzhdenija ugovalnogo dela // Zakonnost'. 2015. № 1.
 15. Juridicheskij 'enciklopedicheskij slovar' / gl. red. A. Ja. Suharev; 2-e izd., dop. M., 1987.

Для цитирования:

Крымов В. А. Начало производства по уголовному делу и уголовно-процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов его участников // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 144–150.

For citation:

Krymov V. A. Initiation of criminal case and criminal procedural guarantees of ensuring the rights and legitimate interests of its participants // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 144–150.

А. С. ЧУМИЧКИН,
адъюнкт* 3 факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров)
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125993, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: chumichkin79@rambler.ru
Научная специальность:
12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право.

A. S. CHUMICHKIN,
Adjunct** of the 3rd Faculty
(Training Research and Teaching Staff)
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125993, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh, St., 8
E-mail: chumichkin79@rambler.ru
Scientific speciality:
12.00.08 — Criminal Law and Criminology;
Criminal Executive Law.

УДК 343.85

Дата поступления статьи: 25 марта 2019 г.

Дата принятия статьи в печать: 21 июня 2019 г.

Некоторые вопросы реализации виктимологической профилактики преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел

Some Issues of Implementation of Victimological Crime Prevention Committed Against Employees of the Internal Affairs Bodies

Аннотация

Актуальность: в статье рассматриваются особенности российского законодательства, регламентирующего обеспечение безопасного несения службы сотрудниками органов внутренних дел. В сопоставлении с законодательством о профилактике правонарушений обосновывается то обстоятельство, что виктимологический аспект остался недостаточно урегулированным. Учитывая важность данного направления профилактики, законодатель не создал конкретного порядка ее осуществления. Положения Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» носят в этой части абстрактный характер, хотя и предусматривают несколько направлений ее осуществления.

Цель исследования: на основании анализа существующего законодательства, проведенного социологического опроса определить специфику виктимологии в среде сотрудников

Annotation

The relevance: the article deals with the peculiarities of the Russian legislation regulating provision of safe service by employees of the internal affairs bodies. In comparison with legislation on crime prevention, the fact that the victimological aspect remained insufficiently regulated is substantiated. The legislator has not created a specific procedure for its implementation given the importance of this area of prevention. The provisions of the Federal law «On the Basis of the System of Crime Prevention in the Russian Federation» are abstract in this part, although they provide for several areas of its implementation.

The purpose of the study: to determine the specifics of victimology among the employees of the law enforcement bodies, to identify the weaknesses and develop the proposals to improve current legislation, based on the analysis of existing legislation, conducted a sociological survey.

* Ранее – заместитель начальника УМВД России по Сергиево-Посадскому району Московской области – начальник Следственного управления.

** Earlier – Deputy Chief of the Management Department of the Interior Ministry of Russia on the Sergiev Posad District of the Moscow Region.

органов внутренних, установить слабые места и выработать предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, моделирование, эксперимент, опрос, анкетирование.

Выводы: на основе проведенного анализа автором вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства, в том числе по упрощению применения огнестрельного оружия и специальных средств в условиях пресечения правонарушений сотрудником органов внутренних дел. В частности, вносятся предложения по внесению изменений в ч. 2 ст. 24 и ч. 1 ст. 30 Федерального закона «О полиции». Предлагаемые изменения имеют виктимологическую составляющую, а также могут повлиять на темпы первичной виктимизации сотрудников органов внутренних дел, поскольку упростят порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Кроме того, внесение таких изменений будет способствовать ликвидации стереотипов, негативно влияющих на формирование психологической готовности к их применению.

Ключевые слова: *виктимологическая профилактика; сотрудник органов внутренних дел; преступление; правонарушение; жизнь; здоровье; имущество; защита.*

The research methods: analysis, synthesis, induction, deduction, modeling, experiment, survey, questioning.

The conclusions: based on the analysis the author makes the proposals to improve the current legislation, including simplification of the use the firearms and special means in suppression of offenses by an employee of the law enforcement bodies. In particular, proposals are made to amend part 2 of the article # 24 and part 1 of the article # 30 of the Federal law «On Police». The proposed changes have a victimological component and can also affect the rate of primary victimization of internal affairs officers, as they will simplify the use of physical force, special means and firearms. In addition, introduction of such changes will contribute to the elimination of the stereotypes that negatively affect the formation of psychological readiness for their use.

Key words: *victimological prevention; law enforcement officer; crime; offense; life; health; property; protection.*

Введение

Актуальность избранной темы обусловливается следующими обстоятельствами. Во-первых, в современный период завершилось становление особого «профилактического» законодательства, т. е. нормативной базы, использующейся в целях профилактики правонарушений: приняты федеральные законы «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹, «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»²; обновлен подзаконный инструментарий к ним³, созданы условия для взаимодействия правоохранительных органов с общественностью⁴. Во-вторых, не-

смотря на благоприятную тенденцию к снижению количества зарегистрированных преступлений (в 2016 г. оно сократилось на 10 %, в 2017 г. — на 4,7 %, в 2018 г. — на 4,1 % [10]), причинение вреда здоровью и жизни сотрудников органов внутренних дел остается достаточно распространенным явлением (в 2017 г., например, 7 218 лиц было осуждено по ст. 318 Уголовного кодекса Российской Федерации, а 38 лиц — по ст. 317 Уголовного кодекса Российской Федерации [9]). Еще чаще совершается оскорбление сотрудников органов внутренних дел при исполнении ими должностных обязанностей, хотя можно согласиться с тем, что законодатель предусмотрел достаточные формы защиты от этого преступления [8, с. 60–65]. Латентность вышеуказанных преступлений криминологи оценивают в 30 %, указывая, что с начала XXI в. их общее количество возросло в 2,5 раза [7, с. 5]. В связи с изложенным особенностями виктимологической профилактики преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел, являются актуальным предметом для научного исследования.

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // Рос. газ. 1999. 30 июня.

² Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Рос. газ. 2016. 28 июня.

³ О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19.

⁴ Об участии граждан в охране общественного порядка: федер. закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ // Рос. газ. 2014. 4 апр.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации⁵ (далее – Конституция РФ) каждому гарантируется право на жизнь (ст. 20), на защиту со стороны государства (ст. 45), на доступ к правосудию (ст. 52). Права потерпевших от преступлений охраняются законом (ч. 1 ст. 52 Конституции РФ). Однако в конституционных нормах не акцентируется внимание на особенностях правовой защиты лиц, потерпевших от преступлений, а также на деятельности, связанной с профилактикой преступлений. В то же время, поскольку в иерархии источников действующего законодательства Конституция занимает высшее положение, а принимаемые законы не должны ей противоречить, следует обратиться к нормам, основанным на конституционных предписаниях.

Законодательство о профилактике правонарушений формировалось в нашей стране в течение длительного времени. Первый научно обоснованный проект закона «Об основах государственной системы предупреждения преступлений», предполагавший комплексный подход к этой деятельности и учитывавший потребности виктимологической профилактики, был подготовлен еще в 90-х гг. XX в. [11, с. 23–26]. К сожалению, в принятом в 2016 г. Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» нормы, регулирующие виктимологические направления, фактически не предусмотрены. Их соответствие Конституции представляется полным, поскольку необходимость принятия такого закона основана на обязанности государства осуществлять правовую и иную защиту граждан. Если обратиться к тексту закона, можно отметить, что одним из способов реализации названных в нем направлений профилактики установлено выявление лиц, пострадавших от правонарушений или подверженных риску стать таковыми (п. 7 ч. 2 ст. 6). К видам профилактики отнесена помощь указанным лицам (ст. 27). При этом предполагается оказание правовой, социальной, психологической, медицинской и иной поддержки. Целью этих мероприятий названы минимизация последствий правонарушений или снижение риска пострадать от правонарушения.

Презумпция согласия на применение мер правовой, социальной, психологической, медицинской и иной поддержки (ст. 27 Федерального закона № 182-ФЗ) означает, что в противном случае виктимологическая профилактика невозможна. Это представляется логичным, однако не учитывает особенности профессиональной виктимизации, которая возникает как

на фоне исполнения потерпевшим определенных обязанностей, так и в оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Осуществление ими функциональных обязанностей часто происходит с риском для жизни [1, с. 20–24]. Поскольку в условиях глобализации возникают проблемы, влекущие деструкцию правопорядка в целых регионах [12, с. 24–27], повышенное внимание к виктимологической профилактике преступлений в отношении сотрудников органов внутренних дел становится насущной проблемой.

Если обратиться к нормам действующего законодательства, регламентирующим особенности правовой и социальной защиты сотрудников органов внутренних дел, можно выявить следующие положения, применимые и для минимизации последствий причинения вреда их жизни и здоровью.

Так, ч. 1 ст. 30 Федерального закона «О полиции»⁶ гарантирует, что при исполнении должностных обязанностей сотрудник полиции находится под защитой государства. Это полностью соответствует ч. 1 ст. 17 Конституции РФ. Жизнь и здоровье сотрудника полиции подлежат государственному страхованию за счет средств федерального бюджета (ч. 1 ст. 43 Федерального закона «О полиции»). В случае его гибели при исполнении должностных обязанностей или смерти в течение года после увольнения со службы, если причиной смерти стало полученное увечье, члены его семьи и лица, находившиеся на его иждивении, приобретают право на единовременное пособие в сумме 3 млн руб. (ч. 2 ст. 43 Федерального закона «О полиции»). Сотрудник полиции имеет право на получение компенсации в сумме 2 млн руб., если его здоровью был причинен вред, повлекший увольнение со службы (ч. 5 ст. 43 Федерального закона «О полиции»). Кроме того, в течение всего периода службы в полиции предоставляется медицинское обеспечение, включающее бесплатное снабжение лекарственными средствами (ст. 45 Федерального закона «О полиции»). Как видно, все вышеперечисленные нормы хотя и являются охранительными инструментами, способствующими минимизации последствий совершения преступления в отношении сотрудника органов внутренних дел, но имеют недостаточное профилактическое значение, поскольку сфера их действия не рассчитана на предупреждение таких преступлений и не предполагает возможности недопущения или снижения риска стать их жертвой.

Ст. 24 Федерального закона «О полиции» позволяет сотруднику обнажить огнестрельное оружие, если в создавшейся обстановке могут воз-

⁵ Конституция Российской Федерации: офиц. текст // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁶ О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Рос. газ. 2011. 10 фев.

никнуть основания для его применения. Однако ученые уже достаточно давно констатируют, что последствия применения оружия (главным образом процедура служебной проверки и дачи объяснений относительно обоснованности его применения) во многом оказывают негативное влияние на сотрудников органов внутренних дел, создавая у них ложную уверенность о том, что любой конфликт можно урегулировать без оружия [4, с. 16]. Кроме того, сотрудники, применившие оружие, фактически вынуждены доказывать правомерность этого, что становится негативным стресс-фактором, влияющим на психологическую готовность применять его в дальнейшем [6, с. 14–20].

Для сравнения: в США полицейские при исполнении служебных обязанностей имеют право применять физическую силу, специальные средства и оружие адекватно противоправным действиям или «на шаг жестче» [2, с. 20–23]. Данный принцип предупреждает возможность первичной виктимизации. Кроме того, его последовательное использование в оперативно-служебной деятельности укрепляет психологическую готовность к применению оружия или специальных средств.

Далее, в соответствии со ст. 2 Федерального закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»⁷ сотрудники органов внутренних дел отнесены к одной из категорий защищаемых лиц. Это также соответствует конституционным нормам, поскольку правоохранительная система в государстве защищает в том числе и конституционный строй, и сотрудники правоохранительных органов должны получать правовую защиту, адекватную профессиональным рискам. Широкий спектр мер безопасности, предусмотренный Федеральным законом «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», представляется логичным и позволяющим нейтрализовать угрозы самых различных видов. Предлагаемые меры можно дифференцировать на меры информационного (обеспечение конфиденциальности сведений, выдача средств оповещения об опасности, замена документов), охранительного (выдача оружия и средств индивидуальной защиты, личная охрана, охрана жилища и имущества, временное помещение в безопасное место) и сопутствующего (изменение внешности, изменение места работы (учебы), перевод на другую работу (службу), переселение на другое место жительства) характера. Вместе с тем порядок применения некоторых из них (например, замена доку-

ментов, выдача средств оповещения об опасности, временное помещение в безопасное место) не получил правовой регламентации в ведомственном правовом акте, вследствие чего возникают проблемы с их реализацией на практике. Кроме того, возникает определенный дисбаланс между должностным статусом сотрудника органов внутренних дел, включающим риски, связанные с гибелью или ранением, и необходимостью применять специальные меры государственной защиты (особенно сложные и связанные с освоением дополнительных финансовых ресурсов). На практике это может способствовать превращению мер безопасности, установленных законом, в декларативные положения, не используемые в практической деятельности органов внутренних дел. В целом их применение является достаточно сложным и во многом нереализуемым в условиях несения службы сотрудником органов внутренних дел.

Следует отметить, что респонденты проявили весьма низкую осведомленность о мерах безопасности (только 7 % располагали информацией о такой из них, как изменение признаков внешности, 11 % – о личной охране). 37 % респондентов отметили, что необходимость применения мер безопасности, аналогичных предусмотренной в Федеральном законе «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», возникла в отношении участников уголовного судопроизводства (временное помещение в безопасное место, обеспечение конфиденциальности сведений, охрана жилища). Только 2 % опрошенных указали, что им известны случаи применения мер государственной защиты в отношении коллег, и ни один не сталкивался с такой практикой в собственной служебной деятельности.

Полученные данные позволяют заключить, что виктимологический потенциал мер безопасности осознается правоприменителями не в полном объеме. Естественно, не любой риск, возникающий при исполнении служебных обязанностей, требует последующего применения мер безопасности. Так, факт применения насилия в отношении сотрудника органов внутренних дел, пресекающего административное правонарушение, хотя и обуславливает первичную виктимизацию, но едва ли сохраняет длительное негативное воздействие, а также ту степень угрозы, которая повышает риск повторной виктимизации. Однако ряд других ситуаций (например, первичная виктимизация при пресечении деятельности организованной группы, часть членов которой находится на свободе и имеет возможности ее продолжать) могут иметь большую степень сохранения опасности для жизни, здоровья, имущества сотрудника органов внутренних дел.

⁷ О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ // Рос. газ. 1995. 26 апр.

Поскольку причиной виктимизации сотрудников органов внутренних дел выступает их профессиональная деятельность, а порядок исполнения должностных обязанностей регламентирован законодательно, меры специальной виктимологической профилактики будут отличаться. Наиболее востребованными применительно к деятельности сотрудников органов внутренних дел могут стать следующие меры:

– меры технического характера: повышение качества технической оснащённости подразделений органов внутренних дел, позволяющее эффективно противодействовать совершению общественно опасных посягательств без дополнительного риска для жизни и здоровья сотрудников или оптимизирующее процесс розыска лиц, подозреваемых в совершении таких действий (дальнейшее развитие систем распознавания лиц, видеонаблюдения в общественных местах, средств видеофиксации, размещаемых в служебных транспортных средствах или носимых сотрудниками органов внутренних дел при себе);

– меры психологического характера: получение знаний и закрепление навыков общения в конфликтных ситуациях, развитие коммуникативных способностей, умение вести переговоры;

– меры организационного характера: оптимизация деятельности подразделений органов внутренних дел, установление товарищеских, доверительных отношений между сотрудниками, содействие преодолению трудных жизненных ситуаций.

В ходе исследования нами проанализировано мнение сотрудников органов внутренних дел относительно профилактики первичной и повторной виктимизации. В частности, респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, риск совершения преступления в отношении сотрудника органов внутренних дел понизится, если в их работу будут внедряться инновационные технологии?». 74 % опрошенных ответили на данный вопрос положительно, подразумевая при этом в первую очередь техническое усовершенствование процесса несения службы, оснащение новым оборудованием.

На вопрос о том, насколько востребованным было бы развитие системы оказания психологической помощи, около 60 % респондентов ответили положительно, ожидая получение информации о психологических приемах и методиках, упрощающих работу с правонарушителями. На вопрос о необходимости организационно-штатных преобразований респонденты ответили в целом положительно (56 %), имея в виду оптимизацию условий несения службы (график рабочих смен и структура коллектива при исполнении обязанностей).

Анализ полученных ответов позволяет сделать вывод о том, что правоприменители собственную виктимологическую безопасность воспринимают как предмет определенной заботы, но считают приоритетным техническое усовершенствование, а также формирование надежного локального коллектива, предполагая оказание взаимопомощи в конфликтной ситуации.

Целесообразным выглядит внедрение экспериментальных технологий, подразумевающих моделирование в естественных или лабораторных условиях обстановки совершения преступления. Такой метод виктимологической профилактики не является идеальным, поскольку при его реализации могут пострадать случайные жертвы. Однако, рассуждая относительно виктимологической профилактики преступлений в отношении сотрудников органов внутренних дел, необходимо отметить, что они являются профессионально подготовленными к возникновению экстремальной ситуации. Кроме того, их служебные обязанности охватывают ряд направлений, требующих особого внимания (например, обеспечение антитеррористической защищенности зданий и сооружений, в том числе мест локализации органов внутренних дел). В связи с этим использование экспериментальных методик в целях контроля исполнения сотрудниками полиции своих обязанностей надлежащим образом (например, попытка проноса проверяющими мундыра взрывного устройства) может быть оценено положительно. В свою очередь, лабораторный эксперимент подразумевает реконструкцию экстремальной ситуации в управляемых условиях (например, при проведении тренингов, повышении квалификации и др.) и может эффективно использоваться как учебная методика.

Для недопущения совершения большинства преступлений рекомендованы различные меры, препятствующие осуществлению преступного намерения (оснащение зданий и сооружений техническими средствами, приобретение навыков самообороны, использование ресурсов «соседской помощи» и др.). Однако в контексте виктимологической профилактики преступлений в отношении сотрудников органов внутренних дел их потенциал менее выражен: навыки самообороны, а также умения обращаться с оружием и специальными средствами составляют часть их профессионального «арсенала», техническая защищенность мест несения службы подразумевается в различных вариантах (в том числе антитеррористическая), контакты с представителями гражданского общества также составляют определенный сегмент несения службы.

Таким образом, разработка и внедрение в практику правоохранительной деятельности новых способов самозащиты и средств, ее упрощающих, имеют виктимологическое значение. Надо полагать, что это должно стать частью про-

цесса модернизации ресурсов МВД России, осуществляться на единой комплексной основе и в строгом соответствии с законом. В частности, определенную перспективу имеет внедрение технических средств, позволяющих дистанционно выявлять лиц, готовящих преступления, которые связаны с нападениями на сотрудников органов внутренних дел и места их расположения. В данном случае речь идет об особых условиях несения службы, а не о повседневном применении указанных средств в оперативно-служебной деятельности. Однако специфика задач, решение которых возложено на органы внутренних дел, требует учитывать все возможные варианты.

Вывод

В связи с вышеизложенным приходится констатировать, что виктимологическая составляющая не учтена законодателем ни в положениях законодательства о профилактике правонарушений, ни в иных нормативных актах, регламентирующих порядок несения службы сотрудниками органов внутренних дел.

Вследствие этого представляется логичным внести изменения в Федеральный закон «О полиции», изложив ч. 2 ст. 24, уполномочивающую сотрудников полиции применять огнестрельное оружие в ситуации, когда имеет место задержание лица, совершившего противоправные действия, в следующей редакции:

«2. При неповиновении или попытке лица, задерживаемого сотрудником полиции с обнаженным огнестрельным оружием, оказать сопротивление, а равно попытке сократить указанное сотрудником полиции расстояние или завладеть огнестрельным оружием сотрудник по-

лиции имеет право применить огнестрельное оружие в соответствии с пунктами 1 и 2 части 1 статьи 23 настоящего Федерального закона. В случае, если имеется возможность пресечь противоправные действия с применением физической силы или специальных средств, сотрудник полиции самостоятельно оценивает целесообразность этого и выбирает соответствующий возникшей ситуации прием».

Ч. 1 ст. 30 Федерального закона «О полиции», в соответствии с которой сотрудник полиции находится под защитой государства, должна быть дополнена предложением следующего содержания:

«Правомерность и обоснованность действий сотрудника полиции может быть оспорена в установленном законом порядке; при этом обязанность доказывания не может быть возложена на сотрудника полиции».

Предлагаемые изменения имеют виктимологическую составляющую и могут повлиять на темпы первичной виктимизации сотрудников органов внутренних дел, поскольку упростят порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также будут способствовать ликвидации стереотипов, негативно влияющих на формирование психологической готовности к их применению.

Кроме того, поскольку время задержания правонарушителей требуется свести к минимуму [5, с. 108–114], а проблемы профилактической деятельности органов внутренних дел относятся к обеспечению собственной безопасности [3, с. 15–20], внесение таких изменений может оптимизировать исполнение сотрудниками своих должностных обязанностей.

Список литературы:

1. Бучакова М. А., Дизер О. А., Александров А. Н. Теория и практика судебной защиты чести и достоинства, деловой репутации сотрудников органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 2.
2. Гудков А. Ю. Защита полицейских за рубежом // Вестник Омского юридического института. 2011. № 4.
3. Желудков М. А. Соотношение принципов гуманизма и справедливости при реализации мер по предупреждению преступности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 4.
4. Каплунов А. И. Применение и использование сотрудниками милиции огнестрельного оружия. Теория и практика: монография. СПб., 2001.
5. Клименко Б. А., Александров А. Н., Воротник А. Н., Кулиничев А. Н., Кандабар А. Н.

References:

1. Buchakova M. A., Dizjer O. A., Aleksandrov A. N. Theory and practice of judicial protection of honour and dignity and business reputation of staff of bodies of internal affairs // Problems of Law Enforcement Activity. 2016. № 2. // Problemy pravoohranitel'noj dejatel'nosti. 2016. № 2.
2. Gudkov A. Ju. Zashchita policejskih za rubezhom // Vestnik Omskogo juridicheskogo instituta. 2011. № 4.
3. Zheludkov M. A. The ratio of the principles of humanity and fairness in the implementation of measures to prevent crime // Problems of Law Enforcement Activity. 2016. № 4.
4. Kaplunov A. I. Primenenie i ispol'zovanie sotrudnikami milicii ognestrel'nogo oruzhija. Teorija i praktika: monografija. SPb., 2001.
5. Klimenko B. A., Aleksandrov A. N., Vorotnik A. N., Kulnichev A. N., Kandabar A. N. Analysis of the effectiveness of the organization of physical

- Анализ эффективности организации физической подготовки у сотрудников территориальных органов МВД России на транспорте и пути ее совершенствования // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 3.
6. *Кобленков А. Ю.* Детерминанты неудовлетворительного уровня психологической готовности сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 11.
 7. *Кузьмин А. В.* Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2015.
 8. *Озеров И. Н., Рудов Д. Н., Александров А. Н.* К вопросу о публичном оскорблении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением (практика расследования преступлений, совершенных в отношении сотрудников полиции) // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 1.
 9. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации: Форма № 10-А // Судебный департамент при Верховном Суде РФ.
 10. Состояние преступности в Российской Федерации [электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 27.12.2018).
 11. *Титушкина Е. Ю.* Новый этап формирования «профилактического» права // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4.
 12. *Хажироков В. А.* Особенности реализации правоохранительной функции государства в условиях глобализации // Философия права. 2016. № 3.
- training of employees of territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia on transport and ways of its perfection // Problems of Law Enforcement Activity. 2016. № 3.
6. *Koblenkov A. Ju.* Determinanty neudovletvori-telnogo urovnja psihologicheskoj gotovnosti sotrudnikov policii k primeneniju ognestrel'nogo oruzhija // Nauchno-metodicheskij 'elektronnyj zhurnal "Koncept". 2017. № 11.
 7. *Kuz'min A. V.* Ugolovno-pravovaja ohrana lichnosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: dis. ... kand. jurid. nauk. Stavropol', 2015.
 8. *Ozerov I. N., Rudov D. N., Aleksandrov A. N.* To the question of public insult of representative of authority in the performance of his duties or in connection with their execution (the practice of investigating crimes against police officers) // Problems of Law Enforcement Activity. 2016. № 1.
 9. Otchet o chisle osuzhdennyh po vsem sostavam prestuplenij Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: Forma № 10-A // Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude RF.
 10. Sostojanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii [elektronnyj resurs]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (data obrashchenija: 27.12.2018).
 11. *Titushkina E. Ju.* New evolution stage of «preventative law» // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2016. № 4.
 12. *Hazhirokov V. A.* Osobennosti realizacii pravoohranitel'noj funkcii gosudarstva v uslovijah globalizacii // Filosofija prava. 2016. № 3.

Для цитирования:

Чумичкин А. С. Некоторые вопросы реализации виктимологической профилактики преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 2 (50). С. 151–157.

For citation:

Chumichkin A. S. Some issues of implementation of victimological crime prevention committed against employees of the internal affairs bodies // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 2 (50). P. 151–157.